

6
НОЯБРЯ
1987
№ 3698

РУССКАЯ МЫСЛЬ

M 0706 - 3698 - 7,00 F

Еженедельник, выходит по пятницам.

Vendredi 6 novembre. Quarante-et-unième année.

LA PENSÉE RUSSE

Редакция и контора: 217, rue du Faubourg St. Honoré, 75008 Paris.
Тел.: 45.63.94.47 ou 45.63.21.83. Почт. счет: C.C.P. 5883-44 K. Paris.

Столица СССР накануне «праздника».

Фото Х.Л.

Ирина Иловайская

Мертвая догма и живые силы

Советская пресса в дни празднования 70-летия Октябрьского переворота вернулась к удручающим, фальшивым и безвкусным штампам стопроцентного прославления. Повторяются слова, явно «спущенные сверху» как формула, которую предписано повсеместно использовать: «советский народ сделал свой выбор 70 лет тому назад, и этот выбор — раз и навсегда».

70 лет тому назад советского народа не было, были народы изнуренной и разваливающейся Российской империи, незадолго до того, по действительно свободному выбору, ставшей республикой и мучительно искавшей пути к демократическому развитию. В ноябре 1917-го никто их не спрашивал, каков их выбор, а когда спросили — в момент избрания народных представителей в Учредительное собрание, — оказалось, что не большевиков они выбирают. В дальнейшем это было доказано в длившейся десятилетия кровопролитной борьбе. Безжалостное подавление многостороннего, многогранного сопротивления в большой мере содействовало тому, чтобы сделать новосозданную формацию, небывалую в истории человечества — Советский Союз, — по сути дела нежизнеспособной. А давно знакомое из советского идеологического словаря ритуальное выражение «раз и навсегда» подтверждает неизменность догматических позиций, как только дело доходит до серьезных вопросов — таких, как законность советской власти.

Власть была взята незаконно, силой, против воли большинства народов будущего Советского Союза. Она была удержана и укреплена террором, жестокостью, постоянным насилием. Люди, верящие в высокое человеческое достоинство демократического правопорядка, естественно, убеждены в том, что подобное происхождение власти лишает ее шансов на успех в управлении государством и в отношениях с обществом.

Отвлечемся от теоретической предпосылки и поглядим только на сегодняшнюю реальность. Ежегодно обсуждается в мировой печати состояние очередного советского урожая, ежегодно раздается все тот же вопрос: хватит ли этого урожая на то, чтобы прокормить — худо-бедно — население страны? Сколько зерна придется советскому руководству закупать за границей, чтобы избежать голода?

Окончание на стр. 5.

Гласность у них была и раньше — в виде гласного административного надзора за освобожденными. Теперь и в слезке они откровеннее, «гласнее», чем прежде. Об этом сообщают почти все наши корреспонденты.

«Экспресс-хроника» №13 (1 ноября) пишет:

В последнее время за членами редакторской группы «Экспресс-хроники» ведется уличная слежка — т.н. «наружное наблюдение». С 30 октября слежка приняла демонстративный характер. Сотрудники КГБ, не стараясь остаться незамеченными, сопровождают редакторов «Экспресс-хроники» на улице, в городском транспорте, в лифте, на лестнице, вплоть до дверей квартиры, в которую они направляются. Подобная слежка уже в течение двух недель ведется также и за Андреем Кривоным — членом московской Группы доверия.

Не забывают при этом и младшее поколение. Тот же источник сообщает:

26 октября сына главного редактора бюллетеня «Гласность» Сергея Григорьянца — 16-летнего Тимофея остановили на улице два бывших одноклассника и предъявили ему претензии, что его отец издает антисоветский журнал, принимает у себя дома иностранцев, а представитель милиции не пускает в квартиру. Из-за этого разгорелся драка.

28 октября те же старшеклассники подошли в школе к младшей сестре Тимофея Григорьянца и потребовали, чтобы она вызвала на улицу брата для продолжения «разбирательства».

В доме, где живет семья Сергея Григорьянца, проживает несколько десятков семей сотрудников КГБ — офицеров расположенного рядом пограничного училища.

Все особенности «нового» КГБ вполне проявились 30 сентября, когда должна была состояться демонстрация в защиту политзаключенных. (С объявления о ней начинался наш обзор в прошлом номере «Р.М.»)

Сведения о событиях этого дня начали поступать к нам в тот же вечер. Вот как они теперь изложены в «Экспресс-хронике»:

30 октября, в День политзаключенного, предполагалось провести демонстрацию в Москве и Ленинграде. В Москве демонстрация должна была начаться в 19.30 в сквере на углу Кропоткинской улицы и Остоженки. Предполагалось, что демонстранты поднимут плакаты со следующими лозунгами: «Требуем всеобщей амнистии и реабилитации всех политзаключенных в СССР», «Исключить из Уголовного кодекса статьи 70, 72, 190-1, 190-3», «НЕТ — карательной психиатрии», «Узаконить право на инакомыслие».

Около 25 человек было задержано еще до демонстрации и разведено по разным опорным пунктам милиции. Там их всех продержали не менее трех часов. Среди задержанных — Евгения Дебрянская, Николай Храмов, Владимир Скварский, Марина Кублицкая, Галина Чаплинская, Андрей Кривов, Ирина Кривова, Петр Старчик, Дмитрий Стариков, Дмитрий Эйсер, Пинхос Подрабинек, Кирилл Подрабинек, Александр Петрабинин, Андрей Шилков, Юрий Цырьков, Валерий... Сергей Григорьянец, Кирилл Попов, Лев Тимофеев и др. Были задержаны также приехавшие на демонстрацию люди из города Ровно и Амурской области.

Евгению Дебрянскую выпустили из опорного пункта только около 11 часов вечера, однако она не поехала домой, а решила провести демонстрацию в одиночку. Сквер на углу Кропоткинской и Остоженки был, по ее словам, окру-

жен плотным кольцом милиции и людей в штатском. Едва она успела вынуть из сумки плакат, как к ней ринулись сотрудники милиции и затолкали ее в стоящую рядом машину. После этого Е. Дебрянскую отвезли домой.

Валерия Новодворская, когда ее выпустили из опорного пункта, приехала на Пушкинскую площадь. Там ей удалось простоять с развернутым плакатом около 10 минут. Вокруг нее собралось много прохожих. Подъехавшая вскоре милиция разорвала плакат и отвезла Новодворскую в 50-е отделение милиции. В час ночи ее отпустили.

Александр Подрабинек через два часа после задержания удалось сбежать из опорного пункта, где он был заперт в камере.

Его брат Кирилл Подрабинек был задержан возле своего дома в г. Электросталь (Московская область) и доставлен в Москву в опорный пункт 167-го отделения милиции. Несмотря на высканное им желание остаться, через три часа его отвезли на машине назад в Электросталь.

В Ленинграде у Казанского собора для проведения демонстрации собралось около ста человек. Плакат держали семеро демонстрантов — Анатолий Дубков, Аркадий Цурков, Юлия Брова, Эльвира Болотская, Григорий Поздняк, Кирилл Болтовский и Екатерина Подольцева. Их отвезли в милицию, не дав простоять и одной минуте. Кирилл Болтовский и Екатерина Подольцева развернули в милиции плакат: «Вечная память замученным в политзонах». Через три часа пятеро задержанных были освобождены. Анатолий Дубков, редактор ленинградского самиздатского журнала «Слово», и бывший политзаключенный Аркадий Цурков были приговорены к десяти суткам административного ареста. В этот день А. Дубков объявил десятидневную голодовку.

А вот что рассказали очевидцы

Уже задолго до назначенного времени Кропоткинская площадь, все близлежащие улицы и переулки были плотно оцеплены милицией, дружинниками и лицами в штатском. Всех выходящих из метро и прохожих фотографировали, а некоторых даже снимали на киноплёнку.

У дома, где живет бывший политзаключенный Кирилл Попов и где сейчас находится редакция «Гласности», уже накануне демонстрации была установлена слежка и дежурило несколько машин. Демонстрация была назначена на 19.30 вечера. В начале шестого из дома вышел сотрудник «Гласности», бывший политзаключенный Андрей Шилков (он собирался позвонить из телефона-автомата) и тут же был схвачен. След за ним вышли Нина Лисовская и Сергей Григорьянец.

На Григорьянца (который, кстати, тоже не собирался идти на демонстрацию) накинuloсь восемь человек. Выворачивая ему руки — в результате у Григорьянца вывихнуто плечо, — милиционер и лица в штатском поволокли его в машину. Затем его отвезли в опорный пункт 92-го отделения милиции возле Курского вокзала. Никаких объяснений при этом «стражи порядка» ему не давали и документы предъявлять отказывались. В опорном пункте Григорьянца продержали около трех часов. Любопытно, что при этом какие-то несколько человек в штатском уверяли его, что они «историки» и пытались вести разговоры на «научные темы». От каких-либо контактов Григорьянец категорически отказался. Когда же наконец он был «освобожден» и вышел на улицу, то обнаружил за собой плотную слежку.

Окончание на стр. 2

РУКИ ПРОЧЬ ОТ АФГАНИСТАНА!

ОБРАЩЕНИЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

Мы, женщины, требуем прекратить позорную интервенцию в Афганистане и вывести советские войска с территории соседнего государства. Мы не желаем, чтобы наши дети, братья, мужья умирали или становились калеками из-за того, что СССР оккупировал Афганистан якобы по просьбе его правительства о наведении там порядка. Пусть свои внутренние проблемы афганцы решают сами.

В то время как СССР находится вне [состояния] войны — почему должны умирать наши солдаты? Тем более, не за свою родину. Защита своей родины — долг война и гражданина. Но сеять смерть и разрушение в стране, которая ничем нам не угрожает, — преступление против человечества, против человечности.

Не трогайте наших детей — не для того мы их растили.

Мы требуем мира и хлеба дружественной стране.

Руки прочь от Афганистана!

Прекратите бессмысленное кровопролитие!

Это обращение распространяли в Москве на Арбате женщины из объединений «Перестройка» и «Община».

«Экспресс-хроника» № 13, 1 ноября 1987

ВЕСТИ С РОДИНЫ

В КГБ-то уже перестроились...

ПОЛЬША: Невеселая осень

Мы просим извинения у наших читателей за ошибку, которая была сделана в нашем отчете о польских событиях за прошлую неделю (в отсутствие нашего постоянного обозревателя). Мы указали, что референдум в Польше состоялся 29 октября, в то время как он назначен на 29 ноября.

Это, однако, позволяет нам сегодня и в ближайших номерах вернуться к теме референдума. Как мы сообщали в прошлом номере, созданное путем слияния двух прежних руководящих инстанций «Солидарности»: подпольной Временной координационной комиссии и открытого Временного совета «Солидарности» — новое руководство профсоюза (Общепольская исполнительная комиссия) призвало поляков бойкотировать референдум. Можно думать, что этот призыв по крайней мере не меньше, чем само создание нового руководящего органа «Солидарности», вызвал ожесточенную ярость властей. Лех Валенса и все члены ОИК на 6 ноября вызваны на допросы по месту жительства.

Призыв к бойкоту референдума со стороны может показаться не вполне понятным. Ведь власть поставила на референдум вопросы о том, хочет ли общество экономических реформ и политической либерализации, а поскольку оно их, конечно, хочет, то почему же не пойти и не ответить утвердительно? Дело не так просто. ОИК в своем коммюнике справедливо отмечает, что поставленные вопросы чрезвычайно туманны и не содержат никаких «подлинных политических», экономических и социальных гарантий» создания действительно демократического общества. Вопросы настолько туманны, что ответить на них «нет» невозможно, а ответ «да» не означает ничего иного, кроме одобрения любой будущей политики партии-правительства.

Заявление по вопросу о готовящемся референдуме выпустила 21 октября политическая партия Конфедерация Независимой Польши:

Окончание на стр. 3

ОБЗОР СОБЫТИЙ ЗА НЕДЕЛЮ

«Русская мысль»

ВЕСТИ С РОДИНЫ

Начало см. стр. 1.

При этом оперативники угрожали ему избиением, если он попробует от них «уйти». Григорьянц попробовал поймав такси, и тут же к нему подъехала «случайная» попутная машина. Всю дорогу до дома Кирилла Попова, куда ехал Григорьянц, за ним следовала черная «Волга» с полным экипажем». У дома К. Попова уже стояло пять машин, плотно набитых оперативниками. По словам Сергея Григорьянца, с которым нам удалось связаться по телефону, на многих улицах и площадях Москвы в этот вечер дежурили военные регулировщики (так было, в частности, на Садовом кольце, на Ленинском проспекте и возле Крымского моста). По некоторым сведениям (их любезно сообщил Григорьянцу владелец частной машины, который «случайно» его подобрал), центр города был перекрыт.

В тот же вечер на выходе из своего дома был задержан писатель, бывший политзаключенный Лев Тимофеев, который собирался ехать в редакцию «Гласности», узнав, что задержан Сергей Григорьянц. О том, как происходило задержание Льва Тимофеева, он сам рассказывает в своем заявлении на имя прокурора г. Москвы.

ЗАЯВЛЕНИЕ

30 октября сего года примерно в 18 часов 45 минут на улице академика Варги при выходе из дома, где я проживаю, я был задержан группой неизвестных лиц. Один из группы, предьявив удостоверение на имя сотрудника Московского уголовного розыска майора Титова, под угрозой применения силы заставил меня сесть в легковой автомобиль марки «Волга» без номерных знаков. После этого меня и мою жену, решившую сопровождать меня, отвезли на противоположный конец Москвы в район Печатников, где продержали в опорном пункте охраны общественно-порядка в течение двух часов, никак не объясняя причин задержания. По истечении этого срока нам с женой было предложено сесть в ту же машину, и мы были доставлены назад к нашему дому на то место, где нас задержали. Не извинившись и так и не объяснив причин задержания, люди, сопровождавшие нас, уехали.

Задержание такого рода, ничем не спровоцированное, без объяснения причин — есть акт насилия, акт грубого произвола. Прошу вас выяснить обстоятельство происшествия и привлечь виновных к уголовной ответственности.

31 октября 1987 года, Москва.

К о. Владимиру Шибяеву в восемь часов вечера явился милиционер, предьявив ему постановление о нарушении паспортного режима и, не дав никаких объяснений, сообщил, что его квартиру отныне поставлена под «спецнадзор» (т.е. туда в любой момент могут явиться милиционеры, дружинники и гексты).

За квартирой одного из основателей московского отделения Международного общества прав человека Валерия Сендеров установлена слежка.

«Били, бьем и будем бить»

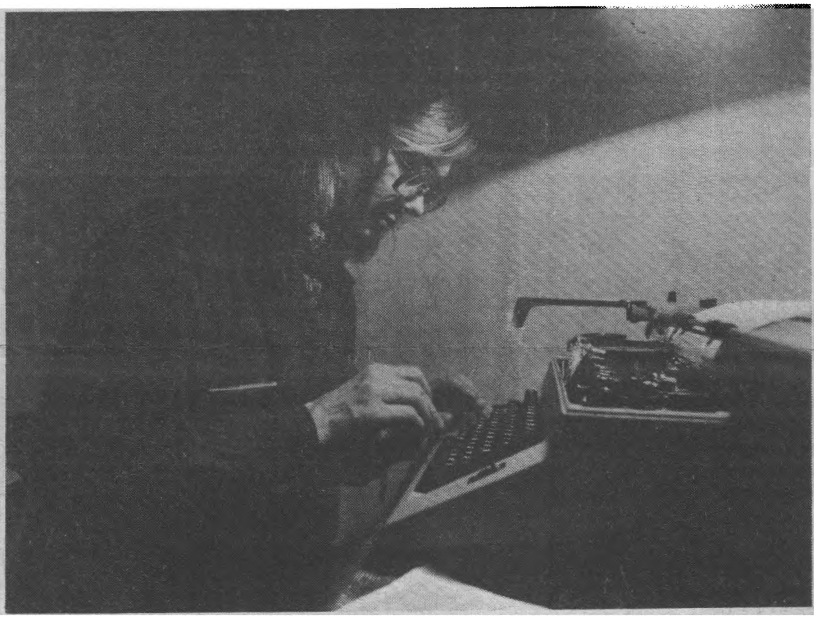
Андрей Шилков появился в Москве только на следующий день — 31 октября. Вот что он рассказал о своем задержании:

Меня взяли прямо на улице, когда я шел позвонить по автомату. Они привели меня в 108-е отделение милиции на Большой Бронной. Там надо мной здорово поиздевались, забили в наручники, а я в знак протеста вскрыл вены. Тогда они вызвали «скорую». Девочку-санитарку, которая меня перевязывала, я попросил позвонить моим друзьям. Но когда меня отправили в травмпункт, ее так запугали, что она не позвонила. При этом в милиции мне все время повторяли: «Мало вас расстреливали в 30-е годы, вас всех давно пора расстрелять, мы и до вашего Григорьянца доберемся». Вообще разговор был очень жесткий. Потом они зачитали мне постановление (совершенно ложное), что меня якобы уже штрафовали за незаконное пребывание в Москве. При этом у меня на руках был билет, что я сегодня утром приехал в Москву. «Мало ли кто мог тебе дать этот билет», — сказали в милиции. После этого они меня выдворили из Москвы, сказали, чтобы я больше здесь не появлялся, а то привлекут по статье 198 — «нарушение паспортного режима».

Меня отвезли в спецприемник, потом посадили в поезд «Москва — Одесса», который шел через Калугу. Я выпрыгнул из поезда на ходу. При этом у меня не было ни ключей от моего дома в Боровске, ни денег... Ну, а потом я вернулся в Москву.

Поздно вечером 31 октября был избит другой сотрудник журнала «Гласность» Дмитрий Эйсер:

В КГБ-то уже перестроились...

Андрей Шилков.

Было это так. Вечером он зашел к Григорьянцу, и в половине второго ночи тот вышел его проводить. За ними плотно шли «толпунцы». Когда Григорьянц и Эйсер остановились и стали искать такси, оперативники подошли к Григорьянцу и ударили его в грудь. Григорьянц и Эйсер обратились к милиционерам, которые стояли рядом. Те посоветовали им идти в отделение милиции. Они пошли. Там составили протокол. Потом Григорьянц посадил Эйснера на такси и отправил его домой. Когда Эйсер подъехал к дому, к нему подскочили приехавшие на машине следом те же оперативники, повалили его на землю и избили. Он все-таки сумел подняться и попробовал войти в подъезд дома. Оперативники догнали его и снова жестоко избили. Придя домой, Эйсер вызвал милицию. Те приехали, но отказались составлять протокол, заявив: «Вы же из Группы доверия, значит, нужно больше доверять людям...» Сергей Григорьянц все-таки узнал фамилии сержантов, которые отказывались составлять протокол избиения, и теперь Григорьянц и Эйсер требуют от начальства отделения милиции разбирательства этого дела.

Об этом нам рассказали сотрудники «Гласности» в воскресенье.

Дмитрий Пергамент, которого, вероятно, власти плохо знали в лицо, сумел 30 октября добраться до Кропоткинской площади. В густой толпе он увидел французскую корреспондентку, подошел к ней вплотную и тихо сказал: «Вот сейчас я разверну плакат, и вы увидите, что будет...»

Не успел он этого произнести, как его тут же схватили дюжие милиционеры и поволокли к спецавтобусу. П. Д. Пергамент везли в отделение милиции, один из сопровождавших его не без ехидства заметил: «Вы в своем плакате поминаете статьи 70-ую и 190-ую. Вот мы с вами и поступим в соответствии с этими статьями».

«Волна мира»

К демонстрации 30 октября обе стороны готовились одновременно. «Экспресс-хроника» сообщает о демонстрациях «мирников»:

Ленинград, 24 октября.
В связи с проведением международной акции «Волна мира» ленинградская Группа доверия и несколько человек — участников различных неформальных групп наметили провести в 13 часов на площади Искусств пацифистскую демонстрацию.

В 10 часов утра на квартиру к Анатолию Дубкову пришел участковый милиционер и с ним человек в штатском. Дубкову сказали, что он должен пойти с ними в отделение, так как получена информация о том, что он не работает. Когда он показал справку с места работы, они сослались на какой-то «сигнал» из вырезателя. Дубков сказал, что в милицию не пойдут, и незваные посетители удалились. Вскоре Дубков вышел на улицу, и, когда он около 10.30 ехал в трамвае, к нему подошли те же люди и, угрожая санкциями за «сопротивление работникам милиции», посадили его в «Запорожец». Доставили в штаб на Большой Разночинной, д. 17, и держали там три часа, не предьявляя обвинения, не показывая документов и не составляя протокол. А. Дубков составил заявление протеста, в котором указал, что цель его задержания — воспрепятствовать его участию в международной «Волне мира».

У Александра Богданова милиция оцепила дом, продержав его несколько часов под домашним арестом, несмотря на то, что он не выражал намерения участвовать в демонстрации.

Демонстрация все же состоялась. На площади в 12 часов было около 15 человек. Среди них: Шереметьев, который вышел на площадь с плакатом «Советская армия — самая империалистическая армия в мире». Его задержали. Были также лозунги типа «Зеленому движению — зеленую дорогу» и т.д. Однако основных лозунгов пацифистского содержания с требованием альтернативной службы — не было.

Львов.
Демонстранты, поднявшие лозунги, аналогичные ленинградским, были сразу окружены милицией. Задержали члена львовской Группы доверия пятидесятичеловечный Людмилу Полунину и приехавшего из Москвы Александра Рубченко (московская Группа доверия). Остальных демонстрантов милиция быстро разогнала. Задержанные были освобождены через три часа. При этом начальник отделения милиции сказал им: «Передайте своим в Москве и в Ленинграде, что у нас во Львове эти штучки не пройдут».

Удивляются не только в Ереване

О двух демонстрациях в Ереване «Р.М.» сообщила две недели назад, «Экспресс-хроника» в № 12, и не только они. На передачи западных радиостанций откликнулся 28 октября собкор «Литературной газеты» Зорий Балеян, чья опубликованная еще летом статья и послужила первым толчком к экологическим демонстрациям в Армении. Ему сразу ответил «Открытым письмом» Валерий Сендеров:

Глубокоуважаемая редакция!
В сегодняшнем номере вашей газеты опубликована статья «В Ереване удивляются», — о демонстрации, призывающей «спастись Армении от химического и радиоактивного геноцида». Так гласил один из плакатов. Информацию об этой демонстрации западным радиостанциям и агентствам передавал я. Власть не чинила демонстрации помех, ваша газета права. Мое сообщение об этом также прозвучало по радиоголосам.

Видимо, загруженность более важными делами помешала вашему собственному корреспонденту Балеяну дождаться передачи до конца. Ибо на следующий день в Ереване состоялась еще одна демонстрация — по поводу острых национальных конфликтов между армянским и азербайджанским населением Карабаха. В сообщении западных средств информации я подчеркивал, что некомпетентен судить о существовании конфликта.

Национальные вопросы относятся к числу наиболее сложных. Однако грубый разгон милицией демонстрации и избивание участников вранд ли можно считать приемлемым способом их разрешения. Гласность так гласность. Сообщив довольно подробно о мирно прошедшей экологической демонстрации, может быть, ваша газета уделит хоть несколько строк событиям следующего дня. В частности, ответит на вопросы, удивляются ли ереванцы по поводу избивания ногами их дочерей и жен, или, быть может, выражают какие иные чувства?

«Экспресс-хроника» поместила сообщение известного армянского правоза-

щитника, бывшего политзаключенного Паруйра Айрикяна:

Со многими студентами, участвовавшими в экологической демонстрации в Ереване 17 октября этого года, беседуют сейчас сотрудники КГБ. Им угрожают, что они не смогут окончить вузы. Видных членов партии, известных в Армении людей вызывают для бесед в ЦК КП Армении. С рядовыми коммунистами, участвовавшими в демонстрации, беседуют по месту их работы. Директора школ получили фотографии школьников, участвовавшими в демонстрации, беседуют по месту их работы. Директора школ получили фотографии школьников, участвовавшими в демонстрации, беседуют по месту их работы. Директора школ получили фотографии школьников, участвовавшими в демонстрации, беседуют по месту их работы.

За безъядерную зону

А из Риги пришло следующее сообщение.

На 25 октября была назначена демонстрация экологистов. Она была разрешена официально и должна была проходить у Дворца культуры завода ВЭФ. Но 24 октября на дом к президенту экологического клуба Арvidу Улма приехали партработники и на своей машине отвезли его в свой парткомитет. Там Улма сообщили, что «возможны провокации со стороны националистов, кришнаитов и приехавших эстонцев (наш корреспондент комментирует: «Эстонцы иногда приезжают в рижские магазины, где получают с вещами»), которые могут использовать демонстрацию в своих целях». Поэтому демонстрацию порекомендовали перенести в Дворец культуры. Как сказал партработник, «в Эстонии был уже разгромлен парткомитет». (В Риге ближайший парткомитет от Дворца культуры расположен весьма далеко.)

Несмотря на это, члены клуба собрались в 16 часов возле Дворца культуры и пели латышские песни, к экологии, правда, не относящиеся. У демонстрантов было много плакатов, среди них: «Требуем в Латвии безъядерную зону». Собирались подписи с требованием раскритерить данные загрязнения окружающей среды. В 16.20 зашли во дворец, плакаты остались на улицах. В помещении находились до 18 часов. За порядком, по их рассказам, следил тот же человек, что и в День искусств (весной), 14 июня и 23 августа.

Гласность — слово Божье

О демонстрации двумя днями раньше сообщают из Москвы пятидесятичеловек:

Хригин Александр, пятидесятичеловек из города Батайска Ростовской области, 23 октября в 13.15 на Красной площади устроил демонстрацию с плакатами: «Гласность — слово Божье» и «Разрешить выезд христианам по религиозным мотивам». Хригин преследуется за религиозные убеждения, в частности, давно уволен с работы. Собралась большая толпа, милиция опоздала и подъехала через 5-6 минут. Его обследовала комиссия из трех психиатров, признала, по-видимому, вменяемым и здоровым, поскольку о психиатрии речь после этого уже не шла. Хригина продержали в милиции 5-6 часов и приказали немедленно покинуть Москву.

2 ноября в приемной президиума Верховного Совета состоялась ставшая за последние месяцы уже традиционной демонстрация евреев-отказников и жалобщиков. Наш корреспондент сообщает, что на этот раз власти вели себя в целом сдержанно и корректно, хотя демонстранты опять пришли в приемную с плакатами, к ним вышел кто-то и произнес фразу типа: «Подождите, не всё же сразу». Но два жалобщика — Людмила Кожевникова и Василий Шабанов были задержаны и доставлены из приемной в 40-е отделение милиции.

После предыдущей демонстрации в приемной президиума Верховного Совета (правда, продолженной у американского посольства, где они пытались приковать себя цепью к решетке забора) получили разрешение на эмиграцию Александр Жданов и Галина Герасимова, которые несколько лет добивались выезда к своей дочери, попросившей в свое время политическое убежище в США.

«Чтобы не было жертв»

О том, как сейчас предостерегаются крымско-татарские демонстрации, сообщается в «Экспресс-хронике» № 13: 26 октября представители крымско-татарского народа — Мустафа Дже-

милев, Решат Джемилиев, Фуат Аблимитов, Эскендер Фазылов и другие были вызваны в прокуратуру Узбекской ССР к Буторлину. На приеме присутствовал министр внутренних дел Узбекской ССР Рахимов, его заместитель, помощник прокурора, сотрудник газеты «Правда Востока» и еще 2-3 человека. Встреча длилась с 16 до 20 часов. Присутствующим крымским татарам, как имеющим влияние на свой народ, было предложено обратиться к народу с призывом отменить все выступления, демонстрации и митинги в предпраздничные и праздничные дни 7 и 8 ноября — как было сказано, «чтобы не было жертв с обеих сторон». Было предложено три текста обращения. Крымские татары не приняли их и со своей стороны предложили два варианта от имени Инициативной группы национального движения. Прокурор заявил, что в СССР никаких неофициальных национальных движений нет, и негосударственные комитеты не признаются. Прокурор просил дать хотя бы устные обещания содействовать предотвращению народных собраний, добавив, что «ЦК ждет». Представители Инициативной группы отказались дать такие обещания. Прокурор, хотя и признал факты грубой антиатарской кампании в газетах и обещал прекратить эту кампанию, все же сделал заявление чисто заложнического характера. Он сказал, что если активисты крымско-татарского движения не дадут обещания предотвратить эксцессы, то они будут обвинены во всех возможных последствиях.

На следующий день в ЦК КП Узбекистана также отказались принять текст обращения Инициативной группы. Им сказали, что будет опубликован официальный вариант, под которым крымские татары отказались поставить свои подписи.

Суд по политической статье — первый в 1987

Нам позвонили из Москвы: 28 октября в Воронежском областном суде судили Ивана Пайкратченко. Приговор — десять лет лагерей особого режима, из них первые три — в тюрьме. Зал суда наполнял «спецаудитория» — студенты юрфака Воронежского университета и школа милиции. Обвинение: требование многопартийной системы, магнитофонные записи работы Сахарова «О стране и мире» и «Архипелага ГУЛАГ», распространение «Смоленского воззвания». Другие обвинения неизвестны, по-видимому, их не было.

Выполняется ли Конституция?

В то время как органы исполнительных власти разгоняют и преследуют демонстрации, органы судебной власти не стесняются применять то, что должно быть отменено, законодательные органы готовятся жить и творить по-новому.

23 октября заведующий юридическим отделом президиума Верховного Совета РСФСР ответил В.Н. Осипову на письмо, цитированное нами в прошлом обзоре:

Сообщаем Вам, что изложенное в Вашем письме предложение об исключении из Уголовного кодекса РСФСР статьи 188-3 будет рассмотрено при разработке проекта нового кодекса. Заведующий отделом

П.А. Станков

Осипов написал письмо по поводу пересмотра законодательства о культурах. Ответ был таков:

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик. Председатель Совета Союза. 2 октября 1987 года. № 613-6.

Тов. Осипову В.Н.
Уважаемый Владимир Николаевич!
В своем письме от 25 сентября сего года Вы фактически ставите вопрос о реальном осуществлении правовых норм и гражданских прав, которые не первый год содержатся в основных законодательных актах советского государства, прежде всего в Конституции СССР. К сожалению, до сих пор они не выполнялись в должной степени. Сейчас, как мы все ощущаем, обстановка меняется. В ходе перестройки и глубокой демократизации всех сфер нашей жизни, будет, несомненно, найдено разумное решение и вопросы, которые Вы ставите в своем письме.

Хочу подчеркнуть, что вопросы эти не простые, они имеют не только чисто юридические аспекты, но и материальные, нравственные, психологические. Поэтому для их решения нужны время и терпение.

С уважением,

Л. Толкунов

Им нужно время, а нам — терпение.

АРИНА и АЛЕКСАНДР ГИНЗБУРГ

ОБЗОР СОБЫТИЙ ЗА НЕДЕЛЮ

«Русская мысль»

К новой встрече в верхах

30 октября министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе прибыл в Вашингтон и в тот же день встретился с президентом Рейганом. По окончании их беседы было объявлено, что новая советско-американская встреча в верхах состоится 7 декабря — на этот раз в столице Соединенных Штатов.

Во время этой встречи, третьей по счету между президентом США и генеральным секретарем ЦК КПСС, будет подписано соглашение о ликвидации в Европе ядерных ракет средней дальности (РСД) — первое в истории советско-американских отношений соглашение, благодаря которому будет сделан шаг к действительному разоружению: все предшествующие договоры и соглашения были направлены на то, чтобы ограничить производство той или иной категории ядерных вооружений.

О том, насколько эффективным будет соглашение по РСД, нельзя судить до тех пор, пока не станут известны предлагаемые в рамках соглашения методы проверки его соблюдения. Следует, однако, признать, что если Советский Союз добился цели (американские «першинги» и крылатые ракеты будут вывезены из Западной Европы), ему приходится, тем не менее, поступиться ракетами СС-20, которые, как «всем известно», никому не угрожали, а служили исключительно целям обороны (в то время как вышеупомянутые американские ракеты были, конечно же, оружием наступательным).

Советское руководство, несомненно, рассчитывало на то, что соглашение по РСД в той или иной степени ослабит союз между США и западноевропейскими странами (вспомним, что в своей речи на последнем съезде КПСС Горбачев говорил о необходимости в будущем распустить военные блоки, т.е., в первую очередь, НАТО). Но, поначалу растерявшись, Западная Европа, похоже, обрела волю к тому, чтобы, наоборот, укрепить «европейский столп» союза, обеспечивающего безопасность западноевропейских стран. Об этом говорит-

ся в резолюции, принятой на состоявшемся 27 октября в Гааге заседании министров иностранных дел и обороны стран — членом Западноевропейского союза («замкнутой военной группировки», «тесно связанной с НАТО», — такое определение дается в новейшем «Ежегоднике» БСЭ). Семь входящих в эту организацию стран (Франция, Великобритания, ФРГ, Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды) заявили, что в нынешних условиях, когда Европа остается разделенным надвое континентом, а геостратегическое положение Западной Европы подчеркивает ее уязвимость перед лицом превосходящих сил Организации Варшавского договора (как в области ядерных, так и в области обычных вооружений и химического оружия), «безопасность Европы может быть обеспечена только в тесном сотрудничестве с ее американскими союзниками». «Соответствующая опасности и эффективная стратегия обороны (...) должна по-прежнему основываться на комбинации ядерных и обычных вооружений, причем ядерные средства обороны продолжают быть единственной силой, которая ставит потенциального противника перед необходимостью взять на себя недопустимый риск». В Западной Европе ядерным оружием располагают Франция и Великобритания, и, хотя сейчас советское руководство об этом не говорит, существование этих ядерных арсеналов для СССР остается неприемлемым.

Во время предстоящей встречи президент Рейган и М.С. Горбачев обсудят также вопрос о сокращении стратегических ядерных вооружений и дальнейшую судьбу договора о противоракетной обороне, а значит, и судьбу стратегической оборонной инициативы. (Оборона США, как известно, прямо затрагивает интересы СССР.)

Следующая, четвертая советско-американская встреча в верхах назначена на 1988 год. Она должна состояться в Москве.

5 ноября вступает в действие план мира в Центральной Америке

Хотят ли мира коммунисты?

23 октября в Каракасе, не приведя ни к какому соглашению, закончились трехдневные переговоры представителей правительства Сальвадора и Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти. Переговоры сорвались на том, что правительство предлагало обсуждать условия перемирия, а коммунистическая герилья требовала одновременных переговоров об амнистии и «демократизации» страны. Президент Дуарте, находившийся в это время в Испании, выразил свою убежденность в том, что повстанцы попросту «хотят вы-

в первые дни ноября, однако сандинисты не отступают от якобы логического тезиса о том, что переговоры о перемирии должны вестись только с Вашингтоном.

28 октября три члена Директории: Альфонсо Робело, Альфредо Сесар и Педро Хоакин Чаморро — явились в никарагуанское консульство в Сан-Хосе затем, чтобы получить свои паспорта для въезда на родину. Им было сказано, что паспорта могут быть выданы лишь при условии, что они обратятся с прось-

бой посредничества Примаса Никарагуа. Мигель д'Эското объяснил журналистам, что антисандинисты не являются «подлинным повстанческим движением». И ничего удивительного: для коммунистов «подлинным повстанческим движением» никогда не являлись их противники — от кронштадтских матросов и тамбовских крестьян, среднеазиатских «басмачей», прибалтийских «лесных братьев» и западноукраинских «бандеровцев» до сегодняшних афганских партизан, все они считались и считаются врагами народа, реакционерами, «контрой», а ближе к нашим дням — наемниками американского империализма.

«В вопросе о Никарагуа, — заявил президент Ариас, — мы находимся в тупике, и ясно, что одностороннее перемирие, объявленное сандинистским правительством, не работает». Министр иностранных дел Сальвадора Асеведа Перальта обвинил сандинистов в том, что они продолжают оказывать военную помощь сальвадорской герилье. Сказав, что в Сальвадоре начинается освобождение 800 политзаключенных, А.Перальта прибавил: «Надеюсь, что Никарагуа поступит так же со своими десятью тысячами политзаключенных!» Тем не менее, в Сан-Хосе была достигнута договоренность о вступлении плана мира в действие с 5 ноября. Участники совещания ждали избежать «контрадорского комплекса» (дискуссии вокруг плана мира группы Контрадоры растянулись на шесть лет и закончились ничем). Вступление плана мира в действие состоит в следующих шагах:

— призыв пяти центральноамериканских правительств прекратить иностранную поддержку всем повстанческим движениям (один из комментаторов замечает: «...призыв, который американской администрации придется учитывать в своей поддержке „контре“; прибавим, что советской и кубинской «администрациям» ничего такого учитывать не придется в силу их неподотчетности кому бы то ни было);

— снятие чрезвычайного положения в Никарагуа (единственной из пяти стран, где оно сейчас существует);

— амнистия для повстанцев и политзаключенных в странах, где наличествует вооруженный конфликт (это условие уже выполнила, кроме Сальвадора, Гватемалы; остается только Никарагуа).

Еще два пункта плана мира: заключение перемирия между правительствами и повстанцами и ликвидация повстанческих лагерей на территориях соседних стран — должны выполняться постепенно.

А пока президент Никарагуа Даниэль Ортега отправился на торжество по случаю юбилея Старшего Брата в Москву. Правда, он не остается там до самого «праздника»: 5 ноября ему надо вернуться для подписания соглашения о вступлении плана мира в действие. Но от его пребывания в Москве осталась памятная фотография, на которой мы видим его послушно хлопочащим в ладоши во время речи Горбачева 2 ноября. «Интернейшл геральд трибунал», надеюсь, не случайно поместила рядом с большим портретом генерального секретаря ЦК КПСС два портрета генеральных секретарей — генерала Ярузельского и майора Ортеги: жалкие лица этих людей символизируют коммунистическую власть в двух горячих точках планеты. Давно бы пора прекратить забывать голову свободному миру псевдвопросом: «Хотят ли русские войны?» Хотят ли коммунисты мира — вот в чем вопрос.

Н.Г.

Манагуа, демонстрация Движения матерей политзаключенных.

играть время, а мира в действительности не желают». Тем не менее, на 30 октября — 4 ноября в Мехико был назначен еще один тур переговоров — последний перед истечением срока, отведенного на осуществление плана мира в Центральной Америке.

26 октября в Сан-Сальвадоре выстрелом в упор был убит председатель независимой Комиссии по правам человека Эрберт Анайя. В редакционной статье парижской газеты «Монд» (28 октября) говорится, что террористический акт совершен в «чистейшем стиле печально прославленных „эскадронов смерти“» и что, следовательно, «противники диалога: часть армии и крайне правые — не разоружились». Если первое наблюдение вполне справедливо, то извлеченный из него вывод, т.е. одностороннее указание на «противников диалога», вызывает некоторые сомнения: «стиль» может оказаться как подлинным стилем, так и стилизацией, или, говоря начистоту, провокацией. Выбор же момента убийства в любом случае свидетельствует о том, что его инициаторы — экстремисты с какого бы то ни было берега — желали спровоцировать либо немедленный разрыв переговоров, либо их провал. «Какие основания существования для диалога о демократизации, перемирии и средствах политического замирания, когда правительство продолжает свою грязную войну против безоружных гражданских лиц с помощью эскадронов смерти?» — вопрошало военно-политическое руководство герильи в своем коммюнике после убийства Анайи. Если провокация и в самом деле была устроена крайне правыми, тогда самое меньшее, что можно сказать о крайне левых, — что они немедленно и с удовольствием ухватились за нее. И действительно, 29 октября Фронт им. Фарабундо Марти отказался от проведения дальнейшего переговоров.

Между тем, оснований для «диалога о демократизации» действительно нет. Сальвадор обладает демократически избранным парламентом и президентом, и, как мы помним, несмотря на истерические, подкрепляемые угрозой оружия и прямым насилием призывы герильи к бойкоту, в выборах приняло участие подавляющее большинство населения. Демократические «правила игры» соблюдаются в Сальвадоре настолько, насколько позволяет состояние гражданской войны, затеянной не правительством и даже не «эскадронами смерти», а все той же коммунистической герильей. Именно о прекращении этой войны и должны были договориться стороны.

27-28 октября министры иностранных дел пяти стран Центральной Америки совещались в Сан-Хосе. Пожалуй, самым главным вопросом повестки дня было предъявленное сандинистскому правительству требование соседних стран вступить в прямые переговоры с антисандинистским Сопротивлением. Лауреат Нобелевской премии мира этого года, президент Коста-Рики Оскар Ариас, автор плана мира в Центральной Америке, еще ранее предложил, чтобы посредником по вопросу о начале переговоров стал кардинал Обандо-и-Браво, возглавляющий созданную сандинистским правительством Национальную комиссию по примирению, и Примас уже 24 октября встретился в Нью-Йорке с делегацией Директории национального Сопротивления. Представители Директории заявили, что намерены послать своих представителей в Манагуа

вопрос распространить на них амнистию 1985 года. Лидеры Сопротивления заявили, что просить амнистии для них было бы равносильно капитуляции.

О новой амнистии идет речь в Манагуа. Закон об амнистии должен быть подписан 5 ноября — по словам замминистра иностранных дел сандинистского правительства, она распространится на политзаключенных, кроме бывших гвардейцев Сомосы. Однако полагают, что из нее будут также исключены бойцы антисандинистского Сопротивления, захваченные с оружием в руках, а может быть, и иные категории политзаключенных. К тому же, чем ближе к амнистии, тем упорнее становятся слухи о том, что правительство выбрало «твердую» позицию: никакой амнистии не будет, пока в Никарагуа не прекратятся военные действия.

Сальвадорский парламент, не дожидаясь тогда еще планировавшихся дальнейших переговоров с герильей, 27 октября принял закон о всеобщей амнистии. По амнистии будут освобождены из тюрем все взятые в плен бойцы коммунистической герильи. Из числа амнистируемых исключены лишь до сих пор не найденные убийцы архиепископа Сан-Сальвадорского монсеньора Ромеро и убийцы Эрберта Анайи, розыски которых ведутся, но могут оказаться такими же тщетными.

Совещание в Сан-Хосе, на фоне которого происходили и голосование в сальвадорском парламенте, и попытка лидеров антисандинистского Сопротивления легальным путем поехать в Манагуа, закончилось весьма половинчатым успехом, хотя его участники и поспешили заявить о своей удовлетворенности. Встреча президента Ариаса с министром иностранных дел Никарагуа Мигелем д'Эското, проходившая с глазу на глаз, закончилась повторением решительного отказа сандинистов от всяких переговоров с «наймитамми Рейгана» и

ПОЛЬША: Невеселая осень

«В эти дни Сейм ПНР собирается, чтобы официально утвердить вопросы, с которыми власти намерены обратиться к обществу на референдуме, назначенном на 29 ноября 1987 года.

Напоминая, что постоянным и неизменным стремлением КНП остается построение независимой и демократической Третьей Речи Посполитой вместо сателлитской ПНР, но оценивая значение использования всякой возможности улучшить положение Польши и условия существования поляков, Политический совет КНП постановил следующие:

1. Наше отношение к планируемому референдуму зависит исключительно от того, будут ли соблюдены все необходимые условия, позволяющие гражданам свободно, безопасно и по-деловому принять в нем участие.

2. Мы считаем такими необходимыми условиями:

— создание ощутимой и реальной безопасности граждан. Это требует, в частности, полного освобождения всех лиц, находящихся в тюрьмах и следственных изоляторах по политическим причинам, вне зависимости от формального обвинения, в том числе Кшиштофа Вольфа, жестоко избитого сотрудниками милиции и арестованного во время паломничества трудящихся на Ясную Гору;

— постановка вопросов, по-настоящему конкретных и относящихся ко всем узловым проблемам, связанным с экономикой в ПНР. Поскольку реформа не будет успешной без активного участия трудящихся, на референдум должен быть вынесен вопрос, желают ли граждане восстановления профсоюзного плюрализма путем воссоздания НСПС «Солидарность»;

— создание системы, одобренной независимыми общественными силами и позволяющей гражданам полный и детальный контроль процесса голосования и подсчета голосов (...), ибо начиная с референдума 1946 года практикуется фальсификация результатов проводимого голосования (...)

Если власти не создадут необходимых условий, гарантирующих гражданам ПНР свободное, безопасное и деловое участие в референдуме — Конфедерация Независимой Польши воздержится от участия в такой псевдодействительности и призовет общество к бойкоту».

Решение Сейма ПНР не заставило себя ждать: именно Сейм выработал туманно-благодушную формулировку ни к чему не обязывающих вопросов. Процедура референдума, сама по себе глубоко демократическая, в свободном мире всегда используется для решения конкретных вопросов, а не для изъявления благих намерений. Власти

ПНР, обратившись к этой процедуре, лишили ее всякого смысла, и трудно удивляться тому, что организации, столь различные, как «Солидарность» и КПН, в таких условиях высказываются за бойкот референдума.

Другой вопрос, будет ли бойкот успешным. Польское общество сейчас, судя по всему, находится в состоянии крайней усталости. «Солидарность» же за последний год слишком углубилась во внешние организационные перемены: создание, пересоздание, разделение и слияние руководящих органов — не самое важное для рядового поляка, даже для рядового активиста «Солидарности». Они хотели бы видеть со стороны своих лидеров больше живого действия и ободрения на конкретные дела, а взамен получают непрерывную реорганизацию инстанций да не всегда понятные решения этих инстанций во главе с Валэнсой (см., в частности, на стр. 4 отклики подпольной прессы на решение Валэнсы передать на социальные нужды миллион, выделенный «Солидарности» американским Конгрессом).

В свете этого и призыв к бойкоту референдума может показаться пустым, ненужным, чисто символическим жестом, исполнением которого «и так ничего не изменит», между тем как неучастие в референдуме может повлечь за собой мелкие, бытовые, но болезненные для жителя коммунистической страны репрессии. Жаль, если именно таким окажется отклик на призыв к бойкоту референдума, ибо этот бойкот мог бы оказаться весьма реальным и весомым выражением восторга недоверия властям ПНР. Они и пошли-то на референдум, рассчитывая на такие настроения, на то, что свои 70-75% они всегда наберут...

Западная пресса в эти пасмурные осенние дни нашла сенсационное утешение: «2 ноября впервые, — сообщили все агентства и газеты, — на «катынском квадрате» варшавского кладбища Повонзки был выставлен официальный почетный караул». Возможно, эта новость в их умах связывалась с произошедшей в тот же день речью Горбачева, от которой, как известно, в наименьшем свободном мире ждали сразу всего: от реабилитации Тройкого до разоблачения катынского преступления. Как мы уже знаем, не дожидались. А тайна почетного караула проста: он выставляется в День поминовения ко всем официальным воинским памятникам. Стоял он и у не так давно установленного памятника с надписью «Памяти жертв Катыни» — без даты, без упоминания о том, от чьей руки они погибли, без намека на то, что проект этого памятника, установленного на общественные средства, был по решению властей передан, что общественный комитет по его возведению был разогнан. А потом грабители выставили почетный караул — в этом ли видеть искру надежды?

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ

28 октября стало известно о том, что 11 октября в Афганистане погибли два американца — телевизионный журналист Ли Шапиро (создатель независимой телевизионной группы «Шапиро телевизор») и оператор Дж. Линделовус. Они попали в устроенную советско-кабульскими частями засаду в долине Сангла (провинция Пагман). Третий член группы был ранен. Эти сведения, полученные из партизанских источников, подтверждены посольством США в Исламабаде.

В середине прошлой недели подтвердились дошедшие до нас ранее и из осторожности не опубликованные нами слухи о тяжелом ранении командующего частями Сопротивления в Кабуле и Кабульской провинции Абдул-Хака (см. интервью с ним Савика Шустера в предыдущем номере «Р.М.»). Абдул-Хак подался на мина 12 октября в том же районе, где накануне погибли американцы. Ему грозила ампутация ноги, но в США, куда его удалось вывезти, врачи надеются, что удастся обойтись ампутацией ступни.

Уже несколько недель в мировой печати появляются сообщения и комментарии по поводу того, что-де афганские партизаны

«продают» полученные из США портативные зенитно-ракетные комплексы «Стингер»... Ирану. Действительно, на иранских катарах, захваченных американцами в Персидском заливе, были обнаружены отдельные части от «Стингеров». Тема того, как американская помощь афганскому Сопротивлению оборачивается против самих Соединенных Штатов, и по сей день остается предметом мудрых размышлений международных обозревателей, хлестких нападок антиамериканских публицистов и легкомысленной сатиры дам-фельетонисток. Но в неглубоком, нескрываемом их подтексте — удовлетворенная возможность убедительной дискредитации афганского Сопротивления.

Не спеша делать выводы ни за, ни против, мы опросили людей, знающих положение на месте: может ли такое быть? Не лгушка ли это, хитро подстроена? Выяснилось, что нет. Дело гораздо проще и серьезнее: часть караванных троп из Пакистана в западные провинции Афганистана проходит через Иран, где партизанские караваны не раз подвергались прямому грабежу со стороны местных завлапившейся исламской революции. Только таким путем, подчеркивали наши собеседники, «Стингеры» могли попасть в руки иранской армии.

АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Алые маки на полях Нангархара

Репортаж из Афганистана. V

Кабульский режим — как это началось в последние годы — поощряет выращивание опиоидного мака и торговлю наркотиками. В провинции Нангархар государственные маковые плантации появились после вторжения советских войск в Афганистан. Подчеркну, впрочем, что между появлением советского «ограниченного контингента» и созданием государственных плантаций, возможно, и не было прямой причинной связи. Если бы афганская компартия (НДПА), захватив власть, сумела удержать ее собственными силами, то она и без присутствия советских войск, скорее всего, пришла бы к поощрению производства и контрабанды наркотиков. Однако не стоит забывать и о том, что временная последовательность была именно такова: сначала ввод советских войск, а уже затем — создание госплантаций и иные меры государственного поощрения торговли наркотиками. Такие, признаться, удивившие меня самого выводы появились в результате совсем случайного расследования одной из двух сторон торговли наркотиками в Афганистане.

Эту сторону, т.е. тот факт, что из некоторых благоприятных для вы-

ращивания мака и гашиша (чарса) районов отдельные партизанские командиры отправляли наркотики для продажи в Пакистан, я затрагивать не собирался: сельское хозяйство, а значит, и вся экономика Афганистана подорваны и прямо разрушены советским вторжением; население, в том числе и партизаны, обнищало; это иногда и приводит к сделке с дьяволом. И это можно было понять. Но вот что оказалось неожиданным и остановило мое внимание: кабульский режим поощряет и мурхадидинов, торгующих наркотиками. Об этом мне сказал врач из ФРГ Карл Фрайганг, неоднократно путешествовавший по самым разным провинциям оккупированного Афганистана, когда мы с ним встретились в одном из кишлаков Нангархара:

— Проблема производства наркотиков и торговли ими интересует меня уже давно. Я расспрашиваю об этом, а где удается, сам делаю наблюдения. Я могу твердо сказать, что войска кабульского режима прекращают бомбардировки и любые другие военные действия в тех местностях, где выращивается опиоидный мак, как только наступает пора сбора урожая. Сбор маковых головок заканчивается —

война возобновляется. Эта тактика советского командования и кабульских коммунистов, с точки зрения их интересов, вполне разумна: контрабанда наркотиков через афгано-пакистанскую границу, когда ее ведут партизаны, безусловно отрицательно влияет на отношение правительства Пакистана к Сопротивлению.

Слова немецкого врача внушили мне подозрение, что кабульский режим этим не ограничивается. Это подозрение перешло в твердое желание расследовать вторую сторону торговли наркотиками после встречи еще с одним иностранцем, путешествующим по Афганистану. На сей раз это был парижанин, фоторепортер еженедельника «Фигаро магазин». Он с нескрываемым раздражением заявил Абдул-Кадыру, партизанскому командиру уезда Шинвар, что партизаны из Деболла, местности, входящей в этот уезд, устроили ему «цирк» (фотограф употребил слово «кино», имеющее у французов тот же смысл): они принялись вслепую и впустую обстреливать 107-мм ракетами правительственный укрепленный пост. Партизаны вроде бы собирались атаковать пост, объяснял фоторепортер, но тут внезапно появи-

лись вертолеты, и вдруг, вместо того, чтобы отложить атаку, отряд спешно начал бесполезный, по моему мнению, обстрел. Разговор этот шел в горном лагере Спины-Бура (о котором я писал во второй части своего репортажа). Абдул-Кадыр слушал молча и только удивленно и строго поглядывал на покрытое пылью, заслоненное очками и бордой лицо фотографа, то на видневшуюся внизу, на голом холме, небольшую крепость. Он заговорил лишь после того, как француз взвалил оба свои рюкзака на партизанского ишачка и в сопровождении двух мурхадидинов стал спускаться по горной тропе в сторону Пакистана.

— Этот журналист, — сказал Абдул-Кадыр, — ничего не понял. Мурхадидины из Деболла обстрелили пост, потому что увидели ополченцев, обрабатывающих поле опиоидного мака.

Я был настолько поражен, что попросил Абдул-Кадыра повторить то, что он сказал. Он повторил и прибавил:

— Эти выделенные правительством маковые делянки — ничто по сравнению с плантациями на государственных фермах близ Джелалабада.

Тут я понял, что нельзя упускать случай и пренебречь более глубоким расследованием «народно-демократического производства наркотиков». Но, увы, урожай маковых головок был уже собран, растения увяли — о фотодокументах не могло быть речи. Пришлось сказать Абдул-Кадыру, что я-то ему, конечно, верю, но для подлинности журналистской убедительности надо найти свидетелей — людей, которые работают на фермах и согласятся со мной встретиться. Он пообещал, что постарается, и на этом разговор о наркотиках закончился.

Правду сказать, я надеялся, но до конца не верил, что партизанам удастся убедить «своих людей» на фермах пойти на такой риск. Я ошибался. За несколько дней до моего возвращения в Пакистан Абдул-Кадыр пришел и сказал:

— Идем. Помнишь, с кем ты хотел встретиться? Они здесь.

Трое служащих госфермы ждали меня в командирском шалаше, сидя буквально как на иголках. Они заметно боялись: согласиться на этот разговор означало отдать в руки незнакомому журналисту судьбу, и не только свою, а всей семьи. Разговор был не очень долгим: языковые трудности не позволяли войти во все детали, и я приведу их рассказы полностью.

Предварительно стоит сказать несколько слов о самих этих джелалабадских государственных фермах. Их четыре, они расположены в районе Батикота, по обе стороны асфальтированного шоссе Джелалабад — Тархан, и входят в Джелалабадский ирригационный комплекс, построенный Советским Союзом в 60-е годы. По данным спецкора «Нового времени» Л. Миронова, автора статьи «Оливки и пули» (8 мая 1987), на комплексе «занято более пяти тысяч человек» и работает 70 советских специалистов. По данным Луи Дюпре, приведенных в его книге «Афганистан» (Princeton Univ. Press), здесь к концу 60-х гг. обрабатывалось 17 638 га, и нет оснований предполагать, что сегодня площадь возделываемых земель возросла — скорее, наоборот.

И вот собранные мною свидетельства служащих с этих ферм (имена которых я, разумеется, не могу назвать):

Рабочий одной из госферм, проработав на этой ферме десять лет:

«На нашей ферме работает 400 афганцев, 32 из них — члены партии. Все рабочие и служащие живут в кишлаках вокруг фермы и каждое утро ходят оттуда на работу. Коммунисты не выходят с территории фермы, они с семьями поселены в коттеджах. Каждый коттедж окружен рвами, в которых коммунисты и их семьи укрываются во время партизанского обстрела. Надо сказать, что мурхадидины никогда не ведут боев на территории фермы — они нападают на многочисленные посты армии и ополчения, выставленные вокруг всей фермы.

Половина земли фермы используется для выращивания пшеницы, апельсинов и оливок, на этой же половине построен коровник. А на другой половине выращивается мак. Халки и парчамы (члены двух фракций партии) «Халк» и «Парчам» — С.Ш.) начали выращивать мак и заниматься торговлей опиумом сразу после советского вторжения.

Конечно, я все это вижу своими глазами, хотя кому они продают наркотики — не знаю. Но это видят и четыре советских инженера, которые каждое утро приезжают работать на ферму со своей базы в Самархеле. До вторжения 30 советских специалистов с семьями постоянно жили на ферме, но после они все переселились в Самархель. До апреля 1978 года дисциплина на ферме была очень строгой — работников наказывали даже за то, что они, например, съедали один апельсин, а теперь сплошное разложение: партийное начальство делает с урожаем что захочет, продукты увозят бесконтрольно и, наверно, продают на базаре в Джелалабаде.

Некоторых крестьян, живущих вблизи фермы, тайно зазывают на ферму и предлагают сотрудничать с коммунистами, обещая платить сахаром, зерном и оливковым маслом.

Учитель, работал в школе на одной из госферм, теперь перешел на другую:

По страницам польской подпольной прессы

Миллион для «Солидарности»

Напомним нашим читателям опубликованные в «Р.М.» № 3692 материалы, связанные с ассигнованием миллиона долларов для «Солидарности» Конгрессом США.

Редакционная статья варшавского подпольного журнала «Воля» (№ 22/27 от 31 августа), где давался твердый ответ на «извозчицкую ругань» Ежи Урбана, вызванную этим решением Конгресса, заканчивалась словами:

«Миллион долларов для «Солидарности» нас не компрометирует. У нас нет оснований стыдиться этих денег. Они будут предназначены на цели, которые в глазах множества людей в Польше являются справедливыми и нужными».

Там же мы напечатали взятое из следующего номера «Воли» (от 7 сентября) заявление Леха Валэнсы о том, что эта сумма будет целиком предназначена «на социальную и в особенности медицинскую помощь для трудящихся в

нашей стране» и что на ее основе будет создан задуманный «Солидарностью» еще в 1981 году Социальный фонд.

Заявление Валэнсы, безусловно, возбуждало некоторые сомнения: во-первых, создавало впечатление, что он предпочел передать деньги, выделенные для профсоюза, на цели, условно говоря, более благородные и невинные, под прямым влиянием нападок партийно-правительственной пропаганды; во-вторых, не совсем ясно выглядела правая сторона дела: имел ли право Валэнса единолично распоряжаться деньгами, ассигнованными «Солидарности»?

Мы предпочли временно воздержаться от комментариев и дожидаться, что скажет по этому поводу польская подпольная пресса. Первые отклики на решение Валэнсы появились в только что полученных нами подпольных изданиях.

ставленному в Сенате США, 20% этой суммы должны были предназначаться для издательств, организаций и групп, независимых от «Солидарности». Тот факт, что председатель Лех Валэнса так распорядился всей суммой, противоречит этому предложению.

Ошибочность решения властей профсоюза, на наш взгляд, очевидна при учете общего положения в нашей стране и замысла жертвователей. Уровень социального обеспечения, в том числе здравоохранения, в ПНР ниже всякой критики. Но вина за это лежит на 43-летнем правлении коммунистической диктатуры. Диктатуры, которая, кроме всего прочего, растратила впустую или направила на цели вооружения многомиллиардные западные займы (в т.ч. предоставленные под гарантию американского правительства). Никаких существенных социальных недомоганий не излечил миллион долларов. Это, пожалуй, всякому ясно.

Подпольные типографии и структуры мучаются нехваткой бумаги, машин и помещений. Госбезопасность, которая выселяет эти типографии, использует подслушивающие устройства, купленные на валюту, обладает огромными средствами на свой все более разрастающийся аппарат, на дорогое техническое оборудование. Этот миллион долларов должен был стать практической и символической поддержкой для тех, кто активно выступает против коммунистического режима и за это подвергается репрессиям, облагается драконовскими штрафами, конфискацией имущества и т.п. Для тех, кто посвящает свои силы и время печатанию и распространению литературы, независимо радио, организации на борьбу за свободу и независимость. Таких в Польше тысячи. Мы считаем, что этот дар американского Конгресса предназначался главным образом для них. Именно это вызвало ярость власти и мощеннический вой ПНР-овской пропаганды. Мы считаем, что, вне зависимости от текущей политической тактики, эти деньги должны быть добросовестно и по мере возможности справедливо разделены между теми, на поддержку кому они предназначались.

За «Борющуюся Солидарность»: КОРНЕЛЬ МОРВЕЦКИЙ, АНДЖЕЙ КОЛОДЗЕЙ

30 августа 1987

Деньги

(«CDN — Глос вольного работника» № 203, 2 сентября)

Ежи Урбан с Ежи Лобманом (самый... заслуженный комментатор «Трибуны людей») правы. Лех Валэнса и его советники предназначили миллион долларов, ассигнованный американским парламентом, на цели здравоохранения в результате обвинения их представителем правительства в том, что они как агенты иностранной державы «переходят на открытое содержание из ее бюджетных средств». Разумеется, профсоюз нуждается в этих деньгах на организационные цели и на техническое оборудование (современное типографское и радиооборудование — необходимое для того, чтобы нас не принудил к молчанию богато оснащенный полицейский механизм ПНР). Это была помощь долгожданная, полученная без влияния шагов, предпринятых Ежи Милевским и другими активистами «Солидарности». Отвергая ее, Валэнса со товарищи поддали на очередной эстрадный трюк Урбана. Выдвинутые Урбаном обвинения невозможно принимать всерьез по следующим причинам:

1. Они раздаются из уст представителя власти, которая стала властью не только и не столько благодаря иностранным деньгам, сколько в силу иных услуг, оказанных соседней державой: в силу советского насилия над Польшей. Бытие этой власти по-прежнему строится на советском фундаменте. Доказательства — хотя бы в знаменитом интервью полковника Кукулинского [см. «Р.М.» № 3671-3672]. Если бы не нажим СССР, то между августом 1980-го и летом 1981 года эта власть была бы сметена или фундаментально преобразована. Так выглядит ее опора и сегодня, и не похоже, чтобы в этом что-то могли переменить *перестройка* вместе с *гласностью*. Это истины, которые каждый день повторяют не приходится, ибо они банальны, но когда Урбан произносит слово «Тарговица» — о них следует напомнить.

2. Соединенные Штаты в мировой системе являются противником Москвы, но не противником польского общества. Их образ жизни и идеалы несравненно ближе его чаяниям, чем то, что навязывает ему СССР посредством ПНР.

3. Одна из пропагандистских уловок этой власти — утверждение, что общество долж-

но на нее положиться и с ней солидаризироваться, ибо его стремлений к переменам нынешнего статуса «в блоке» ни одно государство существенно не поддержит; а если кто-то такого рода устремления поддерживает, то речь, оказывается, идет не о поддержке устремлений, а об агентуре.

4. Деятели польского движения за независимость никогда не сомневались, что для повышения шансов на успех нашего дела (довольно ничтожных), следует использовать всякую выгоду, вытекающую из соперничества внешних сил. Был ли Пилсудский, создавая легионы, австрийским агентом? Подобное мнение отжило свой век вместе со сталинской эпохой. Становился ли Мицкевич, набирая добровольцев в Турцию, агентом на ее службе? Лех Валэнса со товарищи, в отличие от вышеназванных, видно, не слишком знают, кем они являются и к чему стремятся.

Они являются в первую очередь профсоюзными лидерами — это несомненно. Но подлинный профсоюз у нас невозможен без демократии, а демократия — без суверенитета. Об этом писали в заявлении накануне паломничества Папы тот же самый Валэнса и те же самые лидеры, которые теперь приняли решение по делу миллиона долларов. Принимая такое решение, они серьезно отнеслись к чисто эстрадной уловке, основанной на игре слов и ассоциаций, без всякой заботы о правде и логической связности. К немалой радости Урбана, кстати, прямо выраженной 25 августа, они стыдливо натянули предписанные в ПНР мундиры патриотов. Разве что мы ошибаемся, а хитрый они, держа какой-то ход в запасе. Но и в этом не было бы ничего хорошего, ибо так или иначе они спускаются на эстрадный уровень.

КАМ

Из раздела

«Голоса и отголоски»

(«Солидарность вальчонца»

№ 18/162,

20 сентября — 4 октября)

Мы получили письмо от лиц, связанных с Радио «Сражающейся Солидарности», по поводу передачи председателем Валэнсой миллиона долларов на медицинские цели. Вот фрагмент из него:

«Мы прямо онемели. Пан Валэнса открыл частное благотворительное заведение не на свои деньги. Пожалуйста — когда это Нобелевская или другие, щедро присуждаемые ему премии. Однако мы считаем, что ни он и никто другой не имел права без публичного обсуждения принимать решение о столь важном общественном фонде. Господа советники «Солидарности» и прочие «люди с именами» широко дискутируют в «Тыгоднике Мазовше» на всяческие, часто маловажные темы. А тут заранее ни слова не молвили по такому серьезному вопросу! Где же тут солидарность и самая обычная солидарность? Может, у pana Валэнсы и была богоугодная цель, но не лучше ли было бы, забывая о здравоохранении, призвать соотечественников скинуться (например, по символическому one dollar). Мы говорим: Богово — Богу, а что от Рейгана, то для нас — для тех, кто печатает, пишет, распространяет литературу, делает надписи на стенах, передает по радио... кто по-просту борется с коммуной».

Мертвая догма и живые силы

Начало см. стр. 1.

Генеральный секретарь говорит, что, будь Советский Союз нормальной коммерческой или промышленной предпрятием в капиталистическом мире, это предприятие давно уже прогорело бы и пришлось бы ему прекратить свое существование по причине банкротства. Но оно долгие годы выживает — «в условиях социализма», — потому что догма, а главное — сохранение власти за коммунистической партией, имеют абсолютное первенство над всем, то есть и над реальностью экономики, общественными отношениями, уровнем жизни и настроениями людей, просто самой жизни. До сих пор выживало, в основном, за счет неиссякаемых природных ресурсов страны и помощи извне. Но процесс выживания становится все труднее и сложнее. Нежизнеспособность коммунистической утопии и, по сути дела, ее полный крах продемонстрированы перед лицом всего мира, хотя часть мировой общественности упорно еще не хочет этого видеть.

Во имя удержания власти партией, во имя догмы, на которой эта власть зиждется, безнадежно убыточное, разоренное предприятие искусственно поддерживается при жизни. Однако какие-то живые силы должны быть в нем, и они есть — одного выкачивания до пределов Боем данных природных ресурсов и помощи «загнивающего капиталистического Запада» не хватило бы на 70 лет. В 70-летие переворота, приведшего к власти разрушительное, мертвящее начало, правды ради необходимо сказать об этих силах, наличие которых справедливо могут гордиться народы советской империи.

К ним, к этим живым силам, впрочем, по-своему взывает и Горбачев. В надежде или в расчете использовать их для «второго дыхания» системы (которую сам он, очевидно и, может быть, подсознательно, уже зачислил в мертвецы, раз говорит о втором дыхании), он и идет на сложные игры в либерализацию, вероятно, сопря-

женные с некоторым риском для прочности его личной власти.

Нас всегда огорчал и удивлял распространяемый на Западе (да и не только там) подход к Советскому Союзу как к диковинной стране, в которой есть только власть — та власть, о которой население всегда говорит «они», настолько она чужда ему и от него оторвана, — а люди, в стране этой живущие, как бы и не существуют. Нередко приходится сталкиваться с вопросом — когда эти немые, глухие, бессильные жители страны вдруг проявляются через высказывания, произведения, жизненный подвиг, — с вопросом: «Ну да, а сколько их?» Подвижников и героев обычно бывает мало. В Советском Союзе, надо сказать, эта удивительная порода правдоискателей — и это в стране, где 70 лет тому назад отменили само понятие правды, — не иссякает. О них говорят часто, что они — вершущая айсберга. Очевидно, айсбергом надо считать ту основную массу людей страны, которая не только жила и продолжает жить помимо советской власти, не воспринимая ее, вопреки ей создавая реальность и не давая утопии себя поглотить. Вспомним еще раз и напомним о проницательном, смелом и глубоком анализе этого необыкновенного явления, который дал нам в своих произведениях Лев Тимофеев. К айсбергу принадлежат, надо думать, и те, кто, не вступая с властью в открытый конфликт, терпеливым и жертвенным трудом, поразительным напряжением ума и духа спасал и сохранял ценности культуры, духовных традиций, человеческого творчества в любой отрасли — и продолжает это делать.

Когда вышли, наконец, на экраны те советские фильмы, о которых нынче столько говорят и пишут на Западе, выяснилось, что все они снимались несколько лет тому назад — и с тех пор лежали где-то на полках. Они родились в «эпоху застоя»: не для всех и не во всем, значит, был застой — жизнь шла помимо власти и вопреки ей.

Сейчас мы настойчиво слышим о все новых свободных, неформальных

объединениях в разных концах Советского Союза — и о многих из них узнаём, что они существовали тайно, стараясь не привлекать к себе внимания, тоже уже давно. Вывод из этого ясен: жизнь теплилась всегда под давящей, мертвящей шапкой официальной идеологии.

Нынешнее советское руководство пожинает много похвал и зарабатывает себе кредит доверия в свободном мире на том, что есть в стране эти живые силы и что они, воспользовавшись чуть приоткрытыми клановыми, оказывают давление на громоздкий и бездушный партийно-государственный аппарат ради того, чтобы вернуть общество из области утопии в область реальности. Заслуга (если можно считать ее таковой) Горбачева и его сотрудников состоит в том, что они — в отличие от предшественников — отдали себе отчет в кризисном (официально они называют его «прекризисным») состоянии страны и в необходимости хоть что-то предпринять, чтобы остаться у власти (они — люди сравнительно молодые и, вероятно, поэтому философия «после меня хоть потоп» не может их удовлетворять); может быть, еще в том, что, несомненно, получив и отчасти приняв добрые советы людей, действительно заинтересованных в благе страны и ее жителей, они согласились с тем, что нужна хотя бы частичная свобода для того, чтобы возродились инициатива, трудоспособность, творческое начало, просто жизнеспособность — не только против или вне режима, но, как они надеются, и в поддержку ему.

Все остальные положительные явления, которые мы наблюдаем сегодня в жизни советского общества, в первую очередь само возрождение понятия общества, общественности — родились не благодаря власти, а вопреки ей и являются результатом долгих подпольных процессов, идущих непрерывно — в той или иной форме — во все трагическое 70 лет со дня октябрьского переворота.

ИРИНА ИЛОВАЙСКАЯ

Этих дней не смолкнет слава...

Не знаю почему, но в памяти у меня сохранилось более или менее внятное воспоминание лишь об одной Октябрьской годовщине, а именно — о двадцатой.

В квартире нашего домоуправа Моисея Иткина после демонстрации со всего двора собрали детей дошкольного возраста, и сам хозяин — коренастый старик, во всяком случае он казался мне тогда стариком, хотя ему не было еще и пятидесяти, шедшей рукой рождал нам по куску сладкого рулета. Иткин носил окладистую бороду и шевелюру «а ля Маркс», что и вправду делало его как две капли воды похожим на коммунистического классика, о чем он явно догадывался и чем, конечно же, гордился. Был наш домоуправ правозащитным большевиком, за идейным уровнем жильцов вверенного ему дома следил с бдительной строгостью, часто бывал понятным при арестах, что не помешало ему пригласить на это ребячье торжество и всех тех пасынков страны, у которых отцы уже успели исчезнуть в прожорливой бездне ежовщины, в том числе и меня.

В самом разгаре пиришества он подошел ко мне, положил мне на голову свою широкую ладонь и, упершись в меня кофейными навывкате глазами неслесло пошутил:

— Терпи, казак, атаманом будешь...

Больше я его никогда не видел. Он исчез чуть ли не в эту же ночь, оставив после себя двух взрослых сыновей и жену — Сарру Григорьевну. Не помогли ему ни борода с шевелюрой «а ля Маркс», ни его большевистская твердокаменность.

В теплые дни она непременно сидела во дворе на лавочке, лицом к калитке, вытянув перед собой на коленях тонкие восковые руки. Будто ждала, не веря, не желая верить в горькую очевидность. Она так и состарилась на этой лавочке и ушла в иной мир так же тихо и незаметно, как и жила.

И, здравывая с ней при встрече, я всегда вспоминал тот сладкий рулет в двадцатую годовщину Октября, но при этом почему-то у меня всегда сводило скулы от горечи...

Спустя два года, в очередную годовщину Октября, я задался целью непременно попасть с демонстрацией

на Красную площадь, чтобы, если повезет, своими глазами увидеть самого Сталина.

Под пустяковым предлогом отлучившись в то утро из дому, я долго приставал около людских колонн, пока какая-то добрая или хмельная душа не снизошла к моим извилистым попыткам:

— Давай, папан, дуй к нам в кучу, за своего сойдешь.

От нашей сокольнической окраины до центра не ближний путь, топтать пришлось долго, с остановками на больших площадях и при заторах, но усталости я не чувствовал, беспокоясь только об одном: окажется ли вождь на месте, когда дойдет наша очередь продефилировать мимо мавзолея. Ходили слухи, что тот во время демонстрации довольно часто отлучается по различным государственным, а может быть, и личным надобностям.

В тот раз мне повезло: вождь в серой фуражке и шинели того же цвета стоял среди чуть раздвинувшихся в стороны от него соратников и благосклонно поглядывал ладошкой перед собой, приветствуя ликующих от восторга трудящихся.

Помнится, во мне тоже восхищенно захватило дух, я как бы впервые приобщался к той могущественной силе, перед которой гроза нашего двора — участковый милиционер Капусткин казался отсюда безобидной и смешной букашкой: мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

Восторг мой охладил шагавший рядом пожилой мастерской. Скопив на меня хмельные глаза, он многозначительно кивнул головой в сторону мавзолея:

— Ну, ей Богу, чисто царь!

И только тут я вспомнил, что у меня есть отец, что я не видел его уже шесть лет, а по правде говоря, если бы не фотографии, то и не помнил бы, как он выглядит, и что находится он в эту минуту у самого Охотского моря, в Бухте Нагаева Магаданской области.

А рабочий тот и впрямь напророчил: через несколько лет Сталин окружил себя министрами и генералами, еще через несколько стал Генералиссимусом и, не умри он еще через несколько лет, то наверное сделался бы и царем...

«Я получаю 4 тыс. афгани в месяц, и это дает моей семье возможность выжить. Я не хочу потерять работу в школе, потому что тогда меня сразу заберут в армию, а в Пакистан уходить тоже не собираюсь: там я работы не найду.

На ферме, где я был раньше, мак не выращивается, но зато им засеяны все поля вокруг, также находящиеся под контролем партии и ополчения. На теперешней — макковые плантации занимают 50% сельскохозяйственных площадей, и то же самое — на окружающих ее полях. Халки и парчамы распоряжаются урожаем опийного мака, но куда они его везут — мне неизвестно.

Кроме того, на обеих фермах выращиваются апельсины и пшеница. Урожай апельсинов полностью вывозится в Советский Союз. Приезжают советские офицеры и солдаты на своих грузовиках, проверяют качество апельсинов и увозят. Конечно, и они видят поля опийного мака.

Я не член партии, и мне, разумеется, приходится нелегко. Недавно к нам в школу на место прежнего директора, члена «Халка», назначили нового, члена «Парчама», который очень плохо обращается с коммунистами.

В моей прежней школе училось несколько сот ребят, два-три десятка из них были детьми членов партии. Школа, где я теперь работаю, небольшая, но здесь примерно треть школьников, тоже десятка два ребят; — дети партийных чиновников. Эти дети коммунистов каждое лето ездят в советские пионерские лагеря. Для них также проводятся отдельные уроки идейно-политического воспитания — в послеобеденное время.

Электрик, работает на плотине близ Джелалабада:

«Весь район Батикота теперь кажется сплошным полем опийного мака. Конечно, местное партийное начальство распоряжается урожаем наркотиков, а советские — урожаем апельсинов».

Уже по возвращении в Пешавар я пошел к профессору Саиду Б.Мажру, редактору бюллетеня Афганского информационного центра, чтобы попытаться установить путь наркотиков от государственных ферм до международных рынков. Профессор Мажру сказал мне:

— Земля на государственных фермах и вокруг дается тем, кто вступает в ополчение. За это им разрешается выращивать опийный мак и торговать опиумом. Сотрудники ХАДа на служебных автомобилях доставляют наркотики на племенную территорию Афганистана и продают их там.

Профессор добавил, что в потаенных лабораториях, установленных в пограничных районах, опиум перерабатывается в героин — онто и поступает на международный рынок наркотиков. Именно для того, чтоб хотя бы частично нарушить сеть международной торговли наркотиками, ведущейся через Пакистан, и вошли в 1985 году пакистанские войска в пограничные районы пуштунских племен. Они сумели уничтожить часть лабораторий, арестовали некоторых заправил торговли наркотиками на месте преступления и конфисковали значительное количество «товара». Но все-таки контролировать эту сеть так же трудно, как трудно контролировать пограничные с Афганистаном племенные территории, пользующиеся известной автономией.

Конечно, не вся продукция наркотиков, производимых в Афганистане, поступает на международные рынки через Пакистан. Нетрудно представить себе и другие пути, используемые для этой цели кабульским режимом, который, по всей видимости, установил лаборатории по переработке опиума в героин уже и в самом Афганистане: все командиры Сопротивления, с которыми я встречался и беседовал в провинции Нангархар, говорили мне о такой лаборатории, функционирующей в районе Шаршаи близ Джелалабада (подробности об этом районе см. в 3-й части репортажа — «Р.М.» № 3695).

Таким образом, можно прийти к выводу, что торговля наркотиками, поощряемая кабульским режимом, во-первых, дискредитирует в глазах международной общественности Пакистан и афганское Сопротивление, на счет которых пропаганда относит ее целиком; во-вторых, вместе с нарастанием терро-

ристических актов в Пакистане создает для пакистанского правительства серьезную политическую напряженность; в-третьих — ввиду того, что она является источником легкой наживы, и благодаря позволению торговать наркотиками, — кабульский режим вербует бойцов в ополчение и налаживает хорошие отношения с пограничными пуштунскими племенами.

Отношения между кабульским режимом и некоторыми племенами действительно весьма тесные. Во время моего пребывания в партизанском лагере Спина-Бура партизаны задержали караван племен африди, который вез из Джелалабада 650 автоматов Калашникова. Один такой автомат, в зависимости от того, чье он производства, стоит на пограничных оружейных базарах от полутора до двух с половиной тысяч долларов. Значит, в Джелалабаде африди получили огромные деньги. За что? У Сопротивления, у партизанских командиров не было сомнений: они либо должны совершить, либо уже совершили террористические акты на территории Пакистана.

Справедливости ради, следует сказать, что не все племена, населяющие 250-километровую полосу вдоль границы между провинцией Нангархар и Северо-Западной провинцией Пакистана, сотрудничают с кабульским режимом. Абдул-Кадыр сказал мне, что, по его сведениям, из 10 тыс. семейств племен масизи лишь девять семейств работают на советско-кабульских коммунистов. Однако сам факт, что и Сопротивление, и, конечно же, пакистанское правительство хорошо знают об этих контактах, но ничего поделать не могут, лишь подтверждает, насколько они опасны.

О том, что опийный мак выращивается на правительственных укрепленных постах, мне рассказали два муджахиддина: 30-летний Аманулла и 27-летний Гульдин. Еще год тому назад они служили ополченцами на одном из них, расположенном в Шинваре. Они своими глазами видели, как люди в штатском приезжали к ним на пост забирать «товар» и платили деньги командирам ополчения. Кто были эти «купцы» — они не знали.

В предыдущих частях репортажа я уже не раз упоминал об этих укрепленных постах: небольшая крепость на голем холме, артиллерийские позиции у подножья холма, соединенные с крепостью сетью окопов, — нынче такие посты устанавливаются повсюду. Они, по-моему, являются главным инструментом превращения советского вторжения и войны с оккупантами в гражданскую войну. Тактика для этого применяется очень простая. Если партизаны какого-нибудь района атакуют такие укрепленные посты, то против них обычно не принимается ответных мер: на следующий день после атаки их лагеря не подвергаются бомбежке, против местности, в которой они закрепились, не проводятся карательные операции. Но если партизаны решают напасть на советский объект: базу в Самархеле, аэродром или автоколонну, — то они должны знать заранее, что цена будет очень высокой. При мне партизаны района Чаприя, в нескольких километрах к юго-востоку от Джелалабада, провели успешную боевую операцию на советском аэродроме. На следующее утро, в четыре часа, началась крупная и жестокая советская операция в Чаприяре. Вертолеты огневой поддержки и бомбардировщики превращали кишлаки в развалины, а на горные плато в это время высаживались десантники. Карательная операция длилась до самого заката. А потом не было дня, чтобы Чаприяре не бомбили. Так у партизан вырабатывают условный рефлекс: нападать только на укрепленные посты кабульской армии и ополчения.

Если этот очередной эксперимент над афганским населением окажется успешным, то бессмысленные сегодня клише советской пропаганды «братоубийственная война» и «национальное примирение» наполнятся зловещим смыслом, особенно внятным... для Запада. Недаром некоторые западные наблюдатели уже сейчас спешат высказывать опасения насчет возможной «ливинизации афганского конфликта». Пока что эта «ливинизация» — лишь цель, поставленная советским военным и политическим руководством.

САВИК ШУСТЕР

Флоренция

Зачем нужно прошлое

Интервью с профессором М.Я.Геллером

— Михаил Яковлевич, хотите ли вы дать оценку Октябрьской революции и последовавшим за ней семидесяти годам советской власти? В своем докладе Горбачев много говорил о советской истории. Сказал ли он что-нибудь новое?

— Когда Горбачев пришел к власти, он не хотел говорить о прошлом. Он очень хорошо понимал, что разговоры о прошлом вызовут как бы цепную реакцию. И поэтому в своем знаменитом частном разговоре с писателями (перед съездом писателей) он сказал: «О прошлом сейчас говорить не будем». Ситуация вынудила его разрешить разговор о прошлом; он пришел к власти незадолго до 70-летия Октябрьской революции. И чем ближе становилась юбилейная дата, тем больше приходилось говорить о прошлом. Поэтому генеральный секретарь дал основные указания: «каждый день нам одинаково дорог» и — «нужно ликвидировать белые пятна». Так вот — что это значит?

Во время подготовки к юбилею советские историки вдруг заявили, что необходимо говорить правду, что в истории нужна правда. Знаменательно, что ровно 25 лет назад, в 1962 году, в период «оттепели», десталинизации, советские историки уже говорили на Всесоюзном совещании историков о необходимости правды в истории. О необходимости такого совещания говорят и сейчас. Пока было несколько совещаний с избранными историками Академии наук. Был круглый стол в редакции журнала «Коммунист», публиковались статьи в разных журналах и газетах. И в Академии наук, и в «Коммунисте», и в различных статьях советские историки, все те, кто присутствовал 25 лет назад на Всесоюзном совещании историков и кто тогда торжественно обещал говорить правду, сегодня, через четверть века, говорят, что нужно знать правду, и снова каются, что они не говорили правду. Или, точнее, каждый из них говорит, что его коллеги не говорили правду.

Странно — мне, во всяком случае, — читать эти призывы, потому что мне кажется, что не может быть правды о прошлом, но зато есть ложь о прошлом. Нет правды о прошлом потому, что единое мнение можно иметь только в условиях, когда существует господствующая идеология: тогда можно говорить о едином «правдивом» взгляде на прошлое. В свое время, в двадцатые годы, Виктор Шкловский очень хорошо сказал: «Нет правды о цветах, есть наука — ботаника». Можно перефразировать это и сказать, что нет правды о прошлом, а есть наука — история. Каждый историк должен иметь в своем распоряжении все существующие материалы, документы, все источники, все цифры, все имена, и должен сказать, что он думает, представить свой взгляд на прошлое, анализируя имеющиеся и доступные всем материалы. «Нет правды о прошлом» — это значит, что всегда может быть и, собственно, должно быть много мнений о прошлом. Много точек зрения.

Когда в Советском Союзе говорят, что нужна правда в истории, это значит, что хотят иметь одну-единственную, утвержденную точку зрения. Но совершенно очевидно, и даже советские историки сегодня с этим соглашаются, что есть ложь в истории.

Ложь они называют теперь «белыми пятнами», говорят о необходимости их ликвидировать. Это выражение означает, что необходимо вспомнить имена актеров исторической драмы, деятелей прошлого, тех, кто участвовал в исторических событиях, влиял на них. Нужно назвать все эти имена, нужно сказать о всех событиях прошлого. С этим, несомненно, следует согласиться. От публикации первых статей, в которых были призывы к ликвидации «белых пятен», к необходимости покончить с ложью в истории, прошло не менее года, и сегодня можно уже, я думаю, как раз в дни празднования 70-летнего юбилея советской власти, подвести грустные первые итоги. Результаты неудавшихся изменений в отношении к прошлому позволяют сделать довольно мрачный прогноз о реальной осуществимости реформ.

2 ноября Горбачев дал установки: снова появляется *единственная правда* в истории. Вот, скажем, среди тех вопросов, о которых советские историки признают, что они не разработаны или разработаны слабо, неудовлетворительно, лживо, прежде всего — коллективизация. Горбачев объявил, что коллективизация была событием, вторым по важности после Октябрьской революции. Я бы позволил себе с ним не совсем согласиться и сказать, что *коллективизация была событием более важным, чем революция*, — в том смысле, что Октябрьский переворот, который дал власть партии большевиков, оставил неизменным строй жизни подавляющего большинства населения страны — крестьянства. И Гражданская вой-

на, и передел земли не изменили коренным образом характер отношений в деревне. Но коллективизация была сталинской революцией сверху, которая радикально изменила образ жизни 80% населения страны, уничтожила последний класс людей, который в каком-то смысле не был полностью зависим от государства.

Коллективизация позволила построить советскую тоталитарную систему. Горбачев и некоторые советские историки, которые высказываются по этому поводу, утверждают, что коллективизация дала возможность выиграть войну. Горбачев добавляет еще, что она позволила создать современное государство. Это точка зрения, с которой

шительные меры по исправлению положения». Каждый историк знает, что 5 января 1930 года принял решение тоже центральный комитет ВКП(б), но поскольку решение было плохое, его принял неизвестно кто, а решение, исправляющее положение, естественно, принимает центральный комитет партии. И так и сегодня пишут историю.

Я прочитал недавно несколько номеров журнала, который играет важную роль в воспитании горбачевского исторического мышления, если так можно сказать. Журнал называется «Аргументы и факты». Это орган общества «Знание»; значение этого журнала в том, что он является сегодня обязательным чтением для преподавателей истории в

дент из Тольятти написали письма, в которых спрашивают: «Говорят: Берия, Берия... А кто такой Берия? Мы этого не знаем». Журнал предлагает вниманию читателей ответ, подготовленный по материалам советской печати 1953 года. Оказывается, Берия был политическим авантюристом, который неизвестно как стал наркомом внутренних дел, министром внутренних дел, заместителем Сталина, потом, после смерти Сталина, первым заместителем председателя совета министров. И этот прожженный авантюрист наконец озоблачил себя, когда решил поставить органы выше партии, захватить власть.

Ответ, верный в той части, в какой говорится, что Берия, по-видимому, гото-

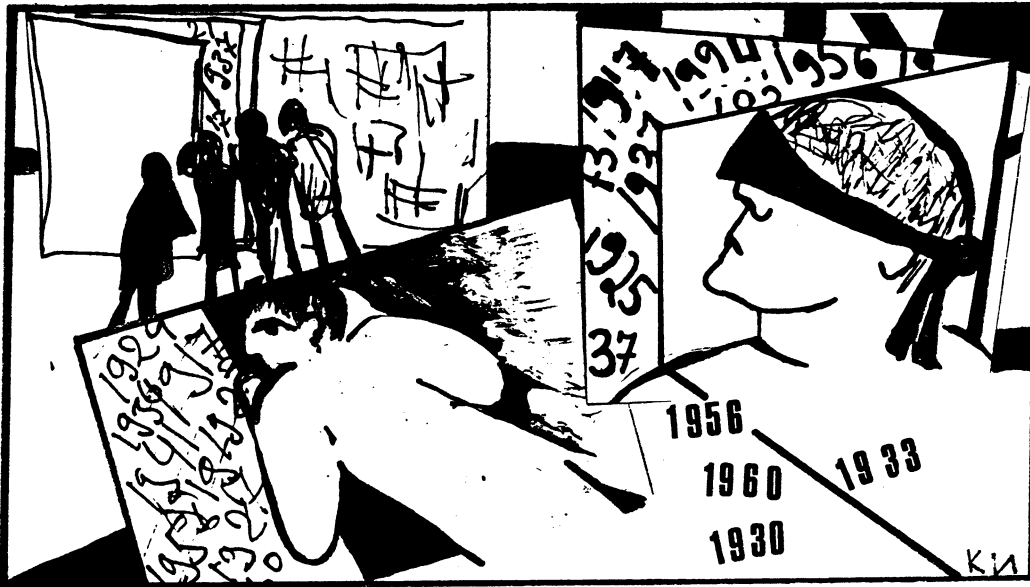

Рисунок
Владимира
Кара-Иванова.

трудно согласиться. Если говорить о войне, то только Советский Союз имел колхозы; другие страны колхозов не имели — и оказали значительную помощь Советскому Союзу, без их помощи победить Германию не удалось бы. Гитлер, как известно, сохранил на оккупированной территории колхозы, но войну проиграл. Что касается современного государства, то можно сделать такое сравнение: в 60-е годы прошлого века Россия и Япония стартовали одновременно: освобождение крестьян, реформа Александра II в России — и революция Мейдзи в Японии. Сегодня прошло примерно 120 лет, и если сравнить положение двух стран и учесть, что Япония потеряла полное поражение во Второй мировой войне, то что же мы скажем? Советский Союз стал современным государством благодаря колхозам, а Япония — благодаря поражению во Второй мировой войне? Несмотря на потери в годы войны, несмотря на Хиросиму и Нагасаки, Япония заплатила за создание современного государства меньше, чем Советский Союз. И сегодня нет никакого сомнения в том, что если оставить в стороне военное могущество, Япония — гораздо более развитая, гораздо более современная страна, чем Советский Союз. Но утверждения о коллективизации (которые пытались и кое-кто, может быть, еще пытается сегодня опровергнуть), на мой взгляд, после выступления Горбачева станут официально утвержденной правдой; боюсь, что вопрос о коллективизации будет закрыт; она будет признана прогрессивной мерой, хотя Горбачев и говорил о том, что были некие эксцессы.

— **Ведь и Сталин тоже говорил, что были эксцессы...**

— Совершенно верно, Сталин говорил, что чиновники и местные работники, у которых голова закружилась от успехов, вели себя плохо.

Но вот как советские историки говорят о коллективизации. Главный эксперт по вопросам коллективизации, доктор исторических наук Данилов написал несколько месяцев назад в «Правде» статью «Истоки и уроки коллективизации». Эта статья, по существу, является как бы базой высказываний Горбачева. Данилов говорит, например, в принятом 5 января 1930 года постановлении о темпах коллективизации намечалось, в основном, завершить коллективизацию осенью 1930 года — то есть слишком быстро. Это ускорение он считает ошибкой, но кто же ее совершил? Кто принял постановление 5 января 1930 года? Зато когда он говорит о том, что в марте 1930 года были приняты решительные меры по исправлению положения, то он выражается точно: «В марте 1930 года ЦК ВКП(б) принял ре-

школе. Сейчас, по-видимому, готовится публикация новых учебников по истории (об этом говорят), но, пока этих новых учебников нет, журнал «Аргументы и факты» дает ответы на те вопросы, которые возникают в ходе преподавания, возникают у учеников, а также у многих читателей газет, которые пишут письма в редакцию. Например, читатель из Салехарда задает редакции журнала совершенно естественный, по моему, вопрос, который может интересовать многих советских людей: почему после октября 1917 года было создано, а затем распущено Учредительное собрание? Вопрос, который, безусловно, заслуживает ответа и который задается сегодня, хотя практически советские историки отвечают на него с того времени, когда все случилось, отвечают во всех советских учебниках, в «Кратком курсе истории ВКП(б)», и во всех изданиях «Истории КПСС». Но этот вопрос снова возникает: очевидно, ответы, которые содержатся в официальных учебниках, кажутся недостаточными.

И что же отвечает журнал в 1987 году? Он признает, что Учредительное собрание было создано, приводит цифры — сколько голосов было подано за делегатов разных партий — эти цифры публиковались в монографиях советских историков: за большевиков голосовало 25% избирателей; за мелкобуржуазные партии — эсеры и меньшевики — было подано 62% голосов. Но это начало, это, так сказать, исходные позиции. 5 января собрали Учредительное собрание, в котором большевики имели 25% голосов, а противники — все остальные. И в эту же ночь Учредительное собрание разгоняют. Как объяснение автор статьи приводит известные слова Ленина, которые стоит процитировать. Ленин говорил так: «Народ хотел создать Учредительное собрание. Мы создали его. Но он сейчас же почувствовал, что представляет собой это пресловутое Учредительное собрание».

Собрание было создано 5 января. И разогнано в ночь на 6 января. Каким образом товарищ Ленин сумел почувствовать, что народ почувствовал, что это не то собрание, которое ему было нужно, — неизвестно. Во всяком случае, как знают все советские граждане, которые видели фильмы о Ленине, — собрание было разогнано матросом Железняковым, который произнес знаменитые слова: «Караул устал». Мне всегда казалось, что это были слова злоеда и символические. *Воля караула стала высшим законом в стране*. Вот это — объяснение одного из белых пятен. Но в «Аргументах и фактах» я нашел и другие объяснения.

Пропагандист из Ленинграда, лектор общества «Знание» из Арзамаса, сту-

вил захват власти, то есть хотел стать первым секретарем ЦК. Но это не ответ на вопрос, ибо читатели, я думаю, хотят понять, почему Берия стал одним из советских руководителей. Кстати, приводя обвинительные заключения, которое в 1953 году печаталось в советских газетах, сегодня «Аргументы и факты» не публикуют его полностью. Сегодня, по-видимому, стыдно повторять то, что говорилось тогда: что Берия был агентом «Интеллидженс сервис» с 1918 года. Вот так ликвидируются так называемые белые пятна. Решение перечислить соратников Ленина, руководителей Октябрьского переворота, которые были убиты Сталиным в 1937-38 годах, просто назвать их имена, представляется как некое достижение. Горбачев несколько обманул ожидания оптимистов: он назвал Зиновьева, Каменева, Рыкова, но подчеркнул, что они были противниками генеральной линии, которую представлял Сталин. Точно так же говорилось и в «Кратком курсе». Почему эти люди были расстреляны, почему о них в течение 50 лет нельзя было говорить, остается по-прежнему тайной. В 1962 году на Всесоюзном совещании историков шла речь о Бухарине; академик Поспелов, руководитель исторической науки того времени, на вопрос одного из профессоров-историков: «Студенты спрашивают, был ли Бухарин шпионом?» ответил: «Нет, Бухарин не был шпионом». Шпионом не был, но был расстрелян. За что расстрелян? На эти вопросы по-прежнему не дают ответа. Четверть века спустя Горбачев добавляет лишь, что Бухарин совершал ошибки и в доказательство цитирует Ленина.

Мне кажется, что отношение к прошлому, выраженное в докладе Горбачева, является более точным показателем того, что происходит в Советском Союзе, чем все разговоры о реформах, свободах, демократизации...

— **Во что же выливается в конечном итоге разговор о ликвидации «белых пятен»? Что-то все-таки придется сделать?**

— Скажем, с 3 ноября 1987 года можно говорить, что Н.И.Бухарин был любимцем партии, но плохо понимал диалектику и, наверное, поэтому выступил против Сталина. Это, конечно, нельзя считать ликвидацией белого пятна, потому что Бухарин, как и все большевики, прошел длинный, извилистый путь; в начале двадцатых годов он занимал чрезвычайно левые радикальные позиции, требовал применения жестких мер против рабочих, которые плохо работают; в 1925 году на совещании интеллигенции с руководителями московской партийной организации Бу-

харин произнес знаменитые слова: «Мы будем штамповать интеллигенцию, которая нужна нам». Он совершенно твердо считал, что может быть только одно мнение — марксистское. Только в начале 30-х годов, когда его позиции пошатнулись, Бухарин «осознал» (как говорил он своим бывшим друзьям, потом ярым противникам, потом снова союзникам, Каменеву и Зиновьеву), что Сталин — самый страшный враг революции, что это «Чингиз-хан с телефоном». Уже давно на Западе Бухарина пытаются представить безупречным представителем старых большевиков. Их не перестают искать, этих «настоящих большевиков», которых можно было бы противопоставить Сталину; говорят о Бухарине, о Кирове; но это были настоящие большевики, которые в принципе ничем не отличались от Сталина, если не считать, может быть, некоторых личных качеств. В своем отношении к главному — к роли партии — они были совершенно такими же, как Сталин. Друг Бухарина, его соратник, человек, который вместе с ним предстал в 1938 году перед судом и был расстрелян вместе с ним, Алексей Иванович Рыков, одно время председатель совета народных комиссаров, как-то заявил на съезде партии, еще в то время, когда он был у власти, что возможность многопартийной системы в Советском Союзе не исключена — с тем, что партия большевиков будет у власти, а все остальные партии будут в тюрьме. Человек многое говорит, не зная будущего; может быть, Рыков вспоминал об этом, когда сидел в тюрьме и ждал расстрела...

— **Вам не кажется, что разговоры о реабилитации старых большевиков и должны послужить утверждению авторитета Ленина, за который сейчас так судорожно хватаются? Ведь не могли же его соратники, старые большевики, быть негодными, изменниками, шпионами...**

— Это не совсем так. Начал эту реабилитацию старых большевиков, эту ликвидацию «белых пятен» не историк, а драматург — Михаил Шатров. Он в целом цикл драматургических произведений из истории большевистской партии постепенно шел к тому, чтобы назвать как можно больше старых большевиков. В своем последнем произведении «Брестский мир» он называет очень многих: Бухарина, Зиновьева, даже Троцкого. Но если мы прочитаем внимательно этотopus, то увидим, что все соратники Ленина, имена которых раньше нельзя было произносить, не переставали ошибаться. Фактически они нужны Шатрову для того, чтобы показать, что даже руководители большевистской партии ошибались. Перечисление соратников Ленина нужно для того, чтобы подчеркнуть сверхчеловеческое величие Ленина. Только он все знал, все предвидел и все правильно решил. Все остальные ошибались, и тем не менее становится нечеловеческая прозорливость, большевистская непогрешимость Ленина.

Мне представляется, что отношение к Ленину и отношению к истории партии исключает возможность нелинейной истории Советского Союза в изложении советских историков. В Советском Союзе история носит особый характер: с одной стороны, это как бы священная история — история партии, которая взяла власть потому, что она знает законы истории, законы человеческого развития, и не ошибается, идя к цели; а с другой стороны, это история гражданская, история государства, история общества. Сегодня практически все согласны с тем, что гражданская история — это история сплошных ошибок или преступлений. Основная периодизация советской истории — это (если не считать «счастливого» ленинского периода) период «культы личности», период «волонтаризма» и период застоя. Но ведь если речь идет о том, что *действительно* происходило в Советском Союзе, то нельзя не сказать, что все эти 70 лет всем руководила партия — что впрочем, записано и в конституции 1936 года и в конституции 1977 года: *партия руководит всем, контролирует всё и не отвечает ни за что*. Отвечают отдельные лица, иногда «политические авантюристы», непонятно каким образом проникшие в руководство, но сама партия ни за что не отвечает. Если не говорить по-настоящему о деятельности партии, — а о ней говорить нельзя, ибо это — «священная история», — то разговор о гражданской истории теряет весь смысл.

Вторая причина, в силу которой нельзя сказать, что же было в прошлом, — это невозможность говорить о Ленине. Нельзя говорить о его ошибках, о преступлениях, просто о том, что он на самом деле делал. Нельзя сказать, например, что Ленин был подлинным отцом ВЧК, что он непосредственно и конкретно руководил деятельностью ВЧК. Он не только давал *общие* указа-

ния, настаивал, как он говорил, на «масковидности» террора, но он давал конкретные указания, как бы воспитывал, учил полицейскому делу чекистов. Если не знать всего этого, невозможно знать прошлое.

А как говорил американский философ Сантаяна: те, кто не знают прошлого, обречены пережить его заново...

— **Значит, даже Горбачев не решил реабилитировать Бухарина? Если можно назвать это реабилитацией — на Западе это так представляют, но на самом деле это просто разрешение говорить о нем после долгого времени, когда его имя не могло ни где упоминается без ругательных эпитетов.**

— Мне кажется, *настоящая* реабилитация Бухарина невозможна, ибо советская история напоминает чулок: если из него потянуть одну нитку, то в конце концов скоро в руках окажется клубок ниток — и не будет более вот этого «священного прошлого». Чтобы реабилитировать Бухарина, необходимо говорить о внутрипартийной борьбе, которая шла и в 30-е годы и в 20-е годы. Необходимо говорить о том, что произошло после смерти Ленина, каким образом к власти пришел Сталин. Это интересный сюжет, вот это неудержимое восхождение Иосифа Виссарионовича Сталина. Почему именно Сталин оказался лучшим и практически единственным наследником Ленина? А если говорить о внутрипартийной борьбе, нужно сказать, что партия отвечает за все, что происходило. Следовательно, реабилитация Бухарина-человека, скажем, гражданская реабилитация, — возможна, потому что очень многие жертвы процессов реабилитированы. Но реабилитация Бухарина как партийного деятеля встречает очень серьезные возражения со стороны советских идеологов.

Среди высказываний советских историков я, например, видел такое: сейчас еще невозможно написать политическую биографию Сталина. А почему, собственно? Почему в Советском Союзе невозможно написать политическую историю Сталина, если во всех странах несветского мира существует множество его биографий? Почему, например, не печатать в Советском Союзе книгу Роя Медведева «К суду истории»? Я далеко не во всем с ним согласен, но в книге очень много интересных материалов, есть своя концепция. Это было бы началом серьезного разговора о прошлом.

Или, скажем, снова и снова возникает вопрос о войне с Германией. *До сих пор советские историки не решаются сказать о том, что существовал договор о дружбе с гитлеровской Германией, подписанный в сентябре 1939 года.* Вот, в качестве подхода к подлинному рассказу о прошлом, надо бы снова печатать книгу Александра Некрича «22 июня 1941 года». Сегодня военные историки, которые собираются писать после шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» десятитомную (она обещана через несколько лет), снова возвращаются к темам, которые были уже затронуты и в какой-то мере изложены в 1962-65 годах. Сегодня оказывается, что история отброшена на четверть века назад. Значит, ей снова надо проделывать путь, уже пройденный в шестидесятые годы, снова останавливаться на том же самом месте, не доходя до полного изложения фактов о Второй мировой войне. Это кажется чудовищным: одно из главных событий советской истории, одно из главных событий нашего века — война, столько стоившая советскому народу, и о ней советским людям известно все еще очень мало.

— **В какой-то мере это понятно. Ведь единственное, чем советская власть может похвастаться, о чем она может сказать, что ей удалось, — это победа во Второй мировой войне. Поэтому рассказывать то, что было на самом деле, — победа, без сомнения, но каким образом и какой ценой? — это очевидно, невозможно.**

Возвращаясь к реабилитации старых большевиков — на Западе высказывались иногда восторженные предположения о том, что вот сейчас расскажут о Троцком, что он будет реабилитирован. Какова позиция официальной советской историографии по отношению к Троцкому?

— Горбачев категорически осудил Троцкого, снова повторив все оценки «Краткого курса». Страх перед Троцким, мне кажется, связан не с Троцким — политическим деятелем, а с тем, что он превращен в дьявола. На самом же деле именно советские историки легко могли бы и написать биографию Троцкого, и рассказать о нем.

Троцкий сыграл очень важную роль в осуществлении Октябрьского переворота, он непосредственно руководил им. Кстати, уж если возвращаться снова к 25 октября 1917 года: вышло множество книг об Октябрьской революции, но существуют до сих пор тайны, которые советские историки отказыва-

ются открыть. Например, тайна 25 октября. Историки не едины в определении даты, когда большевики захватили власть. Наиболее принятая дата — это 25 октября. Некоторые говорят о 24-м или 23-м октября. С моей точки зрения, власть перешла к большевикам 21 октября, когда Военно-революционный комитет издал приказ петроградскому гарнизону, запрещающий выдавать оружие без разрешения Военно-революционного комитета: практически власть была уже в руках ВРК.

Но если мы примем дату 25 октября, то тут есть тайна: никто не знает, где был Ленин в этот день. Большевики начинают захват власти в городе, красногвардейские отряды выселяются для захвата стратегических пунктов, а в Смольном вождя революции нет.

Сталин со своей известной откровенностью писал в свое время, что вот, товарищ Ленин был приглашен вечером в Смольный, 25 октября. Но на самом деле товарищ Ленин, не дожидаясь приглашения и, может быть, даже опасаясь, что его и не будет, просто приехал на трамвае в Смольный. А когда он приехал, то, по существу, все было уже закончено, кроме захвата Зимнего, что было уже формальностью. Троцкий в своих мемуарах рассказывает, что, когда он доложил приехавшему на трамвае Ленину о ситуации, тот подумал-подумал и сказал: «Ну, можно и так. Главное — захватить власть». Возможно, у Ленина были какие-то другие соображения, но он согласился с тактикой Троцкого, ибо город был захвачен, власть была в руках Ленина. Троцкий занимает пост народного комиссара иностранных дел — первым в советском правительстве. Недавно вышла книга, рассказывающая о первых шагах наркоминдела. Имена Троцкого там нет.

Троцкий затем стал народным комиссаром по военно-морским делам, председателем Реввоенсовета Республики, практически руководителем красных в Гражданской войне. Это он создал Красную армию; это ему пришла в голову гениальная идея — использовать для создания Красной армии офицеров бывшей царской армии. Он мобилизовал этих офицеров, он придумал брать в заложники их жен и детей, если они не хотели идти в армию; случилось так, что основой Красной армии были офицеры бывшей царской армии. Практически в Красной армии было больше царских офицеров, чем в Белой армии.

— **Это происходило добровольно или скорее в принудительном порядке?**

— Для многих добровольно; часть генералов пошла служить добровольно. И это была, бесспорно, заслуга Троцкого: он создал армию. Он одержал победу в Гражданской войне. Безусловно, без Ленина он не смог бы это сделать. Ленин был человеком, авторитет которого признавали все. Отсутствие авторитета, признаваемого всеми, в Белой армии было одной из главных причин поражения. Скажем, споры, ссоры и скандалы между красными генералами, командующими фронтами и армиями, были такими же частыми и такими же острыми, как и в Белой армии, но в Красной армии был, во-первых, Троцкий, а главное, был Ленин, который всегда находил способ примирить или своим авторитетом разрешал спор в ту или другую сторону.

Троцкий был, несомненно, одним из создателей Коминтерна, он был одним из наиболее влиятельных лидеров коммунистов всего мира. Но Троцкий был настоящим вождем ленинского типа: он был человеком жестоким, беспощадным политическим деятелем, который шел к своей политической цели, не смотря ни на что. У Троцкого были недостатки, которые помешали ему захватить власть. Прежде всего, он был евреем, что сильно ему мешало. Но я думаю, что главной причиной его поражения в борьбе со Сталиным было его отношение к людям. Троцкий так высоко ценил себя, что ко всем остальным, кроме нескольких личных друзей, он относился пренебрежительно, презрительно. А Сталин умел создавать вокруг себя круг преданных ему людей.

Кроме того, у Троцкого был порок, который также способствовал его поражению: он был марксистом, верившим в догмы: диктатура пролетариата, пролетариат — класс-гегемон и т.д. Эти догмы были для него неприкосновенными. Сталин же менял все, что ему было нужно, для своих целей. Плен марксистских представлений чрезвычайно мешал Троцкому. Например, когда в 1923 году готовилась революция в Германии, он отбросил пренебрежительно, презрительно. А Сталин умел создавать вокруг себя круг преданных ему людей.

чин для того, чтобы не сказать все, что можно сказать о Троцком, кроме, конечно, мистического страха, мистической необходимости в «дьяволе». Если принять Троцкого снова в ряды партии большевиков, в которую он вступил в 1917 году, и рассказать о его деятельности, рассказать о его пороках, то, на мой взгляд, это будет просто еще один эпизод советской истории. Но чтобы всё о нем сказать, нужно бы поведать, как он был превращен в синоним врага, как троцкизм, некая страшная тайная оккультная сила, стал объяснением чудовищного террора. Вот еще одна нитка, которую если потянуть, то распусться весь чулок.

— **Так что, скорее всего, ее не потянут?**

— Горбачев в докладе 2 ноября не потянул. Возможно, что имя Троцкого станут упоминать. Шатров, например, упоминает об одном эпизоде из биографии Троцкого — о подписании Брестского договора. Он говорит, что Троцкий совершил глупость, что он пренебрег указаниями Ленина. Концепция Троцкого — ни мира, ни войны — была вполне логичной. Бухарин утверждал в то же время, что русская революция должна предпочесть гибель, союзу с германским империализмом. Это была логика марксиста. А Ленин, который был в этом отношении учителем Сталина, не признавал никаких догм. Троцкий же считал, что он нашел замечательный дипломатический трюк: ни мир, ни война. Он хотел, чтобы немцы продемонстрировали перед всем миром, что они агрессоры. Шатров говорит, что это была глупость, что она привела к потере огромной территории. Шатров при этом, однако, не говорит, что на конечном, решающем заседании центрального комитета позиция Троцкого помогла Ленину получить большинство. И не говорит о том, что права Ленина — как бы оправдание задним числом подписания Брестского договора — объясняется не его сверхче-

ловеческой мудростью, а только тем, что Германия в ноябре 1918 года была разбита союзниками. Поражение Германии спасло Ленина и сделало подписание им Брестского договора актом невероятной мудрости. А если бы Германия не потерпела поражения? Если бы американские войска не успели прийти на французский фронт? Вполне возможно, что Германия выиграла бы войну. И тогда, безусловно, никакой большевистской России не было бы, и кто знает, как бы вообще повернулась история. Так что сейчас легко говорить о том, что Ленин поступил с абсолютной мудростью, а Троцкий — одно время говорили, что он был предателем, теперь говорят, что он был глупцом; всегда легко судить исторических деятелей много лет спустя, особенно если на тот суд не представляют всех документов.

— **Из того, что вы сказали, можно сделать вывод, что после празднования 70-летия и доклада Горбачева советские люди знают о том, что на самом деле произошло в ноябре 1917 года, не больше, чем они знали до сих пор?**

— Я думаю, что будут знать столько же, то есть очень мало. Но зато, возможно, появится наконец спокойствие: генеральный секретарь определил, что является нашим прошлым, а что им не является.

В 1964 году был опубликован роман писателя Аркадия Васильева, который пришел в литературу непосредственно из органов. Этот роман, может быть, не останется в истории литературы, но его название мне кажется чрезвычайно знаменательным. Он назывался «Вопросов больше нет». Вполне возможно, что после выступления Горбачева можно будет снова написать роман или хотя бы повесть под названием «Вопросов больше нет». Горбачев в своем докладе сделал шаг назад по сравнению с XX и ХХI съездами КПСС, на которых о со-

ветском прошлом было сказано гораздо больше.

— **Но вопросы все-таки возникают в советском обществе, несмотря ни на что, не так ли?**

— Сегодня задаются те же вопросы, что и четверть века назад. Наверное, это значит, что вопросы, на которые не дают ответа, которые загоняются куда-то внутрь, продолжают существовать, продолжают жить своей жизнью. Вопросы, на которые нет ответа, остаются как опухоль, которая растет и душит организм, если ее не удаляют. Тот факт, что вопросы остаются, что они волнуют, что над ними думают, — свидетельство живучести человека. Амнезия — это болезнь. Человек, потерявший память, чувствует себя очень скверно, если он это осознает. Он ищет возможности вернуть себе память: без памяти жить невозможно. Это главная забота советских идеологов, советских руководителей — как удержать народ в амнезии, как по каплям сообщать отобранные факты, откладывая ответы на вопросы, отвечая сейчас на вопросы, которые были заданы 30 или 40 лет назад.

Есть такая песня Александра Галича, которая называется «Спрашивайте, мальчики»:

Спрашивает мальчик: почему?
Спрашивает мальчик: почему?

А папаша режет ветчину
И не отвечает ничего.

Галич заканчивает свою песню словами: «Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!»

Очевидно, так можно закончить наш разговор — нужно задавать вопросы. И надеяться, что в конце концов на них придется отвечать.

Интервью с М.Я.Геллером
вела И.А.ИЛОВАЙСКАЯ

По страницам советской печати Новая полемика вокруг Хрущева

Новая волна критики сталинизма, встречающая злобное раздражение у старых кадров, не удовлетворяет более поколение, родившееся после великого террора. Раздаются прямые призывы к разоблачению «соучастников и свидетелей вчерашнего зла», которые, как говорится в письме одного из читателей, опубликованном в журнале «Огонек», — «еще живы и их портреты еще не потускнели в кладовых, куда их складывали после праздничных демонстраций». Действительно, о живых, несмотря на гласность, во весь рост предостерегают пока не говорить. Однако среди мертвых лидеров неприкосновенных остаются все меньше.

Вслед за критикой сталинизма в советской печати развернулась полемика вокруг фигуры Никиты Хрущева. Возвращение интереса к нему обусловлено тем, что нынешний период гласности и перестройки нередко ассоциируется с восстановлением и развитием преобразований, начатых XX съездом. После смещения Хрущева имя его надолго исчезло из политического лексикона. И лишь изредка упоминалось в обязательной приставочной «волюнтарист». «В общественной памяти», — пишет Евгений Габрилович в газете «Московские новости», — «таким белым пятном и является Хрущев, человек, который освободил миллионы сырьевых, а народ не может простить ему кукурузы». Одним из первых выступлений, снявших табу с этой темы, была статья политического обозревателя Александра Бовина под названием «Резервы памяти», помещенная в январском номере еженедельника «Новое время». Называя XX съезд «очистительным шквалом», Бовин дает неоднозначную оценку тогдашнему руководителю. «Хрущев, бросивший вызов защитникам культуры личности Сталина, вскоре сам стал допускать и поощрять словоупотребления в свой адрес». В продолжение мысли о развитии нового, начавшегося формироваться при Хрущеве, культурного мышления, журналист добавляет: «Брежнев... позволил превратить себя в памятник самому себе».

Опыт выступления Хрущева на XX съезде вернул многим веру в утраченные иллюзии. Были названы конкретные виновники массовых репрессий, «Сталин», «банда Берии... пытавшаяся вывести органы госбезопасности из-под контроля партии... иайка, фабриковавшая лживые обвинительные материалы». Еще раньше, 17 декабря 1953 года, народ узнал о преступлении бывшего министра госбез-

зопасности В.Р.Меркулова, заместителя министра Б.З.Кабулова, начальника управления НКВД В.Г.Деканозова. Вместе с тем, разоблачение преступлений, воспринятое большинством как критика прежней власти, вылилось, по существу, в критику лишь отдельных руководителей. В отношении ведомства, проводившего террор, Хрущев в своем докладе постеснялся сделать оговорку: «...стало проявляться... недоверие к работникам органов госбезопасности... Это неправильно и очень вредно... Кадры наших чекистов... состоят из честных... работников». Сомнение в такой оценке выражает современный читатель на страницах журнала «Огонек». «Сталин направлял репрессии, но их осуществляли люди... Большая часть этих людей жива, многие при должностях».

Половинчатость критики Хрущевым прошлого и полуправда содержания зачатки последующих деформаций позитивных процессов. Эта деформация в период с 1956 по 1964 гг. отражалась в неполноте общественной и культурной жизни, и была обусловлена прежде всего политической непоследовательностью. Например, предложенная Хрущевым систематическая сменяемость партийных работников допускала оговорку для так называемых особо опытных кадров. Указ об обязательной публикации решений Верховного Совета предусматривал и ограничения на публикацию. «Одной рукой мы давали права, а другой рукой отбирали их. Мы начинали говорить правду, но останавливались на полуправде», — пишет далее в своей статье Александр Бовин. Считать ли теперь парадоксом, что в период культурной оттепели голос Солженицына звучал на фоне резкой критики Дудинцева, Эренбурга и посмертной травли Пастернака?

О судьбе еще одного писателя, Василия Гроссмана, рассказала недавно газета «Московские новости». Его книга «За правое дело», первая часть трилогии о сталинградской битве, напечатанная Твардовским в «Новом мире», была разгромлена критиками, а сам автор был подвергнут остракизму, снятому лишь после смерти Сталина. Казалось бы, с приходом Хрущева путь для следующего романа опального писателя должен был открыться. В 1961 г. Гроссман принес вторую часть трилогии «Жизнь и судьба» в редакцию журнала «Знамя», откуда книга была передана на рецензию в так называемые компетентные органы. В результате, у писателя провели обыск, изъяли произведение, а тогдашний секретарь ЦК

Рисунок Владимира Кара-Иванова.

Михаил Суслнов сказал, что роман может быть опубликован не ранее, чем через 200-300 лет. «Как же понять, что в наше время у писателя проводят обыск, отбирают (...) книги, написанные во имя правды (...), — обращается Гроссман в письме к Хрущеву, в котором он видел положительные черты. — Прошу вас вернуть рукопись моей книги, чтобы о моей рукописи говорили и спорили редакторы, а не сотрудники КГБ».

Положительного ответа писатель не получил, лишь недавно журнал «Октябрь» объявил о публикации романа. Автор не дождался этого дня. И дело не в том, что Хрущев, зная о фактах новых нарушений, не препятствовал им и, санкционируя их, отступил от собственной политической линии. Последующее отступление от нее иногда теперь связывают с идеологической линией Брежнева и Суслнова, называя смещение Хрущева «событием... едва ли не равновеликим XX съезду, но с обратным знаком». Такую оценку высказывает, например, публицист Юрий Буртин. Однако исторические корни такого обратного знака содержались в самой двойственности хрущевской политики и лишь стали доминантными и однозначными в дальнейший период, именуемый теперь как застойный.

Необходимость переосмысления истории во времена гласности и перестройки диктуется, по мнению А.Бовина, потребностью понять, «почему окончились неудачей перестройки 1956 и 1965 гг.». «Некоторые страницы из прошлого, о которых мы молчим, мстят за себя в настоящем, в котором повторяется прошлое», — заключает обозреватель, имея в виду пути сегодняшних преобразований Горбачева. Поэтому основной вопрос, который задают не только на Западе, который волнует и советских людей, связан с тем, не держат ли происходящие сейчас в СССР процессы обратного знака, способного обесценить все знаки положительные.

ВЛАДИМИР ПИМОНОВ

Москва

Пришедшие проводить Марию Яковлевну, в основном, были те же, что и в церкви — правда, здесь мелькали какие-то новые фигуры в темных костюмах с деловыми и озабоченными лицами — наверное, представители администрации, но света здесь было намного больше, чем в церкви, и все пришедшие на проводы были разделены ковровой дорожкой надвое, словно волосы пробором, — дорожка эта простиралась от самого входа в вестибюль до гроба Марии Яковлевны, и по краю этой дорожки, ревниво оберегая ее неприкосновенность, со строгим видом прохаживались капелланеры, потому что дорожка была новая, а на улице было грязно, и многие из присутствовавших, поднявшись на дыпочки и выгнув шею, поглядывали вдоль этой дорожки на вестибюль, словно оттуда должны были появиться космонавты или какие-нибудь другие высокие гости, а откуда-то сбоку, через равные промежутки времени выпускали, словно спортсменов со старта, четверки молодых людей — наверное, студентов консерватории — с траурными повязками на рукавах. Скромно потупив глаза, словно обладатели авосек с апельсинами, стараясь ступить в ногу и все время сбиваясь с шага, они подходили к уже стоящей возле гроба четверке и становились в затылок к ним — на несколько секунд возле гроба оказывалось восемь человек — сверхпечетный караул, — а из-за бюста композитора доносилась траурная музыка, но музыкантов увидеть было невозможно, а стоявший неподалеку от меня мой знакомый театральный критик искал спички, похлопывая себя по карманам пальто.

Он искал спички почти всегда, даже когда не собирался курить, — этот жест вошел у него в привычку, был хорошо отработан и обозначал не то состояние волнения, не то беспомощность, а перед тем, как начать говорить, он долго прокашлялся, словно певец перед исполнением романса, после чего, делая многозначительную паузу и поигрывая голосом, спрашивал меня, что я думаю о последней эпидемии гриппа или как действует какой-нибудь метабонат на функцию кишечника, как бы подчеркивая мою непричастность к тому возвышенному и утонченному миру, к которому принадлежал он.

Критик нервно искал спички, хотя курить во время панихиды было, конечно, нельзя, а невидимые музыканты исполняли элегию Массне, «Аве Мария» Шуберта, третью часть «Седьмой симфонии» Шостаковича и другие произведения, приличествующие данному случаю, и все это были музыканты, с которыми Мария Яковлевна, наверное, не один раз выступала вместе, но все это было раньше, потому что в последнее время ей запретили выступать из-за ее любви произносить проповеди, а четверки почетного караула продолжали сменять друг друга, но с каждым разом участники их становились все солиднее — наверное, это были уже представители дирекции, а может быть, даже партийной организации — они даже не старались ступить в ногу, потому что они и так чувствовали себя в центре внимания, а, подойдя к сменяемым, не становились в затылок к ним, а слегка подталкивали их, и в этом не было ничего обидного, потому что каждая последующая четверка находилась на одну ступеньку служебной лестницы выше предыдущей. Когда же дело дошло до гражданской панихиды и стали выступать ораторы, выпустили снова четверку молодых людей, потому что во время панихиды нельзя было сменяться, и молодые люди, чтобы скрыть усталость и скуку, с преувеличенно скорбным видом смотрели в лицо покойной, словно хотели запечатлеть в памяти каждую ее черту, а когда гражданская панихида подходила к концу, откуда-то сбоку, откуда раньше выпускали четверки почетного караула, появился и стал в первом ряду — стоявшие почти полностью уступили ему место — известный тенор — он очень берег остатки своего голоса и поэтому, чтобы не простудиться, вышел всего на несколько минут.

Когда приехали на кладбище, уже смеркалось. Дождь перестал, слегка подморозило. Кладбище было старым, на нем почти не хоронили, но для Марии Яковлевны выхлопотали разрешение, однако место, предназначенное для нее, на-

ходило где-то очень далеко, и погребальная процессия растянута по узкому извилистому проходу между могилами за кладбищенским забором. До гроба дело не дошло — оказалось много желающих, и все они обступили и подняли его с таким видом, что мне сразу стало ясно, что они имеют на это гораздо больше права, чем я, и рядом с ними пошли еще сменщики, и тоже с таким же полноправным видом, и гроб заколыхался где-то впереди на чужих плечах, но я не очень огорчился, потому что не слишком приятно идти с такой ношей по кочкам, да еще стараться ступить в ногу, да еще в новом пальто — на нем неминуемо останется потертость и деревянные занозы, — на мою долю выпал веночек — я нес его с напарником, но его лица я так и не сумел различить, потому что оно находилось по ту сторону венка, в который было, к тому же, вплетено много хвои, и ее иголки царапали мне руки и лицо, и какие-то оголенные ветки кладбищенских деревьев тоже хлестали меня по лицу, а ноги то и дело скользили по подмерзшей земле, и, кроме того, где-то на кладбище — где именно, я не видел из-за венка, загораживавшего от меня весь мир — где-то на кладбище тихо пели. На секунду я все же ухитрился выглянуть из-за хвои — одни пустые могилы с крестами, памятниками и оградами — и тогда я обернулся назад и увидел, что это поют участники похоронной процессии. Они пели очень странно, почти не разжимая рта, так что слов невозможно было различить, а может быть, их и вовсе не было — получалось что-то вроде «м-м», так что они не пели, а скорей даже как будто мурлыкали себе что-то под нос, и это мурлыканье чем-то отдаленно напоминало собой колыбельную песню, но постепенно они стали петь громче, и появились слова, но разобрать их все равно было нельзя, и тогда я вдруг понял, что они поют что-то религиозное, духовное, — может быть, какую-нибудь мессу, а может быть, специальную погребальную песню.

Гроб с телом Марии Яковлевны установили на каком-то постаменте; на холмиках только что выкопанной земли, на надгробных плитах и даже на оградах расположились провожающие, и я тоже вска-

Леонид Цыпкин

Смерть Марии Яковлевны

рабался на какой-то бугор, но он весь заледенел, стоя на нем было неудобно, и, чтобы удержать за собой этот холмик, я ухватился рукой за ветку какого-то дерева, и остальные тоже старались держаться кто за что, а иногда опирались на плечо соседа, и я вспомнил, как Мария Яковлевна, когда хоронили поэта, на могиле которого она потом в годовщину его смерти читала священную книгу, как Мария Яковлевна все старалась подойти поближе к его гробу, а люди стояли и даже висели на деревьях вот такой же плотной стеной, и она никак не могла пробиться, потому что она всегда была тучная и уже тогда страдала одышкой, но в конце концов она все-таки взобралась на какой-то холмик, но холмик был такой маленький, что им все пренебрегли, и он ничуть не помог ей — она все равно ничего оттуда не видела и стояла, опершись на свою палку, тяжело дыша, с выступившим на лице потом, потому что все это происходило летом, под жарким солнцем.

Стоявшие непосредственно вокруг гроба Марии Яковлевны, в особенности же в изголовье его, снова запели, все так же тихо и без слов, словно только для себя, а остальные, стоявшие подальше, молчали, а потом некоторые из них тоже подхватили и тоже как будто только для себя, а вдаль, к кладбищенскому забору виднелись какие-то старые дома казарменного типа, и в этом сосредоточенном, тихом пении сгрудившихся на маленьком пространстве людей было что-то, напоминавшее молчаливую сходку, а возле вырытой ямы, куда должны были опустить гроб, опершись на лопаты, спокойно покуривали рабочие, словно надзиратели, ожидающие, когда истечет положенное на свидание время.

Пение, между тем, становилось громче, и уже слышны были слова, хотя различить их по-прежнему было невозможно, но теперь снова пели только стоявшие в изголовье гроба, и мелодия эта теперь уже не напоминала колыбельную песню — в ней появились какие-то ликующие, даже залихватские нотки, и лица певших были обращены не к покойной, а друг к другу, словно это была давно спевшаяся компания, которая только ждала случая, чтобы проде-

монстрировать свое искусство, и вот теперь этот случай представился, и они, обрадовавшись, сразу же принялись за свое и теперь старались изо всех сил, и лица их осветились ликованием и озорством.

Почти стемнело, и только где-то далеко, над крышами домов, розовело морозное небо, и на фоне его отчетливо, словно на литографии, выделялись голые ветви кладбищенских деревьев. Неожиданно пение прекратилось. Протолкавшись к гробу, рабочие уложили на него крышку, и когда они накрыли его гроб, кто-то из стоявших рядом успел еще поправить цветы, лежавшие на груди Марии Яковлевны, а потом в разных концах гроба почти одновременно застучали молотки, словно заколачивали дачу. Крякнув, рабочие дружно взялись за гроб и с возгласом, похожим на «Эй, сторонись!», потащили его к могиле, и провожающие тотчас расступились, давая им дорогу, и кто-то пытался еще помочь нести гроб, но это было так же излишне, как подталкивать идущий поезд. Поставив заколоченный гроб на кучу земли возле самого края могилы, рабочие подвели под его дно толстые веревки и, взявшись за них, поволокли гроб к яме, потом, крякнув, снова приподняли его и, что-то крича друг другу, вроде «Эй, трави!» или «Майна вира!», как это делают моряки, стали на веревках опускать гроб в яму, а остальные стояли с видом туристов, наблюдающих за швартовой корабля. Они стали опускать гроб в яму, но то ли яма была слишком узка, то ли гроб оказался несоразмерно большим, но он застрял где-то на полути, и рабочие снова начали что-то кричать друг другу, перемежая профессиональные термины мажоровым матом, а присутствовавшие стояли с таким видом, словно они ничего не слышат или не понимают значения этих слов, и только старались не смотреть друг на друга, а некоторые даже подошли к рабочим и, поддвываясь под их язык и интонацию, стали давать им советы, в какую сторону потянуть веревку, чтобы повернуть гроб под нужным углом, для большей наглядности вычерчивая в воздухе какие-то геометрические фигуры, и один из рабочих, поддавшись этим советам, потянул-таки за веревку, после че-

го гроб заклинило окончательно — теперь его нельзя было ни протолкнуть вглубь, ни вытянуть на поверхность.

Стало совсем темно, и только кусочки неба оставались еще розовым, и на фоне его виднелись фигуры рабочих — склонившись над ямой, словно над прорубью, они пытались что-то сделать там, но из-за темноты уже ничего нельзя было различить, и тогда в толпе провожающих вспыхнул и замерцал огонек, за ним другой, третий, четвертый, и вот уже десятки людей держали над головами зажженные церковные свечи, высоко подняв их, словно факелы, и свет от них упал на площадку, на которой трудились рабочие. Один из них, встав на холмик, у самого края ямы, начал долбить киркою землю. Движения его, вначале неторопливые, становились все размашистее и уверенней, кирка, которой он работал, ритмично и неумолимо крушила твердую породу, высекая из нее искры, и остальные рабочие тоже взялись за кирки и лопаты — минута растерянности, вызванная неудачной швартовкой, прошла, и теперь это уже была слаженная команда, работавшая под водительством своего капитана, — хотя холмик, на котором он стоял, был невелик, фигура его, казалось, господствовала над всем — он работал и крушил землю, а остальные только вторили ему или освещали путь, и его фигура, подсвечиваемая колеблющимися языками свечей, отбрасывала гигантскую пляшущую тень. Послышался глухой и тяжелый стук — гроб с телом Марии Яковлевны упал на дно ямы, и сразу же вслед за этим провожающие, окружив могилу, стали бросать туда землю — некоторые бросали ее так, словно сеяли, другие — как будто играли в песочек, а рабочие, оперевшись на лопаты, застыли в нисходящем ожидании — экипаж корабля, наблюдающий за посадкой туристов в прогулочные шлюпки.

Уходя, я увидел критика с женой — они еще оставались. Он курил, похлопывая себя по карманам в поисках спичек, а она стояла на могильном камне, высматривая кого-то в толпе провожающих. Она подала мне руку, едва коснувшись моей, и все так же глядя куда-то поверх моей головы, а он, прокашлявшись и сделав многозначительную паузу, спросил меня, как часто допускается эксгумация.

Окончание.
Начало в «Р.М.» № 3696.

Николай Лесков

Сказание о Федоре-христианине и о друге его Авраме-жидовине

I.

В греческом городе Византии, прежде чем город стал называться Константинополем, а у русских Царьградом, жили два соседа. Один был еврей, а другой крещеный из потаненных; еврей держал ветхозаветную веру пророка Моисея, а крещеный христианскую соблюдал веру. Оба соседа жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей делал золотые и серебряные вещи, а христианин имел корабли и посылал их с товарами за море. По соседству они ничем друг другу не досаждали и имели привычку никогда друг с другом о вере не спорить. Кто из них в какой вере родился, тот в такой и пребывал и свою веру перед другим не превозносил, а чужую не унижал, не осуждал и не порочил. Оба рассуждали так: «Кому что в рассуждении веры от Бога открыто, такова, значит, воля Божия». И так они в добром согласии прожили много лет счастливо.

У обоих этих соседей было по сыну, которые были ровесники, потому что оба родились в один год. Христианин своего потаненно окрестил и назвал Федором, а еврей своего, по еврейскому закону, в восьмой день обрезал и назвал его Аврамом.

Тогда в Царьграде главной верой была еще вера языческая. Христиане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя сильно не оказывать, чтобы не дразнить язычников и не накляпал на себя неудовольствие. А потому, как крещение Федора, так и обрезание Аврама отцы их сделали в домах своих без угощения, потихоньку, при одних своих близких родных.

Оба соседа, получив от Бога потомство, были очень рады. Христианин говорил:

— Слава Богу, сосед! Дай Бог, чтобы и сыновья наши жили между собою так же ладно, как мы между собою прожили.

И еврей сказал то же самое, да еще прибавил, что дети должны жить еще согласнее, потому что они от отцов добрый пример могут получить, что в согласии заключается удобье и счастье, а в несогласии — всякое беспокойство и разорение.

«Сказание о Федоре-христианине и о друге его Авраме-жидовине» Н.С.Лескова впервые было опубликовано в периодической печати в 1886 году и на следующий год (ровно 100 лет тому назад) было единственно раз выпущено отдельным изданием. В начале XX века «Сказание...» вошло в изданное А.Ф.Марксом собрание сочинений писателя, а после революции вообще никогда не перепечатывалось. Поскольку это произведение русского писателя-классика стало ныне практически недоступным, мы предлагаем его нашим читателям, печатая текст впервые по новой орфографии.

II.

Когда мальчики, Федор и Аврам, подросли до той поры, что стали их манить совместные игры и забавы, то обе матери — и христианка, и жидовка, начали выносить детей на огород и сажать их вместе, чтобы они забавлялись, а большим не мешали. А огороды у еврея и у христианина были рядом бок-о-бок, и по тогдашней простоте, ничем не были разгорожены. Вынесет еврейка, посадит своего Аврамку — и христианка принесет своего Федю и тоже посадит его рядом на траве под большой розовый куст; надают им каких попало забавочек, чтобы играли, а сами пойдут каждая к своему делу по домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строго-настроено детям накажут, чтобы мирно и весело играли, как хотят, а ссориться чтобы не смели. Ежели же в чем-нибудь не сумеют поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

В этом простом, но добром научении мальчики выросли и сжились друг с другом так, что любили один другого совершенно как два согласные родные брата. Даже и более, потому что между родными братьями по крови бывают иногда несогласие и зависть, а у Федора с Аврамом ничего подобного не было. Что одному люблю, то и другому нравится. А что один из них был окрещен, а другой обрезан, — этого они совсем не знали. За занятиями и недосугами, родители их оставляли им это без растолкования, да дети даже еще и не уразумели бы в своем возрасте, в чем тут разница. В невинном детском маломыслии они вместе играли и, наигравшись вместе, обнявшись, засыпали на травке, спрятав головы под один и тот же розовый куст, в котором копошились золотые пчелки, а детей не трогали, все равно как христианина, так и жидовина.

Но вот Федор и Аврам подросли и настало время посылать их в школу. А это случилось, когда в Константинополе язычество приканчивалось и была уже объявлена главной верой христианская. Идолские капища тогда разоряли или перedelывали на церкви и на городских стенах над воротами стали писать образа, чтобы всякий, проходя, кланялся и молился.

В эту пору многие стали заводиться на иной лад, и некоторые начали изъяснять высшему начальству, что христианину и еврею вместе ходить в одну школу не годится, а непременно надо разделять детей порознь, чтоб они с малолетства не смешивались, потому что, будто, вместе им нельзя дать согласного научения, так как у евреев главный закон веры — от Моисея, человека Божия, а у нас — от Христа. Мы их ветхий закон признаем, но только к нему от своего Нового Завета добавку делаем, а евреи думают, что им добавки не надо, а довольно и одно то собласто, что в старом законе от Моисея показано.

III.

Матери Федора и Аврама не твердо разумели, что их религии подробно касаются, а знали по-женски одно наружное. Знали они, например, что жидовкам надо в ванну лазить и окунаться по обязанности, а крещеным женщинам — заведено мыться только когда понадобится; или, что христианам можно свинину есть, а жидам свиное мясо запрещено и не позволено. Прочего же, что есть главное в том и в другом законе, они не понимали до тонкости и молились по своему, каждая про себя, как была научена в детстве. Больше же всего обе они жили с тою заботой, чтобы в соседстве по-домашеству им одной от другой было можно удобнее и чтобы не оказывать никакой друг другу похоти.

Продолжение следует.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ — ИОСИФУ БРОДСКОМУ

Власть над нашими душами

Известие об этом радостном для всех любителей русской поэзии событии принесло — увы — западное радио: Иосифу Бродскому присуждена Нобелевская премия по литературе за 1987 год.

В том, что это непременно рано или поздно произойдет, сомнений не было.

В число поклонников поэзии Иосифа Бродского в России входят люди многих разных возрастов и профессий. Но для многих имя Бродского не просто имя в ряду любимых поэтов. С ним связана пора гражданского становления, начало ориентации в непросветом мире нравственных и эстетических категорий и ценностей.

«Поэтическими кумирами» 60-х годов были Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Р.Рождественский, гремевшие в многотысячных аудиториях и воскресавшие образ поэта, агитатора, горлана, главаря, созданный Маяковским на заре советской литературы и столь созвучный бурной хрущевской эпохе. Лирика была делом недалекого уже будущего. Восстановление лирики в гражданских правах ознаменовало переход от эпохи деклараций к эпохе размышлений, и свою роль в этом переходе сыграл Иосиф Бродский, его судьба и его поэзия.

Со стихами Бродского познакомились по рукописным сборникам, которые распространялись как-то необыкновенно быстро. Большой частью это были стихотворения, составившие его первую книгу «Стихотворения и поэмы», вышедшую в Нью-Йорке в то время, когда сам поэт находился еще в ссылке в Архангельской области.

Эти стихи завораживали. Невозможно передать магическое воздействие знаменитого «Рождественского романса», посвященного Евгению Рейну с любовью, гипнотизировавшего среди «кирпичного надрыва» с пронзительным лиризмом, который возник из небывалых, неслыханных словосочетаний. Они рождали «тоску необъяснимую», томившую чем-то невыразимым, что только и можно было передать почти библейскими интонациями, звучащими в строчках:

Как будто будет свет и слава,
удачный день и много хлеба...

И сейчас у многих еще хранятся эти старенькие палочки, в которых частью на машинке, а большей частью от руки (пишущая машинка по тем временам была неслыханной роскошью) переписанные, лежат «Стансы», «Ладиигоры», «Пилигримы» и стихи под эпитафией «Художник и слово». Захлебывающиеся интонации, отражающие жажду бытия и стремление дать имя всем явлениям окружающего мира, обступающего поэта со всех сторон. Но больше всего тогда поражало «Шествие».

Как определить жанр этого произведения — драматическая поэма? Мистерия? Позднее из книг М.Бахтина стали популярны термины «полифония» и «многоголосие». Но эти слова ничего не прибавили к восприятию этого произведения, восприятию необычно-

Перепечатывается с небольшими сокращениями из бюллетеня «Гласность» (Москва), № 10, октябрь 1987.

венно острому и какому-то будоражащему...

Дом, где жил Бродский, — это тот знаменитый дом Мурузи, на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской (ныне улица Пестеля). Дом, о котором писал Андрей Белый: «Угрюмый и серо чернеющий дом, встающий пятой своими этажами с угла Пантелеймоновской и Литейного...» В этом доме жили до революции З.Гиппиус и Д.Мережковский, в гостях бывали А.Блок, А.Белый, В.Розанов. Белому казалось, будто «кто-то от логова было в квартире, в которой вынашивались... острейшие религиозно-философские мысли». «Логовом мысли» называл он квартиру Мережковского; Александр Иванович Бродский, отец Иосифа, говорил, что их семья живет в той же квартире. Ну что ж, в этом есть своя справедливость.

Здесь иначе звучат первые стихи, рассказы о суде над Бродским и одно из лучших произведений русской публицистики: запись, почти стенограмма, этого суда, сделанная замечательным педагогом, писателем и журналистом Фридой Абрамовной Вигдоровой. Трудно сказать, что в ее записи поражает больше: ощущение совершающегося произвола или спокойное достоинство поэта, сквозящее в каждой реплике, в каждой интонации.

Итак, 13 марта 1964 года в Ленинграде состоялся суд, который обвинил в «тунеядстве», то есть в «уклонении от общественно-полезной деятельности» молодого поэта и приговорил его к «5 годам административной ссылки с привлечением к общественно-полезному труду».

На беспримерный этот фарс с удовлетворением откликнулась ленинградская молодежная газета «Смена», поместившая заметку под названием «Тунеядству поддается должное». Досталось в этой заметке и людям, которые осмелились выступить в суде в защиту Бродского — ленинградским профессорам В.Адмони и Е.Эткинду, а также поэтессе Н.Грудунинной. Самого же Бродского газета назвала «проводником пошлости и безыдейности».

Из пяти лет, положенных по приговору суда, Бродский отбыл в ссылке лишь полтора года. Неугоминая Ф.А.Вигдорова, в то время уже неизлечимо больная, сумела добиться разрешения на возвращение Бродского. Ей удалось уговорить поднять свой голос в защиту поэта крупнейшей деятель культуры Д.Д.Шостаковича, А.Т.Твардовского и других. Еще прежде в число защитников Бродского стали К.И.Чуковский и С.Я.Маршак.

В сентябре 1965 года Бродский вернулся в родной Ленинград. Приехав в Москву к друзьям, он уже не застал в живых Фриду Вигдорову, своего доброго гения. Ее фотография лежала под стеклом на его рабочем столе, который родители поэта сохраняли и после отъезда Бродского из России в том виде, который он имел до отъезда хозяина.

Дело будущих исследователей творчества Бродского показать, как эволюционировал поэт в течение полуторагодовой ссылки. После его возвращения в двух ленинградских

литературных альманахах были напечатаны четыре оригинальных стихотворения Бродского, созданные в 1962-65 годах и позднее вошедшие в замечательную книгу «Остановка в пустыне», изданную в 1970-м году в Нью-Йорке. В нескольких сборниках появились его переводы с польского, сербско-хорватского, английского языков, которыми поэт овладел самостоятельно.

Вот и все, с чем официально мог познакомиться советский читатель. Да, вот еще любопытнейшая вещь — приложение к студенческой газете Тартуского университета под названием «Русская страница» от 26 декабря 1969 года. На этом уже ветхом газетном листе напечатано среди прочего два стихотворения. Одно из них — первая публикация стихотворения Бориса Пастернака «Ремесло», осуществленная Г.Суперфином, а второе — гениальный «Подсвечник» Иосифа Бродского. Из редакционного объяснения следует, что в 1968 году поэт выступил в литературном кружке университета, а также то, что «его стихи пользуются большой популярностью среди знающих поэзию».

Добавить можно, что знающих поэзию и ценящих стихи Бродского становилось все больше. Сколько было выступлений, подобных тартускому, сколько их не состоялось? Вот одно из несостоявшихся выступлений: директор одного из московских музеев, сотрудники которого пригласили Бродского прочитать стихи, запер музей на ключ и не пустил поэта. Он заботился о безопасности музея, а не о своей личной.

У поэта были планы, были даже договоры с издательствами, но планам и договорам этим не суждено было осуществиться. Больше на родине не было напечатано ни одной поэтической строчки Иосифа Бродского. А ведь в это время создавались потрясающие «Остановка в пустыне» и «Два часа в резервуаре». Писались гениальные «антисные» стихи — «Письмо Телемаку», «Эней и Дидона», «Anno Domini» и другие шедевры русской лирики. И все это расходилось «среди знающих поэзию», в рукописных и машинописных копиях. Это была эпоха классического Самиздата, и кто сейчас упрекнет любителей за те невольные ошибки, которые они делали в текстах, перепечатывая их и читая наизусть?

Нельзя путь выдающегося поэта примерять к жизни рядового человека. То, что для первого естественно и закономерно, для второго может выглядеть нелепым и абсурдным. Фатальные силы делали свое дело — 4 июня 1972 года Иосиф Бродский вынужден был покинуть родину (не знаю, каким уж по счету он стал русским поэтом-эмигрантом). Он покидал страну против собственной воли.

Оказавшись на Западе, он сказал в интервью «Русской мысли», что не видит разницы в жизни поэта на родине или за границей. А в стихотворном «Письме другу» он признавался:

Прощай! Чреват бедой
простор со всех сторон.
Троянский мир худой
снимает с гнезд ворон,
скреплен одной водой,
нас разделившей, он.
Но и в глухой тоске
не слить в Гудзон Неву.
Границы на замке
во сне и наяву.
Что ж, в русском языке
назначим randevu.

(Печатается впервые без ведома автора.)

В России же продолжали собирать стихи Иосифа Бродского, твердо веря, что им, говоря словами Цветаевой, «как драгоценным вином, настанет свой черед» на родине поэта.

Слава международным культурным контактам. В 1977 году, в сентябре, на международной московской книжной ярмарке, которая тогда организовывалась впервые, в американском павильоне были в экспозиции стихи Бродского. В это тогда не верилось, это казалось фантастичным.

И вот (пробравшись сквозь густую толпу и бросив портфель с книгами прямо у входа в павильон: очередь в камеру хранения была километровой) нахожу экспозицию издательства «Ардис». Здесь сокровища: библиография Булгакова, неизданный Зоценко, Саша Соколов. И две скромные книжки в серо-синих обложках: «Конец прекрасной эпохи» и «Часть речи», выпущенные в 1977 году. Надо быстро-быстро переписать оглавление, посмотреть даты создания некоторых стихотворений, уточнить некоторые сомнительные места в копиях. Но уже торопят. Своей очереди ждут еще десятки и сотни таких же жаждущих.

Эта была уже другая поэзия, суровая, не оставляющая иллюзий, но по-прежнему могучая и завораживающая.

В России тем временем появилось новое поколение поэтов. Одним из крупнейших из них является, вероятно, Ольга Седакова. И однажды, говоря о поэтах своего поколения, она заметила, что Бродский, пусть незримо, но присутствует в их поэзии, что они многим ему обязаны. А в одной из своих статей она писала, что он единственный, кто говорит от своего поколения как власть имущий: «Я считаю, что власть он имеет над нашими душами, как крупнейший поэт XX века»...

ЭДУАРД БЕЗНОСОВ

Москва

Иосиф Бродский

Из книги «Урания»

Я был только тем, чего ты касалась ладонью,
над чем в глухую, воронью
ночь склоняла чело.

рта вложила мне голос,
окликавший тебя.

Я был лишь тем, что ты там, внизу, различала:
смутный облик сначала,
много позже — черты.

Я был попросту слеп.
Ты, возникая, прячась,
даровала мне зречность.
Так оставляют след.

Это ты, горяча, ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча.

Так творятся миры.
Так, сотворив, их часто
оставляют вращаться,
расточая дары.

Это ты, тербя штору,
в сырую полость

Так, бросаем то в жар,
то в холод, то в свет, то в темень,
в мирозданьи потерян,
кружит шар.

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кличку гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помявших вопли гуна,
надевал на себя что сызнова входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной только гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненный зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнания, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

24 мая 1980

В ИТАЛИИ

Роберто и Флер Калассо

И я когда-то жил в городе, где на домах росли статуи, где по улицам с криком «растли! растли!» бегал местный философ, трясая бородкой, и бесконечная набережная делала жизнь короткой.

Теперь там садится солнце, кариятид слепя.
Но тех, кто любили меня больше самих себя,
больше нету в живых. Утратив контакт с объектом преследования, собаки принохиваются к объедкам,

и в этом их сходство с памятью, с жизнью вещей. Закат; голоса в отдалении, выкрики типа «гад! уйди!» на чужом наречьи. Но нет ничего понятней. И лучшая в мире лагуна с золотой голубятней

сильно сверкает, зрачок слезя.
Человек, дожив до того момента, когда нельзя его больше любить, брезгуя плыть противу бешеного течения, прячется в перспективу.

1985

Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга, нет! как платформа с вывеской Вырица или Тарту. Но надвигаются лица, не знающие друг друга, местности, нанесенные точно вчера на карту, и заполняют вакуум. Видимо, никому из нас не сделатья памятником. Видимо, в наших венах недостаточно известны. «В нашей семье — волнуясь, ты бы вставила — не было ни военных, ни великих мыслителей». Правильно: невидимым струям отражены еще одной вещи невыносимо. Где там матери и ее кастрюлям уцелеть в перспективе, удлиняемой жизнью сына! То-то же снег, этот мрамор для бедных, за неимением тела тает, ссылаясь на неспособность клеток — то есть, извилин! — вспомнить, как ты хотела, пудря шеку, выглядеть напоследок. Остается, затылок от взгляда прикрыв руками, бормотать на ходу «умерла, умерла», откуда города рвут сырую сетчатку из грубой ткани, дребезжа, как сдаваемая посуда.

(Рецензию на книгу И.Бродского «Урания» см. на стр.10)

ПОЗДРАВЛЯЕМ □ ПОЗДРАВЛЯЕМ □ ПОЗДРАВЛЯЕМ □ ПОЗДРАВЛЯЕМ

Иосифу Бродскому

Дал же тебе Бог быть потрясенным русским поэтом! А сегодня — Нобелевским лауреатом!

И мне, твоему давнишнему (больше четверти века) восхищенному читателю и другу, остается только воскликнуть: счастливый же я человек!

ОЛЕГ ЦЕЛКОВ

Париж, 31 октября 1987

Моя первая реакция была: «Ура, мы лопим, гнуты шведы!» Приятно было, что бывший ленинградский битник отхватил Нобеля. Приятно было увидеться с ним в тот же день и услышать: «Это гигантский прыжок для меня, но маленький шаг для человечества». В общем, я словил кайф примерно того же рода, что от расказа Иосифа Бродского о том, как он гостил у королевы. Надеюсь, что мои чувства по случаю присуждения Бродскому этой премии разделяют его непосредственные учителя в поэзии — Евгений Рейн, Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман. Это и их награда.

ЕФИМ СЛАВИНСКИЙ

Лондон, 27 октября 1987

Советский Союз держит абсолютный рекорд по непризнанию своих нобелевских лауреатов по литературе. Из пяти писателей, удостоенных этой премии, четверо не только не получили официальных поздравлений на родине, но, напротив, всячески обмывались там идеологическим дегтем.

Первый и пятый лауреат находились в эмиграции в момент получения премии, четвертый был выслан из страны будучи уже нобелевским лауреатом, от второго потребовали добровольного (!) отказа от премии под угрозой изгнания за рубеж, попутно, с правительственной трибуны, обозвав свиньей, которая гадит там, где ест.

Случайно ли, что из пятых лауреатов трое эмигранты (и еще один назван властью «эмигрантом внутренним»)? Кто-то придумал в свое время удачное выражение «утечка мозгов». Так характеризовалась вынужденная, в поисках лучшего себе применения, эмиграция в другие страны ученых, людей технических профессий. Для СССР это понятие надо бы расширить так: утечка талантов. Бежали и изгонялись оттуда не только ученые, но и поэты, писатели, балетные артисты, актеры, режиссеры, художники, музыканты (это была «утечка» талантливых рук, ног, глаз, ушей, умов). Какое другое государство могло бы себе позволить такое?

Мы всякий талант удушим в зародыше: «А где вы учились на поэта?»

ИГОРЬ ШЕЛКОВСКИЙ

Париж, 30 октября 1987

К Урании

О новой книге стихов Иосифа Бродского

Каждый, решивший написать о поэзии Бродского, не мог не ошутить на себе незаурядной центробежной мощи оригинала. В этом аспекте его новая книга «Урания», на мой взгляд, обгоняет все предыдущие, — возможно, в какой-то мере из-за того, что собранные в ней стихи датируются периодом более десятилетия. Под обложкой этой книги стихи, уже видевшие свет в журнальных и книжных публикациях, объединены с новыми. Книга состоит из трех разделов — «Осенний крик ястреба», «К Урании», «Жизнь в рассеянном свете», — приближенный принцип разнесения на которые прочитывается — тоньше, прослушивается — из каждого заглавия по имеющимся в них стихотворениям.

В первом больше свободно перебирающей разные предметы — конкретные и общие — ровной созерцательности. Автор представляет мир самому себе. Таковы «Посвящается стулу», «Развивая Платона», «Bagatelle» и др. Отпущенная к себе объективность отливается в облик ястреба, и тогда он кричит. Из согнутого, как крюк, клюва, похожий на визг зрительный, вырывается и летит вовне механический, нестерпимый звук, звук стали, впившейся в алюминий; механический, ибо не предназначенный ни для чьих ушей... («Осенний крик ястреба», кавычки открываются с «и тогда»). Во втором разделе книги рассматриваются, в основном, история, время, возраст. Встречается приятельский разговор с римским бюстом («Бюст Тиберия»); взгляд автора пытается пробраться через демографические завалы настоящего — в будущее («Сидя в тени»); сезоны становятся темой реставрированного древнего жанра (эклоги); Рим позволяет, как будто, без дела шататься среди сгрудившегося времени и шивать наблюдением его начальную и современную пору («Римские элегии»). В третьем разделе книги — частная жизнь. А именно, та часть жизни, которая еще не вполне перешла в часть речи.

Сборником «Урания» Иосиф Бродский делает еще один заметный и свободный шаг по пути, принадлежавшему к наиболее интересным явлениям современной литературы. Разумеется (учтем, что определенная классицистичность есть инварианта его письма), он продолжает моментально узнаваться в каждый своей строчке. Аналитические, дискурсивные витки вокруг в неподвижности взятых предметов конкретной реальности, от которых ответвляются побеги, разрабатывающиеся его темы, продолжают оставаться опорной пружиной в построении многих его стихотворений. Уничтожительность времени, абсолютное одиночество, узвимость, ограниченность, тщетность человеческого, разобщенная пространством любовь и другие мотивы, известные по предыдущим книгам, содержатся и в этой. Человеческое и его отсутствие переливаются друг в друга или «продолжаются», говоря языком оригинала, по принципу подобия, обнаруживая за миром черту необходимости с неизведанной до Бродского степенью очевидности.

Общее смещение поэтики произошло в сторону оглушения и ослабления ведущего интонационного голоса. Резвящаяся в пресловутом сложного формализма виртуозность и напряженные, не чуждые широкочувствительности интонации — практически исчезают. Поэтика Бродского перестает заботиться о собственной внешности. Возрастает непосредственность, как в самом акте высказывания, так и в трактовке предмета речи. Небрежность становится почти устойчивой, фигурирующей на заднем плане приметой стиля — походка на свидетельстве состояния крайнего утомления, которое начинает занимать одно из главных мест среди тем книги. Бродский, последовательно развивая метафору трения человека о время, вступает в новую область, в которой человеческое истончается до неотличности. В силу входят такие отношения человека со временем, когда интервалы последнего прожигаются без различия между собой, что ведет к безразличию. Поэзия Бродского становится более частной, камерной; он перестает обращаться к тому, к чему мог бы обратиться в принципе кто-нибудь еще.

Достаточно присущий ему прежде эпизм, как приобщенность к коллективной судьбе, расценивается как иллюзия, поскольку оказывается, что второй такой судьбы нет. Уточняясь, непосредственность приводит к возрастанию глубины. Контакт с фундаментом существования осуществляется им как самоотжествление с объектом, который он разглядывает или к которому он обращается с речью («Литовский ноктюрн», «Муха»). Интересно, что смерть, прежде побуждавшая автора стихотворно исследовать разведывающую мету по фактам, ставя картину жизни («в перспективу небытия» (его выражение), лишается этой функции. Им, по видимому, перестает связываться граница небытия с клинической смертью. Есть вещи, на которые последняя не влияет. Например, на близкородственную чуждость человека всему остальному — «Сильная боль, на этом убит, на том продолжается свет» («Квинтет»).

Местами читать эту книгу совсем нелегко, как, полагаю, нелегко было ее писать. Читателя ведут тернистой тропой на ходу преодолеваемых фрустраций. Сопереживание вкладывается не в так называемого «лирического героя», а в самую словесную, интонационно-мелодическую плоть стихотворения. Семантика сюжетной линии совпадает с графологической черка: чувство, с которым рука автора движется по бумаге, есть наиболее полное содержание стихотворения. Некогда волевым шагом связавший «быть» и «писать», Бродский углубляется в мотивацию творческого акта дальше, чем кто-либо из его предшественников по языку. Поэзия перестает пониматься как жрецкая повинность, что обыкновенно аксиоматически зарубается на носу каждого русского школьника, она становится просто повинностью жизни. «Не умирай! сопротивляйся, ползай! Существовать не интересно с пользой. Тем паче для себя: казенной. Честней без оной...» («Муха»).

Иосиф Бродский, качество поэзии которого уже достаточно долго определяет, на мой взгляд, качество современной литературы на русском языке, продолжает свое развитие. От одной из линий этого развития становится страшно: он начинает разговаривать беззвучно — «Это — чтоб ты не заметил, когда я умолкну, как Красная Шапочка не сказала волку».

МИХАИЛ БАРАШ

Хельсинки — Париж,
сентябрь 1987

Нынешним летом вышла в свет 1-я книга двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира». Это второе издание фундаментального справочника, беспрецедентного в отечественной истории по широте охвата мифотворчества всего человечества и по высокому научному уровню лакокнижных справок, подготовленных лучшими специалистами в целом ряде соответствующих дисциплин. Первое издание энциклопедии было осуществлено несколько лет тому назад (т. 1 — 1980, т. 2 — 1982).

Главным редактором двухтомника по-прежнему является С.А.Токарев. В редколлегию входят столь известные ученые, как И.С.Брагинский, И.М.Дьяконов, В.В.Иванов, А.Ф.Лосев, Е.А.Мелетинский, Д.А.Ольдерогге, Б.Л.Риштин и др.; среди ведущих редакторов — И.Д.Амусин, В.Н.Топоров, С.Ю.Неклюдов; в числе авторов — такие авторитеты, как С.С.Аверинцев, М.Н.Ботвинник, Ю.М.Лотман, Л.Э.Мяльс, А.А.Тахо-Годи. Уже одни имена участников издания обеспечивают внимание и доверие к этому незаурядному справочнику.

И в самом деле — не кажется преувеличением ничуть не устаревшие слова рецензента, назвавшего усилия авторов книги «титаническим трудом»: «Энциклопедия по своей проблематике поистине безгранична. Это океан знаний. Его неумолчный шум говорит о человеческом предзнаменении» (Вик. Ерофеев, «Литературное обозрение», 1983, № 1).

Новое издание энциклопедии перепечатывается с первого без изменений. Впрочем, при скрупулезном сохранении прежнего макета текст книги полностью набран заново: «латинская» гарнитура заменена «школьной» (печаталась нынешняя новин-

«Мифы народов мира». Энциклопедия в двух томах. Второе издание. Том 1: А-К. Москва, «Советская энциклопедия», 1987.

Из всех книг С.М.Рафальского, вышедших после его кончины (стихи «За чертой», воспоминания «Что было и чего не было» и рассказы «Николин бор»), сборник статей «Их памяти...», посвященный русской интеллигенции (в лице ее лучших представителей), полностью ликвидированной большевиками и в большинстве случаев несправедливо забытой и столь же несправедливо осужденной, — безусловно, самая значительная и самая нужная. Некоторые содержащиеся в книге статьи по справедливости можно сравнить с блестящей статьёй Г.Федотова «Трагедия интеллигенции» в сборнике «Новый град», хотя она и была написана с совершенно иной точки зрения.

Но «сорок лет спустя мы спорим, кто виноват и почему», в свое время заметил Георгий Иванов; а теперь уже семьдесят! И «кто только не бросал своего камешка и даже целых булыжников в ничем не защищенный огород русской интеллигенции», — констатирует Рафальский. Это до отчаяния так. Помню, как в Константинополе, в первые годы эмиграции, мой отец и его собеседники громили эту интеллигенцию. По молодости лет я не вникал в их дискуссии и не запомнил, к кому же они причисляли самих себя?

Как определить русскую интеллигенцию

Это не интеллектуалы, вроде Сартра и Камю, не философы, как Вл.Соловьев, не поэты, как Мандельштам. По Федотову, они образовывали настоящий «орден». Думаю, что точнее всего назвать интеллигентами много людей, занимающихся умственным трудом, заботящихся о благе человечества. Российская интеллигенция — специфическое порождение нашей истории, никак не «класс» в марксистском понимании и не элита в понимании классическом.

Главное обвинение, выдвигаемое против интеллигенции, то, что именно она повинна в революции, в свержении монархии и в неспособности удержать власть, что позволило захватить ее Ленину и Троцкому. Но кто хоть мало-мальски знаком с событиями трагических лет 1917 и 1918 (хотя бы по книгам С.Мельгунова и П.Милокова, с документами и свидетельскими показаниями, собранными Александром Блоком, с воспоминаниями Вел. кн. Александра Михайловича), отлично знают об ответственности и царской семье, последнего дореволюционного правительства и даже высших чинов армии.

И здесь Рафальский критикует «Записки Соловьева» Д.Панина, писавшего: «Интеллигенция обладала следующими свойствами, качествами, признаками... поверхностной образованностью недоучек. Как правило, отсутствием профессий полезных и нужных для жизни страны... и вследствие этого — оторванностью от народа; компенсацию за свою жизненную никчемность

Сергей Рафальский. «Их памяти...». Париж, «Альбатрос», 1987.

«Мифы», гласность и бывший экз

ка уже не в Калинин, а в Финляндии). Бумага улучшилась, тираж возрос (со 100 тысяч до 150 тысяч экземпляров), и цена подскочила в свою очередь (с 12 руб. 40 коп. до 19 руб.). «Международная книга» подняла ставки в неслыханной пропорции — в Париже, например, 1-й том продавался шесть лет тому назад за 130 фр., а теперь — за 360 фр. Любопытно, ощутили ли этот рост на своих гонимых авторах сами издатели, авторы энциклопедии, или нет?

Кстати, об авторах. Вышеприведенное утверждение, что 2-е издание не содержит изменений, не совсем точно. Разумеется, исправлен ряд опечаток и ошибок — не менее двенадцати. Но есть «исправления» и другого рода. В новом издании из набора тщательно удалены подписи под некоторыми статьями — а именно под теми, автором которых является М.Б.Мейлах (в 1-м томе его статьи пять: «Воздух», «Иезекииля видения», «Иона», «Иудаистическая мифология», «Каннибализм»). Любой читатель может, увы, легко в этом убедиться, сравнив два издания: на страницах 482, 555, 591 и 621 имя автора исчезло; заодно на стр. 591 исчезла и подпись соавтора — С.С.Аверинцева, — перенесенная на предыдущую страницу и с трудом втиснутая между абзацами. «Высказывающиеся» запоминали лишь про первую статью: на стр. 241 справка об одной из фундаментальных стихий мироздания (к тому же — обитательстве множества духов) не осталась беспризорной — под ней, как и в первом издании, имя автора стоит.

С цензурным разбоем вообще, тем более с разбоем в энциклопедических справочниках — свыкнуться невозможно. Разумеется, мы не забываем, что «26.01.87» (дата подписания в печать второго издания 1-го тома) политзаключенный Михаил Борисович Мейлах еще не был досроч-

«Их памяти...»

Сборник статей С.М.Рафальского

бойкими перьями, здоровыми глотками, способными к любым обманам и грязной клевете на прекрасных людей, ответственно выполнявших свое нелегкое служение обществу; паразитическим образом жизни. Она обвиняла в этом ответственную жизнетворческую часть населения, хотя сама жила за счет народа, организуя экспроприации, вымогательства, пожертвования... была носительницей абсолютного аморализма...»

Рафальский отвечает: «Вот еще образец того мышления кверху ногами, которым нас балуют в последнее время некоторые советские эмигранты: одну всю бескомпромиссную грубость комментаторы делают результатом того, что партия захватывала в свои руки все — и в первую очередь экономику, тогда как на самом деле было наоборот: бескомпромиссная диктатура благодаря своей тоталитарности прибрала к рукам всё: и хозяйство, и науку, и культуру, и т.д.»

Принципиальный враг всякой революции, знающий, сколько крови она стоит народу, Рафальский считает, что русская интеллигенция объективно не является единственной виновницей революции.

Повинна в революции, по мнению Рафальского, отчасти и Церковь, которая (так же, как и власть) «ждала сдачи, а не диалога». Подозрительно относилась она и к «Религиозно-философскому обществу» и «никогда не хотела вступать с ним в диалог».

В своем огромном большинстве русская интеллигенция состояла из безукоризненно честных и чистых людей, не мирившихся с изолированным миром, в котором им приходилось жить, но все же веривших в «светлое будущее». Рафальский цитирует Чехова: «Лодку бросает назад, делает она два шага вперед и один назад, но гребцы упрямы, машут неутомимо веслами, не боясь высоких волн... Так и в жизни. В поисках правды люди делают два шага вперед и один назад... И кто знает, может, доплывут до настоящей правды» («Дуэль»). Может быть... Одни считают, что не будь попытки восстания Корнилова, большевикам не удалось бы захватить власть. Если бы да кабы! Другие во всем винят Распутина, хотя «старец» писал ведь царю: «Не начиная войны, погибнешь сам, семья и Россия». Действительно, не вяжись Россия в войну, все последние 73 года пошли бы другим путем.

Рафальский считает, что «при минимальной добросовестности» следует признать: за последние два столетия «история движется по рельсам левых», но Ленин, решив прыгнуть «из царства необходимости в царство свободы», принудил Россию «прыгнуть из относительной свободы в царство абсолютного принуждения», что привело к «самому реакционному из всех консервативных общественных устройств».

Рафальский довольно часто сравнивает СССР с дореволюционной Россией и почти всегда сравнение благоприятно для последней. Так, найдя никому не известную брошюру, вышедшую в 1906 году в издательстве «Труд и Борьба», он с удивлением обнаруживает в ней статью Ю. Делевского (которого я немного знал, встречая его у В. Крымова, и который достоин серьезной статьи, ибо был выдающимся ученым в области математики и физики) «Диалектика и материализм», и другую — В.Вадимова: «Исторический материализм в его логическом аргументации», и остальные в том же духе, открыто напечатанные «при царском строе». Рафальский высказывает сожаление, чтобы те, кто, не жалея чернил и времени, поносят царскую Россию, изредка обращали бы внимание на подобные вещи.

Наряду со своей основной темой Рафальский не забывает и другую — до чего коммунизм довел русского человека и Россию. Так, оказывается, что «освободители» занимались «бесплатным варварством» не только на вражеской территории, но и на своей. Автор вспоминает в этой связи о «Прусских ножах» Солженицына; по его мнению, поэма не имела заслуженного успеха потому, что варварство описано в ней с ужасающей правдивостью, которой объективные нервы не могли выдержать. От одного свидетеля автору удалось узнать, как встречали «освободителей» в Праге, несмотря на то, что Сталин не вступился за Чехию после Мюнхена: изысканно и с благодарностью, в их честь устраивались торжественные обеды с «дамами в вечерних туалетах и мужчинами в смокингах»; а кончались эти приемы так: «Вы не можете себе представить, в каком виде была наша столовая, когда последние пьяные скифы ушли... Залитая вином и замызганная объедками скатерть, разбитый хрусталь, блевотина... на лица чехов я от стыда боялся смотреть...»

К сожалению, «Их памяти» — не только «их» памяти. Сборник включает статьи и об эмигрантской интеллигенции в более общем объеме, статью «Болезнь века», появившуюся в 1977 году в парижском «Континенте» и вызвавшую поток резких писем в редакцию журнала, и в заключение изложение позиции автора — «Класс Творческой Мысли».

Христианство и его толкования

Я сказал «к сожалению», потому что все статьи оригинальны и остры, и заслуживают каждой серьезного разбора; к сожалению, в рамки газетной рецензии этого не вместить. Поэтому коснусь лишь последней статьи, выражающей «идеологию» автора.

Для меня эта оригинальная статья малоубедительна. Главным образом потому, что Рафальский считает, что христианство, «как общественный феномен... не удастся... и вообще идет на убыль». Для меня убедительней позиция Р.Штейнера, утверждавшего, что «христианство лишь в своем зачатке и, раскрываясь, будет сопровождать человечество до конца его земной истории». Конечно, Рафальский хоронит окончательно и бесповоротно марксизм во всех его видах и вариациях. Он приходит к следующим заключениям:

«После Ветхого Завета Отца и закончивающего в наши дни свое историческое служение Евангелия Сына, только Откровение Духа («Третий Завет» Мережковского?) — если оно произойдет — способно будет сочетать в органическом единстве религию, науку и искусство, вернуть возбунтовавшуюся в эгоизме индивидуальность в Соборное Общество и дать каждому оправдание его бытия и всему Человечеству — смысл его истории; в частности, сделать Класс Творческой Мысли ее арбитром, а не тираном».

Рафальский был большим поклонником современной науки и техники, позволивших, в частности, человеку выйти в космос. Я очень сожалею, что не заметил ему (тогда еще не додумавшись), что современная наука и техника развились лишь в западных странах, то есть тех, которые в свое время приняли христианство, окончательно расколовшее человеческую мысль.

Ше могу не упомянуть об умелом и деловом послесловии проф. Р.Герра, умудрившегося на четырех страницах убедительно охарактеризовать «глубоко субъективные» статьи Рафальского, часто печатавшиеся «в дискуссионном порядке», его «подлинный гуманизм», сочетав все это с изложением его «нелегкого и сложного» жизненного пути, начиная с Киевского университета, с окончанием университетского образования уже в Праге, его краткого увлечения нэпком, переезда в Польшу, где он прожил два года, а затем приехал с женой в 1929 году в Париж, где жил и скончался в конце 1981 года в возрасте почти 86 лет. «Он шел предназначенной ему личной, тяжелой, самостоятельной дорогой. Его творчество — его лицо, ... его собственный мир мысли и чувств, его философия жизни...»

СЕРГЕЙ ДЕДУЛИН

КИРИЛЛ ПОМЕРАНЦЕВ

МИР ИСКУССТВА

«Русская мысль»

Искусство Фрагонара в Большом Дворце

Представляя прошлой осенью читателям «Русской мысли» (7.11.86) выставку произведений Франсуа Буше на Елисейских Полях, я отмечал, что она являлась как бы историческим продолжением бытовавшей там же, год перед тем, ретроспективы, посвященной творчеству Антуана Ватто и что за нею последует дань корифею третьего и последнего поколения живописцев французского «галантного века»: Жану-

Отметим с удовлетворением присутствии на выставке четырех картин из фондов петербургского Эрмитажа: «Бедное семейство» (переданное московскому Музею им.Пушкина), «Выгнанный поцелуй», «Дети фермера» и «Поцелуй украдкой».

Главным учителем Фрагонара, родившегося в южном городке Грассе в семье ремесленников, был Буше, о чем достаточно хорошо свидетельствуют

сердце нож, принося самого себя в жертву богам, дабы избежать этой участи обреченная на заклятие молодая Каллироя. Картина встретила восторженное одобрение академиков, открыла ему путь к вступлению в их ряды после представления дипломной работы, была приобретена для королевской коллекции и дала ему право на квартиру в Лувре и официальные заказы.

Однако свойственный характеру художника эпикуреизм склонил его ступить на иной, отнюдь не выпященный, творческий путь. Поощрением к этому явился успех заказанной ему в 1767 году одним бонвиваном картины (к сожалению, не покинувшей для выставки коллекции Уоллес) на фривольную, чтобы не сказать сильнее, тему «счастливых случаев, предоставляемых качением набросанных в угоду легкомысленной клиентуре сценки галантного, а подчас и откровенно эротического пошиба. Их испускает живость исполнения, легкость и широта моделирующей формы эскизного мазка. Также недаром принято считать со времен Теофила Готье, что луврские «Купальщицы» Фрагонара ведут свой род прямо от нереид, развещающихся у корабля Марии Медичи на одном из полотен Рубенса, украшавших прежде их водворения в главном музее Франции галерею Люксембургского дворца, куда художнику удалось получить доступ в 1767 году.

В искусстве Фрагонара отразилась также и живопись великана голландского XVII века Рембрандта, как о том свидетельствует исполненная им в молодости копия со «Святого семейства», перешедшего в 1772 году вместе с парижской коллекцией Кроза в Эрмитаж Екатерины II, а главное — плавное нюансированная светотень и золотистокоричневая доминанта, характеризующие бытовые картинки как упомянутые выше «Дети фермера». Также можно говорить и о влиянии обоих Рейсдалей в отношении некоторых пейзажей Фрагонара.

Особое, можно сказать, почетное место в творчестве художника принадлежит трудно определимому жанру так называемых «фантастических портретов», которых на выставке собралось около пятнадцати в отведенном для них круглом зале. Это мужские и женские полуфигуры в условно «исторических» костюмах с фрезowymi или сточными кружевными воротничками XVII века, энергично и спешно набросанные широкими и яркими мазками, с живо повернутыми на три четверти залитыми светом и одухотворенными лицами. Среди них узнают, с большей или меньшей вероятностью, философа Дидро, географа Лапласа, художника Нежона, балерину Гимар и других знакомых Фрагонара.

Ж.-О.Фрагонар. Сады виллы Эсте в Тиволи. 1760. Сангина. Безансон, Музей изящных искусств.

К великому сожалению осведомленных посетителей, на выставке представлен только рисунками, эскизами и проекциями на экране блистательный ансамбль четырех декоративных панно, украшавших виллу художника в Грассе, ставший, как уже было сказано, «недвижимым» имуществом коллекции Фрик в Нью-Йорке. Художник создал его в 1771-73 годах для украшения «Нового павильона» при замке графини Дюбарри в Лувесьяне, изобразив для нее четыре эпизода любовного романа на фоне английского парка. Но последняя фаворитка Людовика XV, должно быть, следуя нарождающемуся новому вкусу, передала заказ вошедшему в моду родоначальнику неоклассической живописи Вьену, более угодившему ей сценами из якобы древнегреческой жизни.

Известное утешение после этой неудачи, показавшей художнику, что времени жизнерадостной живописи барокко приходил конец, принесло ему, наверно, второе путешествие по Италии, которое ему довелось совершить вместе с женой в качестве чичероне и рисовальщика богатого любителя искусства Бержера. От этого странствия осталось много видов городов и их окрестностей, и следует считать, что оно поспособствовало обновлению искусства Фрагонара-пейзажиста и созданию таких шедевров, как т.н. «Праздник в Сен-Клу» из Банка Франции и соседствующий с ним на выставке большие панно, относившиеся, по-видимому, к тому же ансамблю: «Качели» и «Игра в жмурки» из Национальной галереи Вашингтона.

Новые черты в произведениях Фрагонара внесли его совместные работы с Маргаритой Жерар, младшей сестрой его жены, присоединившейся к их семье в 1775 году и ставшей его помощницей. К этой категории идущих под его именем картин принадлежит «Задвижка», недавнее приобретение Лувра, и особенно «Поцелуй украдкой», перекочевавший в свое время в Эрмитаж из Лазенок Станислава Августа Понятовского. Здесь следует отнести на счет свояченицы художника никак ему не свойственную трактовку шелковых материй не сочным и широким, а слитным и тщательным мазком, роднящим ее (как и их современника Буалли) с голландцами XVII века из круга Терборха и Метсо. Интересно заметить, что в тот же последний период своего творчества Фрагонар обратился к аллегорическим сюжетам, трактуя их в прямо противоположной, ранее у него не виданной манере. Таковы «Родник любви», «Обет любви» и «Жертвоприношение розе», исполненные в тающем, почти корреджевском «сфумато», роднящем его с творениями Приудона.

Выставка продлится до 4 января 1988 года.

БОРИС ЛОССКИЙ

Ж.-О.Фрагонар. Портрет художника Ж.А.Нежона(?). Ок. 1770. Париж, Лувр.

Оноре Фрагонару (1732-1806). Как и обе предыдущие, эта выставка осуществлялась благодаря совместной инициативе музейных администраций Франции и США, а также благоволению многих коллекционеров Старого и Нового света и будет позже показана посетителям нью-йоркского музея Метрополитен. Можно только пожалеть, что в силу запретов дарителей, тяготеющих над коллекциями Уоллес в Лондоне и Фрик в Нью-Йорке, такие знаменитые шедевры художника, как «Качели» и украшавшие его виллу в Грассе декоративные панно присутствуют в Большом Дворце только в виде фотографий или сменяющихся на экране проекций. Также и от этой выставки останется на пользу искусствоведам роскошно изданный, увесистый каталог (на сей раз доходящий до рекордного объема в 636 страниц), которому менее притязательный посетитель предпочтет очередную номер «маленькой газеты больших выставок».

его юношеские произведения, предшествующие картине «Жертвоприношение Иероваама», за которую в 1752 году парижская Академия присудила ему Римскую премию, давшую ему возможность завершить свое художественное образование в Италии, где он провёл пять лет, с 1756 по 1761 год, копируя там произведения мастеров Ренессанса и барокко. Там же, вместе со своим товарищем Гюбером Робером, он запечатлел в великолепной серии рисунков величественно-живописные виды садов виллы Эсте и каскадов Тиволи.

По возвращении в Париж Фрагонар собирался, как этого и надо было ожидать, пойти по «большой дороге» художественной карьеры. В 1765 году он представил на суд Академии большое полотно так называемого «исторического» содержания (стоявшего во главе тогдашней тематической иерархии), изображающее легендарного афинского жреца Кореза, вонзавшего в свое

Поэтика «случайности»

В самом центре Парижа, между старинным кварталом Марэ и островом Св.Людовика расположен небольшой комплекс зданий — так называемый «международный городок искусств». Туда поселяют художников из многих стран мира, со всех континентов.

Главное здание — многоэтажная длинная коробка. Внизу, в просторном подвальном помещении находится выставочный зал, где происходят выставки живущих в «городке» живописцев, графиков, фотографов.

29 октября там открылась групповая выставка, в которой участвуют четверо, и все родом из разных стран: художница, автор натюрмортов, из Китая, модернист чилиец, потом гречанка, тоже приверженка лапидарно-абстрактивистских форм, и, наконец, фотограф из Москвы Георгий Пинхасов (р.1952).

Г.Пинхасов проживает в Париже с конца 1985 года. Это — вторая выставка, в которой он здесь участвует (первая была в апреле 1986 года в галерее «Агата Гайяр»).

Экспозиция Г.Пинхасова состоит из нескольких, так сказать, разделов.

Вначале — как бы предваряя ее — портреты известных деятелей культуры: изображены поэты Арсений Тарковский, Александр Кушнер, театральный художник Стенберг, а также Надежда Мандельштам и Андрей Тарковский (с последним Г.Пинхасов сотрудничал в качестве фотографа при съемках «Сталкера»).

Далее — цикл «Бани», уже воспроизведенный в самом, пожалуй, престижном парижском журнале по фотографии «Зум» (№132, 1987) — этой серии там было отведено десять страниц. Она дополнена и черно-белыми фотографиями той же самой тбилисской бани. Клубящийся пар, фигуры парящихся в мильной пене, луч из верхнего окошка — таковы эти «Бани».

Другие излюбленные темы художника — жизнь города, толпы, групп людей, выделяющихся из нее случайным лучом, жизнь каких-нибудь кучкующихся персонажей. Сюжет не столь важен, важно скорее пластическое обоснование ситуации, игра света и теней, повороты голов, фигур, обрывки движений.

Сам Г.Пинхасов так рассказывает о своем творческом методе, включающем в себя элемент случайности, в журнале «Креатив камера» (декабрь 1986):

«Случайность имеет место всегда, в той или иной степени оставляя [...] шанс воспользоваться ею. А в данном примере, когда мир снимается «сам собой» и укладывается в кадр [...] роль случайности — формообразующая. Ты пользуешься случайностью, вписывая ее в свой опыт, но получается при этом, что она сама начинает составлять новый опыт».

А.К.

ФИАК — 87

С 10 по 18 октября в парижском Гран-пале проходила очередная ярмарка современного искусства ФИАК-87, собравшая, как всегда, наиболее престижные галереи из многих стран мира. «Гвоздем» этого сезона была экспозиция «Галери де Франс», выставившей работы советских художников, Т.Нариманбекова, А.Слепышева, И.Кабакова, Н.Нестеровой, Б.Кочейшвили, И.Чуйкова, С.Волкова и др. Директриса галереи Катрин Тьек, как она сама рассказывает в интервью газете «Монд», при многократных поездках в Советский Союз приобрела там 250 картин, затратив на это 4 миллиона франков, и еще 150 работ будет закуплено в этом году.

Еще несколько лет тому назад появление на выставке в Париже некоторых работ и имен было бы квалифицировано советской пропагандой как «идеологическая диверсия» — а сейчас это делается с активной помощью советских учреждений. Хотя коммерческая сторона дела тоже принимается во внимание, основной целью, как всегда, является цель политическая: доказать, что никаких неофициальных художников в СССР не было и нет в помине, это лишь «выдумки буржуазной пропаганды».

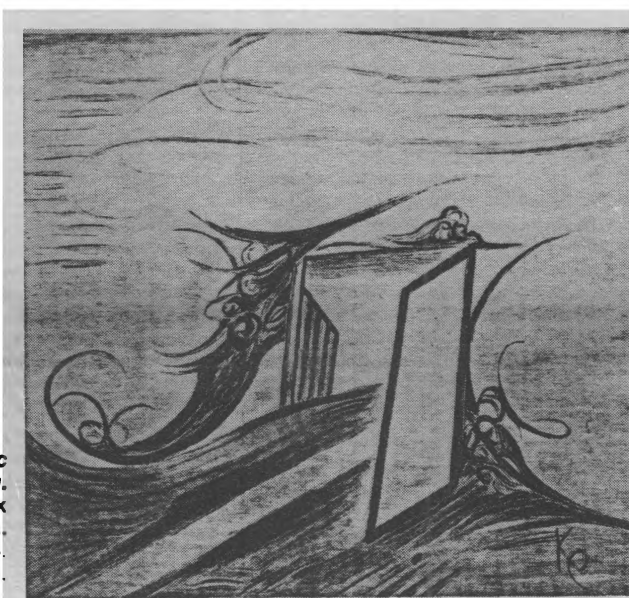
Большинство участников экспозиции — т.н. «левый МОСХ», живописцы, работающие в более свободной манере, чем другие члены Союза художников СССР, но не претендующие на эстетическую конфронтацию и

всегда лояльные властям (в этой части экспозиция повторяет линию закупок Петера Людвиг, фабриканта шоколада из Западной Германии). Но в их массу замешаны и несколько мастеров, чья творческая судьба развивалась до сих пор в русле неофициального искусства. Хотя формально они являются членами Союза художников (например, И.Кабаков — как иллюстратор детской книги), их основные работы никогда не показывались в залах этого Союза, появляясь вначале лишь на квартирных выставках, а впоследствии — на выставках курируемого КГБ Горкома графиков.

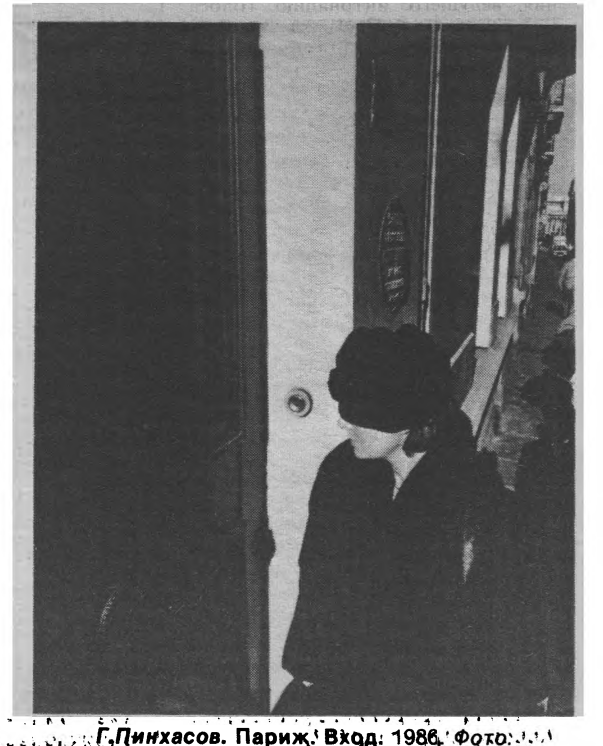
По требованию советской стороны, получающей львиную долю, цены на продаваемые произведения были

предельно завышены (Катрин Тьек говорит, что в этом смысле «Москва хуже чем Нью-Йорк») — от 200 000 до 400 000 франков, что обеспокоило других парижских галерейщиков, представляющих подобные цены лишь на картины всемирно известных художников (например, Сулажа). Тем не менее, большинство холстов было быстро раскуплено. Этому способствовала как искусно созданная реклама, так и эффект неожиданности, экзотики: картины прибыли из другого, мало знакомого мира. Как заметил один из зрителей, если в коммунистическом Китае обнаружатся абстракционисты и поп-артисты, то на западном художественном рынке их ждет не меньшее внимание.

А.С.

Борис Кочейшвили. Пейзаж для прогулки. 1983. Картон, масло.

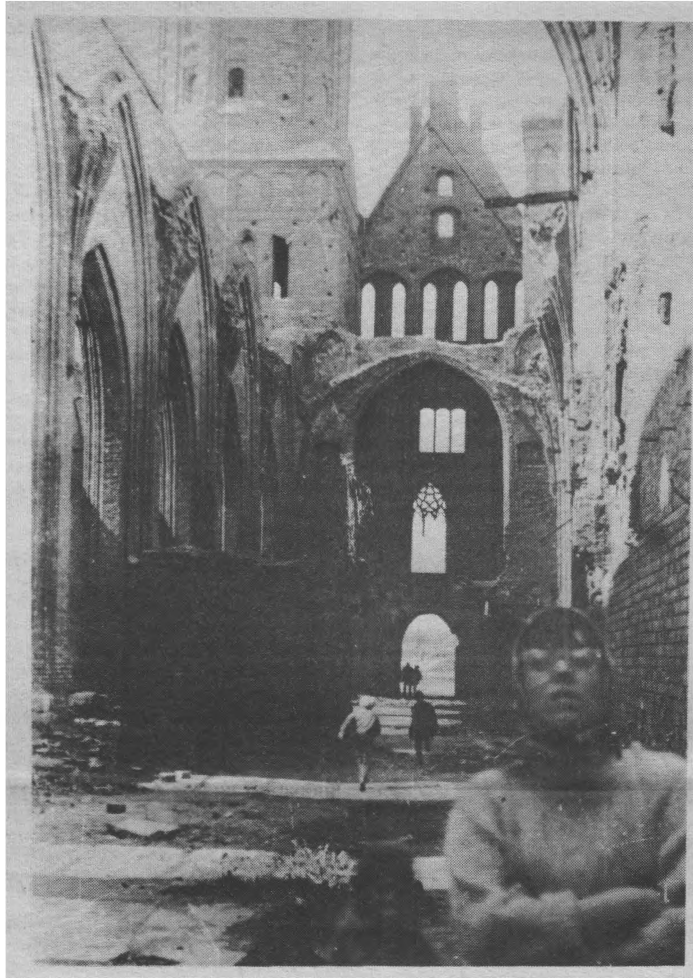

Г.Пинхасов. Париж. Вход: 1986. Фото.

ИЗ «БЮЛЛЕТЕНЯ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ»
ВЫПУСК I-II, МОСКВА, ИЮЛЬ 1987

1000-летие Крещения Руси и вера в современной России: Подвиг веры в атеистическом государстве

Сокращенный реферат доклада профессора русской истории Дмитрия Поспеловского
(университет Западного Онтарио, Лондон — Канада), прочитанного на конференции
«Тысячелетие христианства в России», созданной Лютеранской академией
(Тутцинг, ФРГ) 7-10 мая 1987 года.

Разрушенная церковь в Кенигсберге.

Еще защитник митрополита Венямина, расстрелянного в июле 1922 года, адвокат Гурович, предсказал провал обновленцев, сказав, что народ может пойти за Савлом, превратившимся в мученика-Павла, но «обратные превращения... люди, ушедшие из стана погибающих в стан ликующих, да еще готовящие узы и смерть своим недавним братьям — кто пойдет за ними из истинно верующих?»

Обновленцы без церковного народа были неинтересны советской власти. И вот с 1923 года ГПУ меняет тактику: пытается заставить Патриаршую Церковь принять обратно обновленцев, но без ликвидации последних как организации, принять как особое самоуправляющееся крыло Православной Церкви. На это Патриархия не соглашается. И начинаются новые гонения, чтобы заставить Церковь пойти на требования власти.

К 1927 году число заключенных епископов — в основном на Соловках — превышало 116 человек. Заблуждение, согласно которому Церковь преследуется за свою прошлую связь с царизмом, а не в качестве Церкви как таковой, было широко распространено и в рядах патриаршего высшего духовенства — во всяком случае до тех пор, пока не начались общие гонения против всех вероисповеданий к концу 1928 — началу 1929 годов. Даже такие видные архипастыри, как ближайший советник Патриарха Тихона Илларион и митрополит Петр считали, что Церковь должна доказать на практике свою лояльность советской власти, убедить ее, что она не продолжает политические традиции дореволюционного официального православия, и тогда все образуется. Именно этим надо объяснять две декларации лояльности Патриарха Тихона — в 1923 году по выходе из тюрьмы и в его завещании, которое, по-видимому, было написано митрополитом Петром. Митрополит Петр считал, что надо завоевать доверие советской власти, чтобы развязать Церкви руки для борьбы с обновленцами — врагами внутренними, а потому более опасными, чем советская власть — сила, угрожающая Церкви извне.

Для этого нужна хотя бы легализация, официальное признание правительством права Православной Церкви на существование. До 1927 года это право советское правительство признавало только за обновленцами. И вот ходатайствуют о такой легализации и Патриарх Тихон и митрополит Петр. Но власти явно хотят от Церкви полного морального подчинения. И наконец, при очень темных обстоятельствах — по некоторым данным, угрожая в противном случае расстрелять всех арестованных архиереев, — митрополит Сергей в 1927 г. подписывает ту формулировку Декларации лояльности, которой требует от него ГПУ.

Как мы знаем, эта декларация Церковь не спасает. В 1929 году советское правительство приступает к всеобщей коллективизации сельского хозяйства, ликвидации частного предпринимательства. Церковь — все религии — приравниваются к частному предприниманию, и начинается полная ликвидация видимой Церкви и духовенства. Коммунизм, говорил Маркс, начинается с атеизма. Раз Церковь не желает отмирать сама по себе, ее уничтожают. И действительно, к 1941 году на коренной территории России остается не более нескольких сот действующих православных церквей, а местоближатель Сергей признается заезжему священнику, что, по его мнению, Русская Церковь доживает свои последние годы, и добавляет: «Раньше они нас душили, но при этом выполняли свои обещания. Теперь они продолжают нас душить, но обещаний своих не выполняют».

Так завершился третий и, казалось, последний этап уничтожения Церкви в СССР. Но Церковь встала в годы войны. На территории, оккупированной немцами, почти не чинилось помех к открытию церквей, за два года оккупации было открыто и восстановлено до 75% из разрушенных дореволюционных храмов и несколько десятков монастырей. Духовенство разрывалось на части, крестя по несколько тысяч человек в не-

делю почти в каждой церкви, возобновляя преподавание Закона Божьего детям и взрослым. Социологический опрос, проведенный немцами в Смоленске, дал лишь 1% убежденных атеистов, а в крестных ходах Водосвятия в ряде оккупированных городов (Минск, Псков и др.) участвовало до 40% всего населения. Так факты опровергали утверждения советской прессы, что до войны церкви закрывались за ненадобностью, по мере отхода населения от веры.

Сталин в годы войны повернул от международного коммунизма к русскому национализму. Как бывший семинарист, он понимал глубокую связь Церкви с национальной культурой и историей. И вот — исторический прием Сталиным в сентябре 1943 года трех митрополитов, заключение с ними некоего устного конкордата, допустившего ограниченное открытие церквей, семинарий, избрание Патриарха, отстройку церковной администрации, издание «Журнала Московской Патриархии».

Но положение резко изменилось к худшему при Хрущеве. Почему Хрущев обрушился на Церковь именно в 1959-64 годах?

Во-первых, катаклизм Второй мировой войны вызвал значительное повышение и углубление религиозности в народе и, в частности, среди молодой интеллигенции, студенчества, которые не поддавались оживившейся после войны антирелигиозной агитации. Ужасы пережитой войны способствовали некоему мистическому настрою в жизни и мышлении людей.

Затем наступила эпоха разоблачения Сталина, которая сильно пошатнула остатки веры в коммунистическую идеологию. Эта идеологизация молодежи толкала ее на поиски иной веры, с ценностями, противоположными материализму, то есть к поискам Бога. В этом признавался даже хрущевский глава идеологической комиссии ЦК Ильичев.

Чтобы как-то оживить интерес к марксизму, в 1959 году Хрущев провозглашает построение коммунизма в ближайшие 20 лет. Но как же вступать в коммунизм с Церковью? И вот повторяется попытка Сталина 30-х годов: Церковь сама умирать не собирается, значит, ее надо уничтожить в основном. В общей сложности за 1959-64 годы закрываются пять из восьми семинарий, более 50 из 70 монастырей, не менее 12-15 тысяч приходских храмов из 22-23 тысяч открытых к 1959 году.

А результаты? Да даже советская антирелигиозная периодика в первый после хрущевский год признает, что наступление на религию не только не сократило религиозности, но привлекло интерес к вере тех, кто раньше стоял от нее далеко, создало поле сочувствия вокруг верующих, а закрытые общины ушли в подполье и озлобились против власти. Причем, некоторые авторы признавали, что подпольная религия опаснее открытой.

Но таковы уж антирелигиозная инерция и идеологический фундамент власти, что закрытые Хрущевым храмы, монастыри, семинарии не открыты по сей день. Антирелигиозные журналы, книги, брошюры издательства «Знание» и других продолжают печататься сотнями тысяч, и каждый съезд партии, комсомола, пионеров, профсоюзозов призывает к интенсификации антирелигиозной пропаганды. К этому же призывал совсем недавно второй секретарь ЦК Лигачев. На смену хрущевским массовым гонениям пришли выборочные дискриминации и гонения. Преследуется верующая молодежь, особенно с высшим образованием — опять же согласно с идеологией: ежели, как говорит марксизм, бытие определяет сознание, то человек, прошедший через советскую ак-

тивно-атеистическую школу, должен быть атеистом. Если же он, окончив университет, остается верующим или, Боже упаси, крестится взрослым, то это явное отклонение от нормы мышления. Так верующие попадают в категорию реальных или потенциальных шизофреников, согласно с психиатрической доктриной Снегневского. Так в психушку попадают монахиня Валерия, о Савва Кольчугин, члены московского религиозно-философского семинара; не говоря уже о многолетних сроках в тюрьмах, ссылках и лагерях за издание или распространение религиозной литературы, за создание групп, следящих за реальным положением верующих в стране и их преследованием, за активную проповедь учения Христа.

Теперь немного статистики. Как известно, вопрос об отношении к вере в Бога отсутствует в переписях населения с 1937 года. Социологические исследования, проводимые советскими религиоведами, ненадежны и в своей методологии — так как в большинстве случаев проводятся не анонимно и опрашиваемыми очень часто являются местные антирелигиозные ак-

тивисты. Ненадежны они и в своих заключениях. По ним коэффициент верующих в городах колеблется от 10 до 20%, а в сельской местности в среднем в 1,5-2 раза выше. Религиовед Пивоваров в своей последней книжке исчисляет коэффициент атеистов в 52%, из чего можно заключить, что верующих и колеблющихся — 48% населения. Наконец, архиепископ Феодосий, бывший Полтавский, в своем письме Брежневу от 1977 года говорит, что верующих «добрая половина населения». Есть и другие способы оценки процента верующих. По социологическому исследованию 1930 года только 11% рабочих семей воспитывали своих детей в религиозном духе. Но, как мы уже говорили, верующие в советских социологических исследованиях 60-70-х годов оцениваются в пределах от 15 до 30%. Следовательно, или гораздо больше, чем 11% семей воспитывали своих детей верующими в 20-30-х годах, или процент верующих, обратившихся к вере взрослыми, гораздо выше, чем те 15-20% от общего числа верующих, о которых говорят советские религиоведы. И, наконец, еще один критерий оценки процента верующих — это процент крещеных детей. Тут наблюдается удивительная стабильность или даже возможный рост в последнее десятилетие. Так, по официальным советским данным, в исторически православных частях СССР крещаемость младенцев росла с 56% в 1925 году до 60% в 1927. Но вот в 1966 году обследовали юноши в возрасте 14-17 лет в крымском лагере «Орленок». И выясняется, что крещены почти 53% детей. Если так высок процент крещений в по преимуществу элитарных семьях, то явно, что средняя крещаемость младенцев по стране не ниже 60%.

Сохранение коэффициента крещаемости на уровне 20-х годов, а, может быть, и выше, свидетельствует или о том, что и коэффициент верующих в среде населения не упал с 20-х годов, или, во всяком случае, в последние два десятилетия не уступает уровню 20-х годов.

ДМИТРИЙ ПОСПЕЛОВСКИЙ

Окончание следует.
Начало см. «Р.М.» № 3696

Первое предъюбилейное послание Первоиерарха Русской Православной Зарубежной Церкви

Всечестные Пастыри и боголюбивая паства, По всем епархиям Русской Православной Зарубежной Церкви уже организованы комитеты празднования 1000-летнего юбилея Крещения Руси. В ряды этих организаций вступили многие талантливые, энергичные и находчивые прихожане, и мы потому верим в успех их столь важной деятельности.

Нас, однако, справедливо беспокоит, как нам самим духовно подготовиться, чтобы достойно встретить этот великий русский православный юбилей, не превращая его исключительно в великое, но только историческое прошлое. Мы не хотим, чтобы после таких торжеств, когда наступят неизбежно серые будни, мы снова погрузились в нашу часто вялую и хилую духовную жизнь. Нам повелительно необходимо оставить ошутительный след тысячелетия нашего крещения в душах наших, как глубокую духовную печать на всю нашу жизнь и передать ее следующему молодому поколению.

Тут нам невольно вспоминается, как 150 лет тому назад из глубины дремучих лесов Саровской пустыни прозвучал на всю Россию голос великого молитвенника земли русской — преп. Серафима Саровского, который многим тогда по первому невдумчивому взгляду показался невероятным. И невероятным потому, что он сказал: «Россия идет к своей гибели, потому что почти никто не соблюдает поста в среду и пятницу». Тогда это показалось для большинства безумием, граничащим со смешным юродством, потому что после победы над Наполеоном Россия была еще в зените своей славы. Однако говорила Россия устами преп. Серафима сама Церковь Христова, не в бровь, а в глаз, и это трагично серьезно. Да почти что сразу начало и осуществляться это грозное пророчество в заговоре декабристов, как первое нам поучительное предупреждение. Засим последовал другой удар в двери российской империи, очень унижительный, несмотря на весь русский героизм, — проигранная Севастопольская кампания, а там русско-японская война, оставившая большую горечь, и первая попытка неудавшегося всероссийского бунта; и завершилось все пророчество падением русской православной державы в крошечном аду коммунистическо-большевистской революции.

Теперь постараемся проникнуть умом и сердцем в слова преп. Серафима. Среда и пятница суть два постных дня в каждой неделе, через весь год, через всю нашу жизнь. Этим божественным темпом среды и пятницы разбиваются тучные дни седмицы. Среда нам напоминает предательство Иуды, а пятница Страсти Господни, Крестную смерть. Мы же по немощи нашей постоянно и предаем Христа и распинаем Его, а когда мы соблюдаем пост в эти дни, то мы каемся в этих наших постоянных грехах.

Свят и спасителен Великой Пост, глубоко вкоренившийся в быт русской жизни, но как часто, попостившись в Св. Четырехдесятницу, многие как с цепи срываются и головокружительно бросаются во всякого рода излишества и теряют все плоды этих святых дней.

Среда и пятница — это ровность в подвиге без взрывов и скачков; терпение в постоянстве, развитие силы воли, столь необходимой нам, ослабленным; это последовательность в духовном умном делании; это вдохновитель и возбудитель истинной сердечной молитвы; это лучшее доказательство нашей искренности и чистоты перед лицом Божиим. Среда и пятница — это духовная реальность, где нет бесплодного абстракта, пустой отвлеченности, но полнота жизни во Христе.

На основании всего многовекового пастырского опыта можно смело утверждать, что постящиеся в эти два дня суть настоящие бескомпромиссные христиане, серьезные, вдумчивые, мыслящие, верные, стойкие. Для таковых истина Сам Христос, начало и конец, альфа и омега, весь смысл и вся цель их жизни.

Да поможет нам Господь вернуться и вернуть всю нашу паству на путь этого древнего благочестия к 1000-летию юбилею Крещения Руси. Аминь.

Митрополит ВИТАЛИЙ

День солидарности с верующими России Воскресенье 13 декабря

Eglise
Saint-Pierre-du-Gros-Caillou

92, rue St. Dominique, 75007
(metro: Ecole Militaire)

- 13.30 Выставка фотографий о жизни верующих в СССР
14.00 Выступление Анатолия Корягина, врача-психиатра, отбывшего 7 лет в лагерях строгого режима за разоблачение использования психиатрии в политических целях.
Информация о деятельности Фонда помощи верующим в России (ACER)
16.00 Концерт. Русские православные церковные песнопения.
Хор Богословского института Сергиевского подворья под управлением Николая Осоргина.

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ

«...и отец подарил мне гитару»

Интервью с Ларисой Герштейн

— Лариса, как это случилось? Как вы начали петь?

— Мне было двадцать лет и я жила в Ленинграде. Училась в институте, на химическом факультете. День своего двадцатилетия я встретила в Доме творчества кинематографистов в Репино, и отец подарил мне гитару. И был там в это время Александр Аркадьевич Галич. «Ого, гитара! — сказал он. — Хоть и шестиструнная, я все-таки покажу вам один аккорд». После этого я неделю не выходила из комнаты, иступленно подбирая аккорды.

— Вы уже знали песни Галича к тому времени?

— Ну конечно. Знала и Галича, и Окуджаву, и Кукина, и Высоцкого... Вообще-то я родилась во Фрунзе, куда были сосланы мои родители... Кстати, мой отец (режиссер-документалист) там построил киностудию — с первого камня в прямом смысле этого слова. Отец очень музыкален — не зная нот, он может спеть сложную партитуру, даже Гершвина. Так что у нас в доме было всегда много музыки — пластинки и, наверное, первый в городе магнитофон.

— И когда вы поняли, что песня может стать делом вашей жизни?

— Петь профессионально я начала неожиданно — в один день. Это было через год после моего приезда в Израиль. Я тогда жила в ульпане в Хайфе и познакомилась там с хорошим гитаристом. Он видел, что я все время бренчу на гитаре, и ему понравилось как я пою, хотя знала я тогда песен пять, не больше. Остальные сочиняла сама на ходу и тут же забывала. Гитарист в это время подыскивал работу, и ему назначили прослушивание в тель-авивском музее, где раз в месяц собиралась комиссия из представителей радио, кино, телевидения и театра. И вот гитарист мне говорит: «Выучи песенку на иврите, а я им покажу, как я аккомпанирую». На такие прослушивания кандидаты съезжаются со всех концов страны, и каждому дается минута-две. Прерывают очень вежливо: все понимают, что огромное число людей ждет своей очереди, и не обижаясь. Когда дошла очередь до моего гитариста, он сыграл начало какого-то классического произведения, ему похлопали и остановили. Но он сказал, что не уйдет со сцены, потому что хочет показать, какой он хороший аккомпаниатор, и у него с собой есть левица. Я выучила одну очень известную песню на иврите, но не до конца — все равно ведь остановят. Пою первый куплет, пою второй — не останавливают, пою третий, не зная четвертого. Что делать? Опять пою первый. Меня спрашивают, что я еще умею петь. Спела очень известную еврейскую молитву. Опять спрашивают, может, я еще что-нибудь знаю. Мы с гитаристом растерянно переглянулись. Говорю, что вот умею петь русские частушки. И спела. На следующий же день, наспах доучив четвертый куплет той самой песни, я выступила в большом концерте. После этого мне выделили деньги на учителя фонетики, и два месяца со мной занималась преподавательница, которая поставила мне произношение. Кстати, она блистательно говорила

по-русски — ее родители были русскими, принявшими иудаизм. Так я из химика стала певицей, но наука от этого не постаралась, так как мой гитарист оставил гитару и стал программистом...

Вскоре я уже выступала с целой программой из песен Окуджавы, Галича, Кима и др. Я пела их по-русски и на иврите. Нашла замечательных

«Спойте меня на иврите», что я и сделала с удовольствием.

— Третья пластинка...

— Она называлась «Романсы и песни». Это, в основном, романсы на слова Пушкина, Тютчева, Мандельштама и других русских и европейских поэтов. Музыку написал композитор

переводчиков. Потом я подготовила программу, которой открывался спектакль по книге Войновича «Солдат Чонкин».

— Вы себя чувствуете русской певицей?

— В огромной мере, да. Это мой родной язык. Импровизировать, во всяком случае, я могу только по-русски.

— Ваша первая пластинка вышла в Израиле?

— Нет, в Америке. Она составлена из песен на иврите. Собственно, это была программа турне по Америке нашей группы певцов и музыкантов, которая называлась «Песни Израиля сегодня».

— У вас вышло четыре пластинки. Это, вероятно, четыре этапа жизни, творчества?

— Ну... в какой-то мере, так. Вторая пластинка вся была на русском языке, называлась «15 песен Булата Окуджавы». Она была сделана по заказу импресарио — он настоял, чтобы я спела ее по-русски, хотя к тому времени переводов Окуджавы на иврит было уже довольно много. В Париже эту пластинку, может быть, помнят — ее репертуар я пела в 1982 году в зале на авеню Йена. На концерте был Булат Шалвович — так удачно все совпало. И он из зала крикнул:

Юрий Эдельштейн, выходец из России, который живет в Хайфе.

— Вы сами выбирали стихи?

— Нет, выбирал композитор, а я, в свою очередь, выбирала из того, что он выбрал. Вообще-то эксперимент был из числа рискованных, поскольку великая поэзия не обязательно нуждается в музыке. Но эксперимент в любом случае оказался интересным...

В сущности, я чувствую себя не столько концертной, сколько театральной певицей — мне нравится, когда песня влетает в ткань какого-то действия. Там я на месте. Я много пела в спектаклях, и концерты стараюсь выстроить как спектакль — сюжетно или тематически.

— И наконец, ваша четвертая пластинка...

— ...«Зеленые рукава». Я бы сказала, что эта пластинка «спета на бис»: когда концерт окончен, я всегда спрашиваю, что бы еще хотелось послушать почтеннейшей публике. Вот из этих пожеланий и была собрана эта пластинка. Пластинка получилась ностальгической и грустной, чему я сама сильно удивилась потом. Пластинка эта двухсторонняя во всех смыслах: одна сторона — совершенно современные песни, а другая — совершенно несовременные... Но что из них поистине современно — под вопросом.

— Как проходит ваша концертная деятельность? Где вас можно услышать?

— Последние четыре года я жила в Мюнхене, где мой муж* работает на радио «Свобода». Для певицы без налаженных связей я выступала довольно часто. И не только в Мюнхене. Ну, а в Мюнхене — в Филармонии, в Академии изящных искусств... Кстати, в Баварской Академии изящных искусств до меня никто не пел. Туда приглашают, как правило, с лекциями. И меня тоже пригласили с лекцией на тему «Неофициальная свободная песня от 20-х до 60-х годов».

— Вы сами выбрали эту тему?

— Нет, она была мне предложена, но я, конечно, воспользовалась случаем — и лекция превратилась в лекцию-концерт. Впрочем, лекция моя тоже была опубликована, и я оказалась в числе почетных членов Баварской Академии изящных искусств.

— Ваше пребывание в Париже связано с концертной деятельностью?

— В Париже я недавно, о концертах пока думать некогда — я занята организацией выставки...

* Эдуард Кузнецов.

сложилась так, что я вот уже пятый год живу то в одном, то в другом городе Европы и это очень интересный период жизни, но от многого пришлось отказаться, в частности, от интенсивной концертной деятельности; а вот в Израиле само собой мое будущее складывалось более в направлении пения. А здесь оно складывается в направлении политики. Но это неважно, ведь с самого начала отец мог не подарить мне гитару, и я бы не пела, а занималась бы, например, только наукой. Или была бы инженером. Я ведь химик по образованию. И все могло повернуться иначе. Как вышло, так и хорошо.

— Вы много разъезжаете: где вы чувствуете себя дома?

— В Израиле. Это моя страна и это очень важно. Я не чувствую себя эмигрантом ни в какой мере. Может быть это связано с тем, что я приехала в Израиль довольно молодой, и я вошла в течение этой страны как в течение реки — у меня не было никаких проблем психологических, я помнила, что ехала именно туда, я знала, что я делала.

Я прожила в Израиле 10 лет. Я скажу по нему каждый месяц моего пребывания в Европе или в Америке, я возвращаюсь туда, я там пою. Когда я вхожу в зал в Хайфе, где меня знают, потому что я провела там первые четыре года — это был мой «детский сад» — я знаю, что это мой дом. Более того, я и сегодня живу политическими интересами Израиля. Первое, что меня волнует в ежедневных новостях, это — ну, как там у нас?

В 1982 году я была в Брюсселе — у меня был концерт в Еврейском театре. Вечером после концерта передали, что в Израиле началась война. На следующий же день утром я вылетела в Израиль и уже через три дня была на передовой и пела там в блиндаже — три вечера подряд. Я видела перед собой людей, которым надо хотя бы полчаса передохнуть, услышать песню, отвлечься от этого жуткого ремесла. Израильские войны короткие, но необыкновенно напряженные и страшные. На меня театр военных действий произвел огульное впечатление. И теперь я знаю, что такое военная бригада. Михаил Светлов вспоминал как-то, что, читая во время обстрела в окопах свое стихотворение, он понял, что в нем есть длиноты. Вот также и я вдруг поняла, что некоторые песни длинноваты...

— В те периоды, когда у вас нет концертов, вы все-таки поете — в гостях, для гостей, для друзей, оставаясь сама с собой?

— Когда я одна — почти ежедневно. В гостях не пою, просто не имею этой привычки, пою у себя дома. Вот если ко мне приходят домой, я даже навязываюсь иногда, я говорю: «Хотите послушать, вот вчера услышала мелодию и оказалось, что на нее есть слова, давайте я вам спою, попробую, а вдруг вам понравится?» И ведь не всегда соглашаются. Нет, не всегда, часто люди предпочитают сплетничать о знакомых.

Еще я очень люблю петь на политических митингах, хотя никогда не пою песен протеста. Если митинги очень накалены, нужно, мне кажется, петь колыбельную песню или песню о верности и вечной любви. Это дает возможность людям остыть, передохнуть и вспомнить о том, что нас, людей, объединяет, а не наоборот.

Интервью взяла ИРИНА ЗАБОРОВА

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ устраивает 14 и 15 ноября 1987 года

ОСЕННИЙ СЪЕЗД в Монжероне (Essonne)

Тема съезда: «РУССКОЕ ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА»

Докладчики: Кирилл ЕЛЬЧАНИНОВ, Никита СТРУВЕ, Оливье КЛЕМАН.

Адрес съезда: Château du Moulin de Senlis, 91230 Montgeron.

Справки и запись: А. Arjakovsky, 60, Bd de Picpus, 75012 Paris; tél: 43.45.06.39

Поступила в продажу кассета с записями русских романсов в исполнении ВЕРЫ СЕМЕНОВОЙ

Романсы из репертуара Вяльцевой, романсы на стихи И. Северянина, В. Брюсова, А. Вертинского.

Цена кассеты 80 FF.

Спрашивать во всех русских магазинах.

Musée Guimet — Place d'Yena.

7 ноября в 20.00 состоится

концерт

КОНСТАНТИНА ОРБЕЛЯНА

В программе: Скарлатти — 5 сонат; Шопен — Баркаротта, 3 вальса; Рахманинов — Сонет Петрарки, № 104, 123.

Из редакционной почты

В газете «Русская мысль» от 25 сентября 1987 г. появилась заметка Веры Пирожковой о Л.М.Кагановиче, который, по ее словам, жив и должен быть привлечен к ответственности за свою инициативу в разрушении храма Христа-Спасителя в Москве.

Это в первый раз после долгого забвения упоминается в печати имя когда-то (в 30-е и 40-е годы) знаменитого сталинского приспешника, «железного наркома» и т.д.

Я хочу поделиться сведениями, которые у меня имеются об этом когда-то знаменитом, а теперь основательно забытом деятеле.

После своего «Ватерлоо» — исключения из ЦК КПСС — Каганович некоторое время работал директором завода, а затем ушел на «покой», на пенсию. Проживая в Москве, он часто (почти ежедневно) выходил на прогулку. Его часто можно было видеть около Парка культуры и отдыха им. Горького. Он охотно вступал в разговоры с гуляющими. И охотно говорил на политические темы.

Все его разговоры сводились к бесконечным (иной раз тошнотворным) восхвалениям Хрущева. Какой он замечательный человек и какие «мы» (т.е. Молотов, Маленков и он, Каганович) негодяи. «Партия в хороших руках», — таков неизменный рефрен всех разговоров отставного савновника.

Через несколько месяцев он был вызван в райком (Каганович оставался в партии вплоть до 1964 года. Весной 1964 года он вместе со своими сотоварищами был исключен из партии) и ему было заявлено: «Лазарь Моисеевич! Мы решили, что Вам лучше жить в Калинин (Тверь). Поезжайте туда: там Вам приготовлена меблированная квартира». Пришлось бывшему «железному» наркому поехать в

Тверь. Никита, со свойственным ему грубоватым юмором, показал своему бывшему шефу: «Не нуждаюсь в твоём подлизывании».

Однако изгнание длилось недолго. Через полгода жена Кагановича обратилась к Нине Петровне Хрущевой (как женщина к женщине) с просьбой о милосердии к ее больному мужу.

Она просила разрешить ее злополучному мужу вернуться в Москву, к семье. Просьба была исполнена. Каганович мирно и тихо жил в Москве. Лишь изредка его видели в метро.

Он всегда ходил в сопровождении большой собаки. Собака не была лишней, так как бывали неприятные встречи. Однажды в метро он встретился со стариком, бывшим работником Московского горкома, который по вине Кагановича отсидел в лагерях 20 лет. И тот устроил ему скандал.

В последний раз я услышал о Кагановиче («его судьбе») от моего друга Валерия Яковлевича Тарсиса. В 1980 году. К нему однажды заехал его старый знакомый Виктор Луи, знаменитый авантюрист, но очень осведомленный человек. Валерий Яковлевич, хотя и с неохотой, принял его как старого знакомого. И тот ему сообщил, что Каганович в семидесятые годы умер от рака. Труп его был сожжен в крематории. Никаких некрологов и сообщений о его смерти не появилось.

В.А.Пирожкова призывает к суду над Кагановичем.

Но он теперь дал ответ за свои деяния перед иным Судьей: более справедливым, более грозным и более милосердным, чем любой человеческий суд.

АНАТОЛИЙ ЛЕВИТИН-КРАСНОВ

Люцерн

Маленькие объявления

Продаются видеокассеты русских фильмов. Зв. по тел.: 69.04.04.97.

Ищу внаем 4-5-комнатную квартиру (семья из трех человек). Зв. 42.51.11.55.

Русская женщина 28 л. преподав. русского языка ищет любую работу. Зв. 34.14.61.00.

Молодая интересная русская, православная, хотела бы переписываться с мужчиной, желательно русского происхождения, для обмена мнениями и с целью дальнейшего знакомства. Пис. в «Р.М.» на №3845.

Студент (22 г.) ищет знакомства с русскими во всем мире. Пис. по-русски: R.Randell, Tuulimyllyntie 23C30, 40630 JYVÄSKYLÄ, Finlande.

Строитель-маллер берет работы. Пис. в «Р.М.» № 3835.

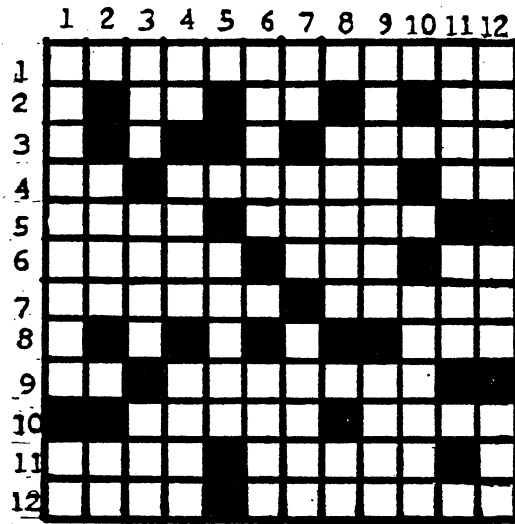
Образован. русск. женщина ищет работу компаньонки или по уходу за пожилыми. Зв. 34.14.99.26.

Срочно ищущу няню для двух маленьких детей. Звонить после 19 час. 46.27.00.32 или в бюро 42.25.43.81. Спросить Алину Маро.

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Арина и Александр Гинзбург. В КГБ-то уже перестроились.....	1-2
АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА	
Ирина Иловайская. Мертвая догма и живые силы.....	1, 5
По страницам польской подпольной прессы:	
Миллион для «Солидарности».....	4
Савик Шустер. Алые маки на полях Нангархара. Репортаж из Афганистана. V.....	4-5
Владимир Максимов. Этих дней не смолкнет слава.....	5
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЕГОДНЯ	
Зачем нужно прошлое. Интервью с проф. М.Я. Геллером ведет Ирина Иловайская.....	6-7
Владимир Пимонов. Новая полемика вокруг Хрущева.....	7
ЛИТЕРАТУРА, МЕМУАРЫ	
Леонид Цыпкин. Смерть Марии Яковлевны (окончание).....	8
Николай Лесков. Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине.....	8
НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ — ИОСИФУ БРОДСКОМУ	
Эдуард Безнососов. Власть над нашими душами.....	9
Поздравления.....	9
Иосиф Бродский. Из книги «Урания».....	9
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Михаил Бараш. К Урании. О новой книге стихов Иосифа Бродского.....	10
Кирилл Померанцев. «Их памяти...» Сборник статей С.М.Рафальского.....	10
Сергей Дедулин. «Мифы», гласность и бывший зэк.....	10
МИР ИСКУССТВА	
Борис Лосский. Искусство Фрагонара в Большом Дворце.....	11
А.С. ФИАК-87.....	11
А.К. Поэтика «случайности».....	11
ДУХОВНЫЕ ПУТИ	
Дмитрий Поспеловский. 1000-летие Крещения Руси и вера в современной России: Подвиг веры в атеистическом государстве (продолжение).....	12
Митрополит Виталий. Первое предъюбилейное послание Первоиерарха Русской Православной Зарубежной Церкви.....	12
ЖЕНЩИНА НА ЗАПАДЕ	
«...и отец подарил мне гитару». Интервью с Ларисой Герштейн ведет Ирина Заборова.....	13
Обзор событий за неделю (с. 1-3, 16) составили А.Гинзбург, Н.Горбаневская и Н.Дюжева	

Крестословица № 34

По горизонтали: 1. Область науки, изучающая космос с использованием летательных аппаратов. 2. Инициалы Крылова. Орган обоняния у членистоногих. Мера измерения земельной площади. 3. Взаимные отношения. 4. Животное с иглами. Автор оперы «Иван Сусанин». Крупный бык. 5. Жена Зевса. Оттенок, тонкое различие. 6. Мягкий белый металл. Прием в боксе. Нота. 7. Герой повести Ю.Трифопова «Долгое прощание». Млекопитающее с хоботом. 8. Линия ровно расположенных предметов. 9. Овраг. Река и одноименный штат в США. 10. Вид городского транспорта. Выбоина на дороге. 11. Плод дерева. Президент Филиппин. 12. Господство определенных вкусов в отношении одежды и др. Солдат, грабящий население во время войны.

По вертикали: 1. Иносказание. Немецкий физик XIX в. 2. Заливное. Греческая буква. 3. Инфекционная болезнь. Рабочая одежда. Вещество, вырабатываемое пчелами. 4. Бог Солнца в одной из мифологий. Порт во Франции. Часть гармонии. 5. Яйцеклет-

ка. 6. Персонаж поэмы Пушкина. Стыд, позор. 7. Искусный летчик. Чутьё. Болотная трава с упругими листьями. 8. Член организации, занимающейся физическим и нравственным развитием подростков. Инициалы знаменитого русского художника (1844-1930). 9. Пвозка с легким кузовом. Шерсть овцы (поэт.) 10. Паства. 11. Героиня трилогии Ал.Толстого. Жена Иакова. 12. Оросительный канал в Азии. Единица длины в английской системе мер. Густой лес.

РЕШЕНИЕ КРЕСТОСЛОВИЦЫ № 33

По горизонтали: 1. Эль. Ял. 2. Ми. Колорадо. 3. Акварин. 4. Н.А. (Николай Алексеевич). Тема. Ага. 5. Залив. Пан. 6. Рона. Ель. 7. Пава. Аск. 8. Ар. Короста. 9. Цент. 10 И.С.(Иван Сергеевич). «Ася». Иглу. 11. Ять. Стоик.

По вертикали: 1. Эмансипация. 2. Лика. Арест. 4. Катаракта. 5. Помело. Су. 6. Ламинария. 7. Орава. 8. Бри. Ацинт. 9. Анапест. Го. 10. Яд. Галка. Ли. 11. Лохань. Тук.

НОВЫЕ КНИГИ Умка-Press

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 4354 74 46

В.Н.ИЛЬИН Религия революции и гибель культуры

Посмертно изданная книга религиозного мыслителя В.Н.Ильина (1891-1974), известного своими литургическими и агиографическими трудами, принадлежит к редкому роду философского памфлета: острые, отточенные формулировки, блеск парадоксальных сопоставлений направлены на разоблачение идеологических основ марксизма-ленинизма, губительных для культуры.

РУССКИЙ ЯЗЫК НА КОМПЬЮТЕРЕ

Можете ли вы обрабатывать смешанные тексты на своем компьютере? Имеются в виду тексты, где перемежаются русский и другие языки (английский, французский и др.). Предлагаемые нами программы всё это могут! Всего лишь одной командой клавиатура переключается с одного языка на другой. Смешанные тексты появляются на мониторе, а потом и на печатающем устройстве (матричном, лазерном). Предлагаемые программы пригодны не только для обработки различных текстов, но и для набора, переводов, верстки, печати и т.п. Программы специально разработаны для компьютеров типа PC, совместимых с IBM.

СЛАВЯНСКАЯ ПРОГРАММА WORDSTAR ПО-РУССКИ
WORDPERFECT ПО-РУССКИ VENTURA DeskTop Publishing

Требуйте документацию по адресу:
Russian Service, P.O.Box 1147, D-6236 ESCHBORN 2, B.D.R.

ДОМИНИК

19, rue Bréa — Paris 6° Tél.: 43.27.06.80

ГАСТРОНОМ. МАГАЗИН — ЗНАМЕНИТЫЙ РЕСТОРАН
Избранные русские блюда в типичной русской обстановке.

Шахматы

Под ред. В.С.Аверино
№1863-1864 — 30.10.87.

МАТЧ КАСПАРОВ—КАРПОВ

Третья партия матча закончилась вничью на 29-м ходу; четвертая была сдана Карповым без возобновления игры на 41-м ходу. После этого Карпов взял свой первый тайм-аут. После перерыва Карпов выиграл пятую партию.

Шестая партия игралась в понедельник 26 октября и закончилась вничью в 28 ходов. Седьмая была перенесена на 30 октября — тайм-аут взял Каспаров. Прерванная на 42-м ходу и возобновленная 31-го, она закончилась по предложению Каспарова на 80-м ходу ничьей. Она, по мнению специалистов, была самой интересной из всех сыгранных до того партий этого матча.

8-я партия, отложенная 2 ноября, выиграна Каспаровым после короткого доигрывания на следующий день. К концу первой трети матча счет сравнялся — 4:4.

РЕШЕНИЕ № 1857

О задаче Ж.Мандхейма предложивший ее Э.Н.Левенгаупт предложил «боящихся» многоходовых решателей: «не трудно, но поразительно».

Действительно, в критическом положении белые находят форсированный выигрыш в пять ходов с ключом: 1.Л:с7+! Полное решение приведем впоследствии, а пока лишь заметим, что только взятие ладьи черным конем на с6 (первым ходом черных) ведет к мату на 5-м ходу. (1...e8:c7 приводит к мату уже на 4-м).

Решили: гг. Максимов, Левин, Харитонов, фон Эттинген, Гутцайт, Дядюн, Р.Паулин, Крылов, Худокормов (решил также №1855 и 1856).

РЕШЕНИЕ № 1858

Первая присланная нам композиция К.Кесоглу решается ключом:

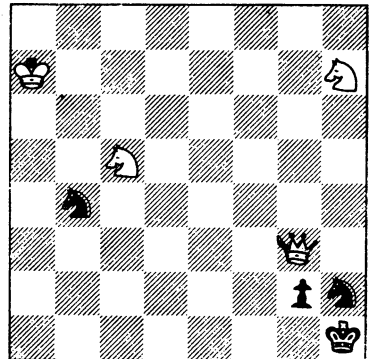
1. Cf5+! Ход: 1.Cg6+?, при лучшей защите, приводит к мату!

Решили правильно: гг. Левин, фон Эттинген, «Жезамик» (решил также №1856, 1857), Гутцайт, Р.Паулин, Крылов, Крук и «С.Г.».

Разбор решения и комментарии — по выздоровлении редактора Хроника.

ЭТЮД ИЗ ЖУРНАЛА «64» (1977 г.)

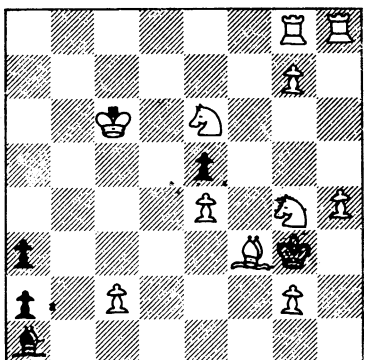
«Замечательный этюд [...] с великолепным финалом», — оценивает эту композицию (к сожалению, без имени автора), присланную К.Кесоглу, Судья конкурса.

4 и 4.
Выигрыш.

ЗАДАЧА К. ФОН ГАМНИЦЕРА

С.П.Крыжицкий предлагает эту, по его мнению, замечательную четырехходовку (с этим определением согласен и Судья конкурса).

11 и 5.
Мат в 4 хода.

«Русская мысль»

Слушайте Голос Православия

С 19 ч. до 20 ч. по воскресеньям и праздникам, с 19.30 ч. до 20 ч. по средам и субботам по московскому времени на коротких волнах 31 метр (9.670 кГц) следующие передачи:
 по средам: 11 ноября — Вечерняя; 18 ноября — О молитве; 25 ноября — Молебен;
 по субботам: 14, 21 и 28 ноября — Программа для подростков и их родителей;
 по воскресеньям: 15 ноября — Начало Божественной Литургии, История православного монашества, О Символе веры; 22 ноября — Начало Божественной Литургии, Учителя молитвы, О Символе веры; 29 ноября — Божественная литургия.

В Амхерсте (США) в возрасте 58 лет скоропостижно скончался

Михаил НИКОЛАЕВ

человек, отдавший 15 лет жизни советским тюрьмам и лагерям, автор книги воспоминаний «Детдом». Друзья выражают глубокое соболезнование и любовь жене покойного — Виктории Швейцер и их дочери Марине.

В первую годовщину кончины

JOSETTE НАДЕЖДЫ ВЕРБИЦКОЙ

в воскресенье 15 ноября, после литургии, в Свято-Успенской церкви в Сент-Женевьев де Буа будет отслужена панихида по усопшей.

В сороковой день кончины
ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ИВАНОВА

в понедельник 9 ноября в 19 час. 15 мин. в Св.-Александро-Невском соборе будет отслужена панихида по усопшему, о чем извещают семья и друзья.

В девятую годовщину со дня смерти
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА МОРОЗОВА

в пятницу 6 ноября, в 19 час. 30 мин. в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы (91, rue Оливье де Серр, Париж-15) будет отслужена панихида, о чем извещает семья.

Волею Божией 4 октября в Доме Красного Креста в Шелле скончалась

матушка
ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА ПРОКОФЬЕВА

урожд. Соловская

о чем с прискорбием извещают belles-sœurs З. и Т.Соловские. Отпевание было совершено в Шелле 7 октября. Погребение на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Во вторник 10 ноября в 18 ч. 30 м. в Свято-Александро-Невском соборе (12 rue Дарю, Париж-8) будет отслужена панихида по

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ ФЕДЯЕВСКОЙ

урожд. Фениной

18 октября 1987 г. скоропостижно скончалась

ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА БЕСЧЕРЕВНЫХ

о чем с прискорбием извещают муж, дети и внуки усопшей. Отпевание и погребение были совершены на кладбище в Сент-Женевьев де Буа 30 октября 1987 г.

БОГОСЛУЖЕНИЯ

ПАРИЖ

Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы при Русском Студенческом Христианском Движении

91, rue Olivier de Serres, Paris-15.

Суббота 7 ноября. — Дмитриевская — родительская суббота. Литургия и общая панихида в 10 ч. Всенощная в 18 ч.

8 воскресенье. — Св. влкмч. Димитрия Солунского. Литургия в 10 ч.

9 понедельник. — Вечерня и утренняя в 18 ч.

10 вторник. — Св. влкмч. Параскевы Пятницы. Литургия в 10 ч.

13 пятница. — Вечерня и утренняя в 18 ч.

14 суббота. — Свв. бессребнников Космы и Дамиана. Литургия в 10 ч. Всенощная в 18 ч.

15 воскресенье. — Литургия в 10 ч.

Храм Всех Святых в Земле Российстей Просиявших

19, rue Claude Lorrain, 75016 Paris.

Суббота 7 ноября. — Дмитриевская суббота (родительская). Часы и литургия в 10.10 ч. Всенощное бдение в 18 ч.

8 воскресенье. — Неделя 22-я по Пятидесятнице. Часы и литургия в 10.10 ч.

14 суббота. — Всенощное бдение в 18 ч.

15 воскресенье. — Неделя 23-я по Пятидесятнице. Часы и литургия в 10 ч. 10 мин.

Храм Знамения Божией Матери

87, бульвар Эгзельманс, Париж-16.

Суббота 7 ноября. — Дмитриевская родительская суббота. Заупокойная литургия и общая панихида в 10 ч. Всенощная в 18 ч.

8 воскресенье. — Св. великомуч. Димитрия Солунского. Литургия в 10.30 ч.

12 четверг. — Литургия в 10 ч.

14 суббота. — Всенощная в 18 ч.

15 воскресенье. — Литургия в 10.30 ч.

Храм Сергиевского Подворья

93, rue де Кримаэ, Париж-19. Метро Ломьер.

Суббота 7 ноября. — Дмитриевская (родительская) суббота. Поминовение усопших. Заупокойная литургия в 9 ч. Всенощная в 18 ч.

8 воскресенье. — Неделя 22-я и память св. вел. муч. Димитрия Солунского. Литургия в 10 ч.

На седмице: ежедневно утренние службы в 7 ч., вечерние в 18 ч. 14 суббота. — Всенощная в 18 ч.

15 воскресенье. — Неделя 23-я. Литургия в 10 ч.

На седмице: ежедневно утренняя в 7 ч., вечерняя в 18 ч.

МЕДОН

Храм Воскресения Христова

8, rue des Bigots.

Пятница 13 ноября. — Всенощная на франц. языке в 18.30 ч.

14 суббота. — Свв. бессребнников и чуд. Космы и Дамиана. Часы и литургия в 10.10 ч. на франц. языке. Всенощная в 18 ч.

15 воскресенье. — Неделя 23-я по Пятидесятнице. Часы и литургия в 10.10 ч.

АНЬЕР

Храм Христа Спасителя

7-bis, rue du Bois, 92600 Asnières.

Четверг 12 ноября. — Вечерня и утренняя в 18 ч.

13 пятница. — Ранняя литургия в 7 ч. 30 мин.

14 суббота. — Всенощная в 18 ч. 15 воскресенье. — Божественная литургия в 10 ч.

БУЛОНЬ-БИЯНКУР

Свято-Николаевский приход

132 bis, rue du Point du Jour. 92100 Boulogne Billancourt.

Суббота 14 ноября. — Всенощная в 18 ч.

15 воскресенье. — Божественная литургия в 10 ч.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы и Преподобного Серафима Саровского

91, rue Lecourbe, 75015 Paris.

Дмитриевская (родительская) суббота.

Пятница 6 ноября. — Вечерня, утренняя, парастас в 18 ч.

7 суббота. — Литургия (заупокойная) в 10.30 ч. Неделя 22-я. Гл. 5-й. Свят. влкмч. Димитрия Прокопула Солунского. Всенощная в 17 ч.

8 воскресенье. — Литургия в 10.30 ч. Всенощная в 17 ч.

Неделя 23-я. Гл. 6-й.

14 суббота. — Всенощная в 17 ч. 15 воскресенье. — Литургия в 10.30 ч.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ МЫСЛЬ»

(Цены указаны во фр. франках)

Обычной почтой:

	6 мес.	1 год
Франция:	180	300
Все страны мира (включая почтовые расходы):	250	450

Авиапочтой:

(В указанные цены входят почтовые расходы.)

Северная и Южная Америка, Южная Африка:	320	600
Европа и Северная Африка:	280	520
Австралия, Китай, Япония:	350	650
Израиль, Иран, Центральная Африка:	300	550

Тем, кто подписывается более 10 лет, скидка 30 фр. Тем, кто подписывается более 20 лет, скидка 60 фр. Просьба прилагать к заказу чек и последнюю бандероль (или указать, что подписка новая). Новым подписчикам газеты доставляются через 3 недели после оформления подписки.

По благословию Высокопреосвященного архиепископа Георгия в воскресенье 15 ноября 1987 г., в 16 ч. состоится

КОНЦЕРТ

хора Сергиевского подворья под управлением Н.М.Осоргина

в церкви Ste-Odile 2, av. Stephane Mallarmé, 75017, Paris. Métro Pte de Champerret. Autobus 92, PC, 163, 164, 165).

Весь сбор в пользу Покровской обители в Bussy en Othe.

НОВЫЕ КНИГИ Ивана ВЕНЕВА NOUVEAUX LIVRES de Yvan VENEV

5. DICTIONNAIRE DES DOMAINES DE L'UNESCO (EDUCATION, SC.SOCIALES, CULTURE ET COMMUNICATION) ANGL.—FR.—RUSSE—BULG. (A—Z) 4000 expres. 250 p., préface: André MARTINET. Ed. ECONOMICA, 1984, PARIS. Prix: 240 FF.

6. DICTIONNAIRE ANGL.—FR.—RUSSE (INFORMATIQUE ET SCIENCES) A—Z. 1499 expres. Préface: A.MARTINET, ECONOMICA, 87 p., 1984, PARIS, 140 FF.

7. DICTIONNAIRE RUSSE—FR. ET PARTIELLEMENT ANGL.: ENERGIE ATOMIQUE ET SC. DE L'INGENIEUR. Préface: Alain REY—DIR. SCIENTIFIQUE ET LITTERAIRE DES DICTIONNAIRES ROBERT, Fasc. 1, A—J et Я, 1100 expres., 59 p. PARIS, 1986, 150 FF.

8. DICTIONNAIRE ANGL.—FR.—RUSSE: FUTUROLOGIE ET SC.SOCIALES. A.MARTINET et A.REY (préfaces), A—Z, Ed. Inst. Internat. de Philosophie et Terminologie «Peter DEUNOV», PARIS, 1987, 121 p., 3000 expres., 270 FF.

9. LINGUISTIQUE MATHEMATIQUE ET COMPUTATIONNELLE: DICTIONNAIRE RUSSE—FR.—ANGL. Préfaces A.MARTINET et A.REY. Fasc. 1, A—Ж et Я, 106 p., PARIS, 1987, Inst. P.DEUNOV, 240 FF.

10. GLOIRE A ST.—CYRILLE et A ST.—METHODE—CREATEURS DE L'ALPHABET CYRILLIQUE AU IXE SIECLE. Poésies en bulgare par Victor L.YORDANOV. Présenté par Y.VENEV. Ed. Inst. Internat. de Philosophie et Terminologie «Peter DEUNOV», PARIS, 1987, 40 p., 120 ff.

Format des livres: 17/24 cm, papier 80-140 gr. brochés; couvertures en couleurs; mêmes prix pour les microfiches des livres; les expres. des dictionnaires sont accompagnées très souvent de riches renseignements bibliogr.; les prix sont TTC; l'expédition, toujours recommandée, est payée par le client; remise pour les diffuseurs: de 33 à 80 %. Excellentes refer. sur les dictionnaires précédents de VENEV par les prof.: Jean PIAGET; Et. VOLFF; A.MARTINET; A.REY; J.HALPERIN; B.VA-UQUOIS; F. de LABRIOLLE; L.ROBEL; A.ROUANET; F.BENTOLILA; I.CHOUROULINKOV etc.

A commander chez: VENEV, 57, rue Fédération, 75015, PARIS.

Tél.: 45.68.19.54; 47.83.69.05.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОХОРОН В ПАРИЖЕ И ОКРЕСТНОСТЯХ

POMPES FUNÈBRES P.L.M.

С точным соблюдением церковных православных обрядов ПРАВЛЕНИЕ: 12, RUE ABEL, PARIS 12° (бл. Лионского вокзала)

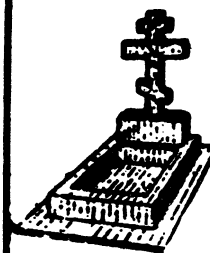
TÉL.: 43.43.15.15 et 43.50. — STE-GENEVIEVE DES BOIS: 2, RUE BUFFON. TÉL.: 60.16.02.11 — НОЧНОЙ ТЕЛЕФОН: 64.90.03.55. POMPES FUNEBRES S.P.L.M. ЕДИНСТВЕННОЕ ПОХОРОННОЕ БЮРО, УПОЛН. ГОР. УПРАВЛЕН. СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА.

Monuments funéraires

Pose dans tous cimetières

Sté des Ets DI-BERNARDO

3, place de l'Eglise 91700 Ste Geneviève des Bois Tél.: 60.15.11.80.

МИР ЗА НЕДЕЛЮ

• • • 25 октября в Дублине в возрасте 102-х (или, как он сам при жизни заверял, 104-х) лет скончался последний оставшийся в живых участник бунта на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» Иван Бешов, инженер-механик корабля.

• • • 26 октября в Бейруте после 20 месяцев заключения освобожден захваченный «Революционными ячейками» южнокорейский дипломат. По сведениям радио христианских Ливанских сил, за заложника был заплачен выкуп в размере миллиона долларов.

• • • 26 октября президент Рейган наложил полное эмбарго на импорт из Ирана и частичное (охватывающее товары потенциального военного использования) — на экспорт из США. Поставки иранской нефти в США и во Францию (наложившую на них эмбарго еще 5 августа) составляют лишь около 14% всего иранского экспорта нефти.

• • • 27 октября в Генуе к 17 годам тюрьмы приговорен палестинец Басам аль-Ашкар, участник захвата теплохода «Акилле Лауро».

• • • 27 октября южноафриканская полиция сообщила, что в г. Наталь арестовано 63 участника трехдневных кровавых столкновений между группами негритянского населения. С начала месяца в стране в результате таких столкновений погибло более 50 человек.

• • • 27 октября 93% участников референдума в Корейской Республике (Южной Корее) одобрили новую конституцию страны. Демонстранты — противники референдума (около двух тысяч студентов, собравшихся близ кафедрального собора в Сеуле) вступили в схватку с полицией и забросали ее бутылками с зажигательной смесью.

• • • 27 октября во Франкфурте-на-Майне к 11 с половиной лет тюрьмы за попытку убийства и подготовку террористических взрывов приговорен неонацист Отфрид Хельп.

• • • 27 октября в Сантьяго-де-Чили прошла демонстрация журналистов с требованием отмены цензуры печати.

• • • 27 октября в Лондоне к 25 годам тюрьмы приговорен 27-летний Гилберт Мак-Нейми, крупнейший специалист ИРА по производству бомб как с часовым механизмом, так и с дистанционным управлением. Свыше 80 бомб, созданных под его руководством, стоили жизни по меньшей мере трем десяткам полицейских, солдат и гражданских лиц.

• • • 27 октября иракская авиация бомбила иранские нефтяные вышки в Ага-Джари (на западе страны). В ночь с 27 на 28 октября она совершила налеты на три танкера близ берегов Ирана. 28 октября бомбежке подверглись нефтеочистительный завод в Ширазе, нефтехимический комбинат к востоку от Ширазе и нефтепереработки на юго-западе Ирана. По сообщениям из Тегерана, бомбардировке, на самом деле, подверглись жилые кварталы, при этом более 20 человек погибло, 70 — ранено.

• • • 28 октября в городках близ американской военно-воздушной базы Кларк к северу от Манилы были убиты три американца, в т.ч. два сержанта ВВС, и филиппинец — вольнонаемный служащий американской армии. Все четверо были убиты в разных местах в течение часа: каждый раз пистолетные выстрелы производились из группы трех молодых «прохожих», поразившихся с жертвой, — типичный метод коммунистических подразделений «воробьев», применяемый обычно на улицах Манилы.

• • • 28 октября в Лондондерри (Северная Ирландия) два члена ИРА погибли при взрыве транспортировавшейся ими бомбы.

• • • 28 октября «Нью-Йорк таймс», основываясь на рассказе сотрудников Пентагона, пожелавших остаться неизвестными, сообщила, что четыре года назад советские шпионы, действовавшие в Греции, сумели раздобыть образец американского ПЗРК «Стингер», на основе которого затем было создано аналогичное советское оружие «Гремлин» (так же, как прежде на основе первого американского ПЗРК «Реддей» были созданы советские САМ-7).

• • • 29 октября 16 иранцев попросили политическое убежище в Ирландии, во время посадки в аэропорту Шеннон самолета «Аэрофлота», следовавшего рейсом Гавана—Москва. Беглецы, как они

сообщили, принадлежат к семьям иранских беженцев в СССР и возвращались в Москву после курса профессионального обучения на Кубе.

• • • 29 октября в Бейруте были убиты два французских офицера, третий, находившийся с ними в машине, которая подверглась обстрелу, тяжело ранен. Убийцы скрылись. В последовавшие за этим дни многочисленные и разнообразные террористические организации (от шиитских до армянских) взяли на себя ответственность за это убийство.

• • • 29 октября два жителя Восточного Берлина пытались преодолеть Берлинскую стену. Впервые за последние два с половиной месяца восточногерманские пограничники открыли огонь. Один из беглецов был схвачен, второй, 21-летний юноша, благополучно перебрался через стену.

• • • 29 октября в центре Манилы коммунистические «воробьи» застрелили четырех филиппинских офицеров и полицейского.

• • • 29 октября в г. Хошимин (бывш. Сайгон) приговорены к пожизненному заключению два католических монаха: о. Тран Динь Тху, 81-летний настоятель монастыря, и о. Нгуэн Чау Дат. Вместе с ними осуждены — на сроки тюремного заключения от 5 до 20 лет — еще 21 человек. Вьетнамская коммунистическая пресса сообщает, что в монастыре (монахи которого бежали на юг страны в 1954 году, после захвата власти в Северном Вьетнаме коммунистами) был создан «тренировочный лагерь контрреволюционеров», что при обыске обнаружены «реакционные документы», пистолеты, патроны и большие запасы риса.

• • • В ночь с 29 на 30 октября иракская ракета была пущена на Багдад: по сведениям из Тегерана, она попала в здание иракских ВВС; по сведениям из Багдада — в жилой квартал, где при этом убито несколько человек.

• • • 30 октября в Загребе 36-летний шофер грузовика Иосип Краль и 29-летний фрезеровщик Иван Милец приговорены к шести с половиной и трем годам соответственно по обвинению в «террористической деятельности». Их обвинили в том, что в 1977 году они якобы везли в Югославию «адские машины» и должны были, по заданию хорватских эмигрантских организаций, установить их в общественных местах. По сообщению ТАНЮГ, подсудимые признали себя виновными.

• • • 30 октября (или, как отмечают агентства печати, «в течение одного только дня 30 октября») в столкновениях перуанской армии с коммунистической герильей «Сендеро луминосо» погибло по меньшей мере пять повстанцев, двое военных и десять гражданских лиц.

• • • 30 октября Европейский Парламент 121 голосом против 70-ти при 13 воз-

державшихся принял резолюцию об усилении санкций против ЮАР. В резолюции предлагается ввести полное эмбарго на южноафриканский уголь, расширить запрет импорта золота на золотые слитки и «изучить другие меры, которые будут хотя бы эквивалентны мерам, принятым Соединенными Штатами».

• • • 30 октября в центре Панамы был убит член Верховного Суда, журналист и профессор университета Камилло Перес, известный своей защитой прав панамских индейцев.

• • • 30 октября правительство Индии сообщило, что за 18 дней боев на полуострове Джаффна убито 214 индийских солдат, 753 тамилских повстанца и 60 гражданских лиц.

• • • 30 октября близ о. Батц в Ламанше французские таможенники задержали судно «Эсклунд», шедшее под панамским флагом. На борту они обнаружили взрывной механизм, предназначенный для потопления судна; после разминирования «Эсклунд» был приведен в Брест. При обыске на судне найдено 150-200 т оружия и взрывчатки неизвестного производства (никаких фирменных знаков на ящиках, спиленные номера на оружии). Все пять человек экипажа — ирландцы, заявившие, что корабль шел с Мальты в Киль. Ирландские газеты сразу с уверенностью предположили, что груз предназначался для ИРА и указали на полковника Каддафи как на возможного поставщика, поскольку он всегда поддерживал ИРА, а его агенты исключительно активны на Мальте. 3 ноября прокурор Республики в Бресте предъявил членам экипажа обвинение в транспортировке оружия для ИРА.

• • • 31 октября в Сантьяго-де-Чили, по сообщению оппозиции, было арестовано 200 человек из числа участников демонстраций с требованием свободных выборов. 1 ноября полиция сообщила, что почти все задержанные освобождены.

• • • Утром 1 ноября один житель Восточной Германии успешно пересек границу между ГДР и Баварией.

• • • 1 ноября в Персидском заливе американский фрегат-ракетоносец обстрелял иранские военные катера, с явно враждебными намерениями направлявшиеся к грузовому судну под американским флагом. Обстрел начался после предупредительных залпов, на которые иранские катера не отреагировали.

• • • 1 ноября в г. Ордисия (Испанская Страна Басков) был смертельно ранен террористом и скончался на пути в больницу гражданский гвардеец.

• • • 2 ноября журнал «Ньюсуик», ссылаясь на источники, близкие к Пентагону, сообщил, что советским агентам из подразделений специального назначения удалось проникнуть на базу американского ВМФ в Сьюбик-Бей (Филиппины). Проникновение не сопровождалось никакими диверсионными актами и, по видимому, имело целью обнаружить слабые места потенциальных объектов военного нападения.

От кого зависит перестройка

Все телеграфные агентства сообщили из Москвы о том, что попросил освободить его от занимаемой должности первый секретарь Московского горкома КПСС Борис Ельцин.

Слухи об этом пошли по Москве сразу после состоявшегося 21 октября пленума ЦК, где Ельцин выступал первым. Говорили, что он обвинил председателя КГБ Чебрикова и «идеолога» партии Лигачева в том, что они препятствуют перестройке. Первой об этих слухах сообщила мадридская «Эль паис», потом какая-то западногерманская газета и «Нью-Йорк таймс».

На очередном брифинге в МИД СССР 31 октября представитель МИД Лукьянов в ответ на вопросы западных журналистов подтвердил эти слухи. После этого журналисты писали уже конкретнее: что Ельцин критиковал на пленуме стиль руководства, подбор кадров, медленный ход перестройки, трудности в работе из-за препятствий со стороны тех людей, которые не хотят признавать свои ошибки и т.д. Ельцину приписываются слова, что таким путем можно строить культ личности, а не перестраиваться. Он заявил, что за два года с начала перестройки в Москве, где он — партийный руководитель, не удалось достичь намеченных результатов. Отставки он попросил после того, как против него выступили несколько участников пленума. Но ответа на это его заявление пока нет.

ТАСС сообщил все, что рассказал на брифинге Лукьянов, но в специальном выпуске, рассчитанном лишь на распространение внутри страны, добавил к этому, что советским журналистам и средствам массовой информации «категорически не рекомендуется» комментировать ответ Лукьянова. После такого предупреждения советские газеты вообще не писали о ситуации вокруг Ельцина.

На следующий день после брифинга (вечером 1 ноября) в Свердловске были расклеены листовки:

Всем, кому дорога перестройка!
На пленуме ЦК КПСС первый секретарь МКГ КПСС Ельцин предложил освободить его от занимаемого им поста в знак протеста против действий председателя КГБ Чебрикова и главного идеолога партии Лигачева, тормозящих процесс перестройки.

Граждане!
Уход с политической арены одного из верных сторонников гласности и демократизации развяжет руки партийным бюрократам, саботажникам перестройки, усилит политические репрессии, идеологический зажим всего нового, что происходит в стране.

Граждане!
Страна у рокового рубежа — наше молчание на руку противникам перестройки.

Граждане, земляки Ельцина! Направляя правительству коллективные протесты против его ухода, мы поддержим и укрепим процесс демократизации страны!
Протестуйте!

Первый ответ на эти листовки дал сам Горбачев — двумя фразами в почти четырехчасовой речи по поводу 70-летия советской власти: «Мы не должны поддаваться нажиму со стороны тех не в меру ретивых и нетерпеливых — тех, кто не желает считаться с объективной логикой перестройки, выражая недовольство медленными, как они считают, темпами преобразований, тем, что они якобы не приносят быстро необходимых плодов. Должно быть ясно — нельзя перескакивать через этапы и пытаться все сделать одним махом».

За права человека, за религиозную свободу

Ежегодная премия Центра по изучению религии и коммунизма «За права человека и религиозную свободу» в этом году присуждена четырем бывшим советским политзаключенным — Анатолию Корягину, Александру Огородникову, Нийоле Садунайте и Валерию Сендеру, пианисту Владимиру Фельцману и швейцарскому пастору Фоссу — основателю организации «Вера во Втором мире».

Валерий Сендеров, награжденный, как сформулировано в решении Центра о присуждении премии, «за борьбу против дискриминации евреев в СССР и за годы, проведенные в советских лагерях и тюрьмах», немедленно откликнулся телеграммой:

Глубоко уважаемые господа,
я глубоко тронут столь высокой оценкой моей деятельности. Спасибо. Помощь Божья и поддержка друзей на Земле придают сил. Просим ваших молитв. Пусть Господь увеличит наши ничтожные силы, милостиво спешествует и впрямь нашей работе.
Да станет Россия вновь открытым обществом, страной духовной и политической свободы, полноправным членом всемирного братства наших народов. Будем молиться и бороться за это.

ВАЛЕРИЙ СЕНДЕРОВ

1 ноября 1987

Валерий Сендеров был арестован в июне 1982 года и за «антисоветскую агитацию и пропаганду» приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Он был досрочно освобожден в феврале этого года и ныне возглавляет московское отделение Международного общества прав человека.

Одна из самых известных активисток национального и религиозного движения в Литве 49-летняя Нийоле Садунайте провела три года в лагере и три — в ссылке.

Нийоле Садунайте была арестована в августе 1974 года за участие в издании самиздатского журнала «Хроника Литовской Католической Церкви». Ее книга «Записки» была опубликована на Западе на нескольких языках, отрывки из нее печатались и в «Русской мысли». Второй том «Записок» под названием «Свет в ГУЛАГе» вышел в этом году в США в издательстве «Тринити».

Садунайте награждена премией «за борьбу за свободу веры в Литве и за пережитые страдания».

В телеграмме, адресованной Центру по изучению религии и коммунизма, Нийоле Садунайте пишет:

Спасибо.
То, что нам удается здесь с помощью Божьей, — общее дело и общая заслуга. Молитесь и боритесь за тех, кто гораздо достойнее меня — Альфонсаса Сваринскаса, Сигитаса Тамжявичуса, Виктораса Пяткуса, Балиса Гаяускаса, Гинтаутаса Ешмантаса и многих, многих других.
Да поможет вам Бог.

НИЙОЛЕ САДУНАЙТЕ

2 ноября 1987

Двое из упомянутых ею — католические священники Альфонсас Сваринскас и Сигитас Тамжявичус — до сих пор находятся в лагерях, остальные трое — в ссылке после многих лет лагеря. Балис Гаяускас провел в советских лагерях уже 35 лет, больше половины жизни (ему 61 год). Сейчас он находится в ссылке в поселке Чюмикан Хабаровского края.

Навстречу «Парижскому форуму»

Александр Блок, секретарь Международного ПЕН-Клуба, и Владимир Максимов, исполняющий директор Интернационала Сопротивления и редактор журнала «Континент», выступили совместно на встрече — пресс-конференции, организованной в помещении ПЕН-Клуба в связи с подготовкой к «Парижскому форуму» (19-21 ноября 1987 г.) Это мероприятие будет проходить под покровительством Клода Малюре, стат-секретаря по правам человека при премьер-министре Франции. Конференция будет проходить под лозунгом «Литература без границ», она посвящена сопротивлению, оказываемому интеллигентной тоталитарной власти в прошлом, настоящем и будущем.

Среди нескольких десятков приглашенных участников коллоквиума назовем только некоторые имена: лауреаты Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский и Чеслав Милош, историки Аллен Безансон и Михаил Геллер, писатели Эжен Ионеско, Густав Герлинг-Грузинский и Уильям Стайрон, знатоки советской системы Бранко Лазич, Андре Глюксман, Милован Джилас, Жан-Франсуа Ревель и многие другие.

Как сказал на пресс-конференции В.Максимов, за последние месяцы инициатива в области всеяческих международных конференций и встреч принадлежит Москве; достаточно вспомнить нашумевший Московский форум «за мир», прошедший в феврале этого года. Парижский коллоквиум явится своего рода ответом: попыткой выдвинуть альтернативные предложения.

Организаторы встречи стремились пригласить участников из самых разных стран, представляющих иногда очень разные точки зрения. Югославские члены ПЕН-Клуба сообщили о том, что постараются принять участие в Парижском форуме. Не исключено, что и писатели из Польши смогут участвовать в прениях. Однако приглашения, отправленные четверым советским писателям через Союз советских писателей, до сих пор остаются без ответа. Ни Чингиз Айтматов, ни Андрей Битов, ни Андрей Вознесенский, ни Валентин Распутин не сообщили, получили ли они вообще приглашения и собираются ли посетить форум «Литература без границ». Выход ясен — по крайней мере одна граница продолжает существовать.

А.М.